
К. Д. Бальмонт
3

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений
в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений
ТОМ 3

Полное собрание стихов
1909-1914
Книги VIII-X

Белый зодчий

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б21

Оформление художника
Е. БЕРЕЗИНА

Бальмонт К. Д.

Б21 Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Полное собрание стихов 1909—1914: Кн. 8—10; Белый зодчий. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 528 с.

ISBN 978-5-904656-85-0 (т. 3)
ISBN 978-5-904656-82-9

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — русский поэт-символист и переводчик, виднейший представитель Серебряного века. Именно с него начался русский символизм.

Стихи Бальмонта удивительно музыкальны, недаром его называли «Паганини русского стиха». Его поэзия пронизана романтичностью, духовностью, красотой. Она свободна от условностей, любовь и жизнь воспеваются даже в такие страшные годы как 1905 или 1914.

Собрание сочинений Константина Дмитриевича — изысканная коллекция самых значительных и самых красивых творений метра русской поэзии, принесших ему российскую и мировую славу. Произведения, включенные в Собрание сочинений, дают самое полное представление о всех гранях творчества Бальмонта — волшебника слова.

Уникальными являются первые три тома — в них без сокращений воспроизведено «Полное собрание стихов К. Бальмонта в 10 томах», изданное в 1904—14 гг. В пятый и шестой тома вошли прозаические произведения Бальмонта, очерки, заметки, впечатления и мысли. Заключительный том Собрания сочинений включает в себя лучшие образцы его художественных — поэтических и прозаических — переводов.

В третий том собрания вошли сборники стихов «Зеленый вертоград», «Птицы в воздухе», «Хоровод времен» и «Белый зодчий».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-904656-85-0 (т. 3)
ISBN 978-5-904656-82-9

Книга VIII

ЗЕЛЕНЫЙ ВЕРТОГРАД

Слова поцелуйные

Он по садику гулял, в свои гусли играл.
Я люблю! Я люблю!
Звонко в гусли играл, царски песни распевал.
Я люблю! Я люблю!

Журчанье Белых Голубей

КОРМЩИК

— Кто ты? — Кормщик корабля.
— Где корабль твой? — Вся Земля.
— Верный руль твой? — В сердце, здесь.
— Сине Море? — Разум весь.
— Весь? Добро и рядом Зло?
— Сильно каждое весло.
— Пристань? — Сон. — Маяк? — Мечта.
— Достиженье? — Полнота.
— Полноводье, а затем?
— Ширь пустынь — услада всем.
— Сладость, сон, а наяву?
— В безоглядности — плыву.

ВТАЙ-РЕКА

Из глубокого колодца, из-под той крутой горы,
Где гнезда не строит птица, где не строит зверь норы,
Протекала полноводно, и течет, поет века,
Непослушная, живая, влага-пламя, Втай-Река.

Там на дне — лишь белый сахар, алый бархат, жемчуга,
Из глазастых изумрудов расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнее бережки,
На отлогостях сверкают желто-рдяные пески.

От Востока до Заката Втай-Реки идет длина,
От холодных стран до жарких растянулась ширина.
Глубину никто не знает, измеряли мудрецы,
Опускали в воду тяжесть, потеряли все концы.

А и что ж нам ведать тайны — тех, кто хочет тайну скрыть
Втай-Река не с мудрецами, хочет с сердцем говорить,
Прикатилась и вселилась в полнозвучные сердца,
Из глубокого колодца, без начала и конца.

ШАТ-РЕКА

Уж и что я вам, братья, сегодня реку:
Не ходите вы, братья, на Шат-Реку.
Глубока та Река шатоватая,
Плутовата она, вороватая.
И сшибает она с ума-разума,
Подойдешь к ней, — судьба твоя сказана.
Подойдешь, изопьешь, зашатаешься,
По прибрежной глуши нагуляешься.
Опьянит она зыбью глубокою,
Завлечет шелестящей осокою.
Не ходите вы к ней, не пленяйтесь вы ей,
А уж если пошел, так себя не жалей.
Загляни, потони, значит, так суждено,
Не видать с берегов, что скрывает там дно.

ТЕНЬ-РЕКА

Под густыми под кустами протекает Тень-Река,
Ты побудь над ней ночами, в час как тают облака,
Загляни в нее очами, — в чем, спроси, твоя тоска.

Оттого ль, что вот, взглянувши, ты увидел свой двойник?
Оттого ль, что птица ночи, промелькнув, послала крик?
Оттого ли плачут очи, что, дрожа, шуршит тростник?

Отодвинься, — отраженье отодвинулось в воде,
Опрокинься, — и стремленье не к воде ушло, к звезде,
Разуверься, — птица ночи есть везде и все ж нигде.

Промелькнув над Тень-Рекою черно-бархатным крылом,
В гости к Солнцу улетела птица тьмы ночным путем,
Чтоб позвать к нам птицу-пламя и сменить печаль огнем.

И казавшийся зловещим расшуршавшийся тростник,
Под опаловой росою, как под ласкою поник,
Перед ним в воде трепещет ожемчуженный двойник.

За дневною Тень-Рекою тьма ночная далека,
Все ночное будь хоть вдвое, а растают облака.
И под Солнцем, как червонцем, золотится Тень-Река.

СЛАДИМ-РЕКА

Течет она, течет она,
Река-Сладим течет.
Как сладость сна, идет весна,
Утрачен веснам счет.

Разъялся лед, нежна тоска,
Ключ Бездны заиграл.
Помчала всех Сладим-Река,
Белеет влажный вал.

Он хлещет всех, нас всех он взял,
Мы все в огне скользим.
Он мечет, крутит, пьяный вал,
Течет Река-Сладим.

СВИРЕЛЬНИК

Он Пророк и он Провидец, он Свирельник и Певец,
Он испил священной крови из раскрывшихся сердец.

Он отведал меда мыслей, что как вишенье цвели,
Что как яблоня светились и желаньем сердце жгли.

В белом свете, в алом цвете, в синем, в желто-золотом,
Был он в радугах вселенских освещен Огнем и Льдом.

Заглянул он в голубую опрокинутость зеркал,
Слышал шопоты столетий и нашел, чего искал.

Семиствольную цевницу он вознес, поет свирель,
Вековую он гробницу превращает в колыбель.

Торопитесь, насладитесь полнопевною волной,
Нарядитесь, освятитесь Морем, Солнцем, и Луной.

В стройном хоре дышит Море, в круге — блески всех светил,
Прикоснитесь в разговоре к собеседованью Сил.

АНГЕЛ ВСТРЕЧ

Во зеленыим саду, в сновиденной я мечте.
Птица райская поет на превышней высоте,
Птица райская велит быть в любовной чистоте.

Говорят она при наш неокованный закон.
Говорит она, поет, что раскрылся Небосклон,
И как будто бы звонит, и узывчив этот звон.

На престоле, в высоте, светлый Ангел наших встреч,
В золоту трубить трубу, золотой он держит меч,
Возсиянием своим он ведет с очами речь.

Посылает он лучи на зеленые луга,
Он велит волнам морским восходит на берега,
Он велит волнам морским оставлять там жемчуга.

Он сияет для очей ярче Утренней Звезды,
Он дает тепло лучей для продольной борозды,
В изумруды и в рубин одевает он сады.

Птица райская поет, и трубит огонь-труба,
Говорит, что мир широк и окончена борьба,
Что любиться и любить — то вершинная судьба.

АДАМ И ЕВА

Адам, первично-красный,
Ликующая плоть.
Из глыбы темно-страстной
Слепил его Господь.

Узывчивая Ева,
Прозрачная душа.
На первый зов напева
Пришла к нему, спеша.

Пришла к нему в невинный,
Сияющий Эдем.
Но этот сад пустынный
Для разума был нем.

И Ева воздохнула,
И поглядел Адам.
И долгий ропот гула
Прошел по Небесам.

Совсем в средине Рая
Красивый куст расцвел.
Адам сказал, не зная,
Что это — женский пол.

И раковина Моря
Раскрылась на кусте.
С зарею цветом споря,
И споря в красоте.

И в страсти обоюдной
Адам склонился к ней.

Обвил их изумрудный
Алмазноокий Змей.

Так пламенно горенье
Струил на них алмаз,
Что скрыл он выраженье
Змеиных этих глаз.

И дерево средь Рая,
Багряное, на снедь,
Растет — тела сжигая,
И жжет — чтобы гореть.

Менять уж невозможно,
Цвети, кто раньше цвел.
Адам сказал неложно,
Что это женский пол.

РАЙСКОЕ ДЕРЕВО

Развесистое древо
Сияет среди Рая.
Глядит Адам и Ева,
Глядят они вздыхая.

Сказали им, что можно
Все трогать, лишь не это,
Погибель непреложна,
Здесь слишком много света.

Не трогайте же, детки,
Красы тут непростые,
Серебряные ветки,
И листья золотые.

Растет оно из бездны,
Уводит в пропасть злую,
В темницы, что железны.
В гробницу расписную.

Но самое в нем злое,
Что есть в нем запрещенье.
О, древо роковое,
Ты сеешь возмущенье.

Под древом мягко ложе,
Усыпано цветами.
Прости, великий Боже,
Так нежно с васильками.

С багряным цветом розы
Сердца так вольно слиты,
Что все Твои угрозы
Мгновенно позабыты.

И ветки — молодые,
В них серебро сквозное,
И листья — золотые,
Как солнце золотое.

Погубит ли нас это,
Целуясь, мы не знаем,
Но лишь завет запрета
Мы называем Раем.

ТО ДРЕВО

То древо, о котором
Теперь уж речь бесплодна,
Светло сияет взорам,
И ширится свободно.

Багряно, златовидно
В пылающей красе,
Любить его не стыдно,
Им в мире живы все.

И будто бы когда-то
Оно запретно было.

Неправда, аромата
В нем животворна сила.

Оно до края Неба,
Оно доходит в Ад.
В дупле есть много хлеба,
На ветках сонм услад.

Края всегда повиты
Душистыми цветами,
В них словно сказки скрыты
С цветистыми строками.

В корнях и мед и млеко,
Двенадцать свежих рек.
И все для человека,
Богатый человек.

Причудливые звери
В стволах выходят, входят,
И дети в светлой вере
Здесь хороводы водят.

И птицы столь всезвучно
Поют среди ветвей,
Что слушать их не скучно
Сто лет и вдвое дней.

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХ

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа — поле, слева — лес,
Много тут и там чудес.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не один стоит, их два.
И растет, поет трава.

Тот, направо, светлый он,
Словно день воспламенен.
А другой еще светлей,
Как пожар среди ночей.

И один — хорош как тишь,
Как загрезивший камыш.
У другого же глаза —
Грозовая бирюза

И один — светло поет,
Как напевность тихих вод.
А другой — молчит, молчит,
И как к битве закричит.

И один крылом взмахнет,
Шестикратностью блеснет.
И мгновенно для очей —
Годовых три сотни дней.

И другой крылом взмахнет,
Шестимолнийно сверкнет,
И внезапно для очей —
Триста огненных ночей.

Справа поле, слева лес,
Живо поле, лес воскрес.
Светел день, и ночь светла,
Богу вечному хвала.

БРАТ И СЕСТРА

— Кто ты, милый белый брат?
Как свеча твой светлый взгляд.
— Кто ты, бледная сестра?
Говорить давно пора.
— Первый ты откройся мне.
Очень страшно при Луне.

-- Ты мне первая скажи,
Кто ты, что ты, расскажи.
— Я сестра твоя, сестра,
Вместе вышли со двора,
Как оставили наш дом,
Что Небесностью зовем.
— Я твой брат, твой белый брат,
Ангел, что ли, говорят,
Все хочу я побороть
На Земле земную плоть.
— Я сестра твоя, сестра,
Я душа, я звезд игра,
Если плоть мы освятим,
Без обиды победим.

БРАТ С СЕСТРОЙ

— Брат, над лугом ты трубишь
В свою золотую трубу.
Если меня ты любишь,
Скажи мне мою судьбу.
— Быть тебе вечно со мною.
И всегда быть белой, сестра.
Тебе уготован Луною
Путь серебра.
Если в часах — ты минуты
Захочешь, минуты одной,
На горы пойдешь ты круты,
В замок, где сон ледяной.
Если в минуте — минутней,
Воздушней захочешь быть,
Я буду с весною и с лютней,
И тебя научу любить.
Если ты птиц захочешь,
Голубей тебе дам, лебедей.
Если наряд свой омочишь,
Это брызги небесных дождей.
Если цветов захочешь,
Я тебе ландыш найду.

— Брат, ты нежно пророчишь,
А если я к Солнцу пойду?
— Если ты не боишься жгучих
Праздников вешней игры,
Иди, на превыспренних кручах
Я тебе приготовил шатры.
— Я белая, так, я белее,
Чем лилия тихих вод.
Но ты золотишься, и, рдея,
Поешь, твой голос зовет.
— Я зову на высокие выси,
Я зову до исподних глубин.
Я огонь в вековом кипарисе,
Я в пещерах полночных рубин.
— Зачем же тебе золотое,
Скажи, а белое — мне?
— Чтоб быть нам счастливее вдвое,
Чтобы Солнце сияло — Луне.

БОЖЬЯ КНИГА

Божью книгу я читал,
Божья книга — здесь, в саду.
Выпил полный я бокал.
К каждой букве приникал.
Пьяность в разуме. Я жду.

Божья книга хороша
Тем, что каждая душа
Видит в ней себя одну,
Видит также целый мир,
Видит собственный свой пир,
И вселенскую весну.

Божья книга хороша
Тем, что каждая душа
Может всю ее прочесть.
Через миг придет, спеша,
Глядь, еще в ней строки есть,

И цветут они, растут,
Здесь, и там, и там, и тут.

Божья книга, вот опять
Я пришел тебя читать.

ГОЛУБИЦА

Во саду, саду зеленом,
Под широким небосклоном,
От Земли и до Небес,
Возносилось чудо-древо,
С блеском яблоков-чудес.

Прилетев на это древо,
С воркованием напева,
В изумрудностях ветвей,
Молодая Голубица
Выводила там детей.

Молодица, Голубица,
Эта ласковая птица
Ворковала к молодым,
Говорила им загадки
Там под Древом вековым.

Говорила им загадки:
«Уж вы детко-голубятки,
Клюйте вы пшеничку здесь,
А в пыли вы не пылитесь,
Мир далекий пылен весь».

«А в пыли вы не пылитесь.
А в росе вы не роситесь».
Ворковала им она.
Только детки не стерпели,
Заманила ширина.

Голубятки не стерпели.
В мир широкий полетели,

Запылилися в пыли,
Заросилися росою,
Удержаться не могли.

Заросилися росою,
Застыдилися виною,
Голубица же нежна.
Там под яблонью живою
Оправдала их она.

КАК СОН

Я как сон к тебе ходил,
Оставлял свой цветик ал,
Я как сон к тебе ходил,
Я как луч тебя ласкал,
И в живом играньи сил
Из потопа выводил.

Из потопа, из волны,
Из прибрежных вязких трав,
Из мятущейся волны,
Из осоки и купав,
Из великой глубины
К свету Солнца и Луны.

Становил тебя, сестра,
Во зеленыим саду,
Говорил тебе, сестра,
Что везде с тобой пойду.
Говорил тебе: «Пора!
Есть священная игра».

И Луною золотой
Осиян в живом саду,
Под Луною золотой
Я с душою речь веду.
Я с своею молодой,
Мы под яблонью святой.

И зеленый сад шумел,
Как тебя я целовал,
И зеленый сад шумел,
И раскрылся цветик ал,
И кружился голубь бел,
В час как Мир нам песню пел.

ПТИЦА РАЙСКАЯ

Мы ходили, мы гуляли в изумрудном во саду,
Во саду твоем зеленом мы томилися в бреду.

Мы глядели, как, зардевшись, расцветает нежный сад,
Мы хотели, чтоб скорее был нам спелый виноград.

Мы молили, искушали, вопрошали мы Судьбу,
Мы с дрожанием трубили в живогласную трубу.

Мы звонили, и звенели в Небесах колокола,
И была над нами в ветках Птица райская светла.

И потом мы утешались за дубовым за столом,
Пили, ели, прохлаждались, не заботясь ни о чем.

И потом мы пожелали, чтобы ум совсем исчез,
Мы манили и сманили Птицу райскую с Небес.

И потом мы перестали говорить: «А что потом?»
Гусли звонко в нас рыдали, поцелуйный был наш дом.

ГОЛУБЬ

Голубь к терему припал,
Кто там, что там, подсмотрел.
Голубь телом нежно бел,
На оконце ж цветик ал.
Белый голубь ворковал,
Он цветочком завладел,

Он его зачаровал,
Насладился, улетел.
Ах ты белый голубок,
Позабыл ты ал цветок.
Ах ты белый голубок,
Воротись хоть на часок.

УЛЕТИ

Из острогов, из затворов,
От косых холодных взоров,
От напрасных разговоров, —
Улети.

Птицей вольной, птицей белой,
Из темницы застарелой,
Унесись на подвиг смелый, —
Есть пути.

В миг один свершится диво,
И свободно и красиво
Засияет луг и нива, —
Захоти.

Пленным — крючья, пленным — пилья,
Но мечтой умножь усилья,
Вот растут, белеют крылья, —
Что ж, лети.

Камень тяжкий отвалился,
Душный свод тюрьмы раскрылся,
Прахом твой порог затмился, —
Отмети.

Будь же с нами, с голубями,
В голубом воздушном храме,
Мы помчимся облаками. —
Улети.

ВОРКУНОК

Уж очень, голубок,
Ты хитрый воркунок!
Затянешь, зажурчишь,
Разрушишь в сердце тишь,
Разломишь в нем ледок,
И манишь, и пьянишь,
О чем-то говоришь,
О чем и невдомек,
Заставишь воздыхать,
И стыдного желать,
Заноет сердце, — глядь,
Вспорхнешь и улетишь.

СВАДЬБА ДУШ

Кто сказал, что будто Небо далеко от нас?
Солнце — в мыслях, Месяц сердцу светит каждый час.

Чуть помыслим, — это утро, это свет дневной,
Чуть полюбим, — это дымка с ясною Луной.

И Луна, побыв, как Месяц, в нежном серебре,
Станет Солнцем, чтоб тонули помыслы в заре.

И небесный серп, собравши жатву всех сердец,
Золотит колосья мыслей, их сплетя в венец.

Серебро в пресуществленьи золотом горит,
В мыслях жемчуг, в мыслях звездность, камень-маргарит.

Переливные опалы в озерной воде,
Свадьба Месяца и Солнца, зов звезды к звезде.

Не поймешь, когда полюбишь, двойственных речей,
Только будь как пламень Солнца, луч среди лучей.

Не найдешь раздельность Неба и Земли родной,
Если разум обвенчаешь с царственной Луной.

ПРИХОДИ

Вкруг сада — из рыбьих костей я построил забор.
На них положил изумрудно-сребристый ковер,
Который я сплел из змеиных и рыбьих чешуй.
Приходи, и яви мне свой взор.
Приходи, поцелуй.

Снежащийся свет днем исходит от рыбьих костей,
А в ночь загорается в них словно нежный светляк.
Сказать, почему? Ведь они же из бездны морей.
А Солнце в морях засыпает на время ночей,
И в них спит Луна, перед тем как пробудится мрак.

В ковре серебро, и в ковре золотой изумруд.
Сияний таких ни слова, ни века не сотрут,
И зыбь — без конца в тишине многолиственных струй.
Приходи, о, скорей, я уж тут,
Приходи, поцелуй.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болит, а уму не говорит?
Я люблю. Я люблю.
Отчего огонь в крови, хоть зови, хоть не зови?
Я Люблю. Я люблю.
Отчего на Небесах звезды ясные в венцах?
Я люблю. Я люблю.
Отчего из темноты дышут пьяные цветы?
Я люблю. Я люблю.
Отчего в журчаньи струй так и бьется поцелуй?
Я люблю. Я люблю.
Отчего к цветку цветок посылает лепесток?
Я люблю. Я люблю.

Отчего в твоих глазах и желание и страх?
Я люблю. Я люблю.
Отчего ж ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

ДЛЯ СЕСТРЫ

Для сестры моей, любови, есть лазоревы цветы,
Есть лазоревы цветочки самой свежей красоты.

Самой свежей, самой нежной, из-под первой той росы,
Для сестры моей, любови, и другие есть красы.

На холме, холме зеленом есть высокий теремок,
Под оконцем воркованье, стонет белый голубок.

Голубь нежный, белоснежный, он проворный, круговой,
Чуть крылами затрепещет — он со стаею живой.

Проворкует, нас, мол, много, это правда, а не ложь,
За одним другой и третий, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькают, затрепещут, крылья блещут и горят,
Для сестры моей, любови, в Небе выпросят наряд.

В самом Небе, в синем Небе, у высоких облаков,
Уж помолят, уж попросят бирюзы и жемчугов.

Уж помолят, уж попросят изумрудов, жемчугов.
И атласа отливного, и тончайших шелков.

Небеса ли им откажут, в Небе много там всего,
Для сестры моей, любови, и для счастья моего.

ПО БЛАГОДАТИ

Мы не по закону,
Мы по благодати.
Озарив икону,
Ляжем на кровати.

Мы не знаем брака
Выше, чем желанье.
Мы в глубинах мрака
Яркое сиянье.

Вне сцеплений слова
Льются наши речи.
Может, будем снова
В столь же вольной встрече.

Может, бесповторен
Праздник нашей страсти.
Пусть. Чертог узорен
Двух свободных счастий.

ШУТКА ЦВЕТОВ

Я вошла в зеленый сад,
Повидалася с цветами,
Разноцветные горят,
Цветом с сердцем говорят:
«Ты люби зеленый сад,
Ты побудь подольше с нами».

Я не слушалась цветов,
А они, в пахучей силе,
А они, — их нрав таков, —
Трепетаньем огоньков,
Воссияньем лепестков.
Надо мною почудили.

В терем свой от них ушла.
И с фиалкой голубою
Я заснула, я спала,
Я во сне была светла,
Я чего-то все ждала,
И проснулася — с тобою.

ОДЕЖДЫ РАЗНЫ

На теле нашем, на нашем теле
Одежды разны — одна черна,
Потом серее, потом зардели —
Красней, бледнее, как снег бледна.

Не будем медлить в одежде черной,
И сбросим серый слепой покров,
И с красной лентой, с одной узорной,
Мы явим свежесть и свет снегов.

И будем в вихрях, и будем в светах,
И будем ночью светлей, чем днем.
В телах воспетых и в снег одетых
Живое счастье горит огнем.

БОЖИЙ ХРАМ

Наше тело — Божий храм,
В храме дай гореть свечам.
Любишь Бога, так смотри,
Храм достойно убери.

Чтобы ладан нежный в нем
Был с молитвенным огнем,
Чтобы тихий звон кадил
Прямо в сердце заходил.

Чтобы к храму льнул другой,
Тоже Божий — и такой,
Как бывает вешний сад,
В час как все цветы горят.

ЧЕРНОМУ ВРАНУ

Если спросит Черный Вран: —
«Ты откуда, Белый Дух?
Отчего в тебе все бело?» —

Ты пред ним промысли вслух: —
«Уж такой закон мне дан,
Черный Вран, Черный Вран,
Белый я телесный дух,
И духовное я тело,
Так Раденье захотело,
Ибо мы — из Белых стран.
Ты же, Вран,
Черный Вран,
Каркай! Прочь!
В мрак и в ночь!
Прочь от сих Восточных стран!»

ЗАВЕТ

Если хочешь рай блюсти,
Чисто комнату мети,
Чтобы пол и потолок
Был пресветлый теремок.

Чтобы не было темно,
Полюби свое окно,
Чтоб была игра стекла
Незапятнанно светла.

Если хочешь нежить рай,
За цветами надзирай,
Чтобы твой цветущий сад
Был как огненный закат.

В БОГЕ

Как быть в Боге? — Свет найти,
Не в дороге, а в пути.
А дорога-путь одна: —
Пить любовь, и пить до дна.

Выйди к травам, посмотри! —
От зари и до зари

Пчелы вьются меж цветов,
К ночи светлый мед готов.

Выйди ночью, и взгляни: —
Птичий Путь. Горят огни.
Белый свет. Люби, цвети.
Будь звездою во плоти.

ВЕНЧАНИЕ

Из древнего Молчания
Доходят голоса,
Зовут нас на венчание,
Идем, моя краса.
Для светлого веселия
Рождаемся мы в мир.
Таинственные зелия
Вмешались в этот пир.
Колдующие зелия
Сумеем победить.
В глухие подземелия
Ведет цветная нить.
Слепыми переходами,
Тропинкой винтовой,
Умолкнувшими водами,
К обители живой.
К тому ли средоточию,
Что в самой глубине,
Где узрим мы воочию
Крещение в Огне.
За этим — посвящение,
Причастие глубин,
Сожженье — очищения,
Одна ты, я один.
Мы в таинстве венчания,
Мы стали два в одном.
Нас древнее Молчание
Окутало кругом.

ЗВЕЗДНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Если, после поцелуя,
Темной ночью выхожу я.
На тесовое крыльцо,
Освежить свое лицо,
Звезды искрятся, ликуя,
По небесной вышине,
Словно в жажде поцелуя
Расцвечаются оне.
И в молитвенной истоме,
В пробужденности и в дреме,
В сердце чувствуя зарю,
Слитно с Небом я горю,
Словно в светлом водоеме
Брызги — здесь, и брызги — там,
Мы в молитвенной истоме
Сопричислены к звездам.

ЗОЛОТЫЕ ЗЕРНА

Смотрите, братья-голуби, смотрите, сестры-горлицы,
Как много вам различного пшеничного зерна.
Нам зерна эти светлые, о, духи светловзорные,
Вечерняя, рассветная послала вышина.

От той звезды, что первая в вечерней светит горнице,
От той звезды, что первая сияет поутру,
Ниспослан этот колос нам, и зерна в нем повторные,
Берите это золото, я сам его беру.

Вы, облачные голуби, покорливые горлицы,
Снежите взоры крыльями, белейтесь в золотом.
Вам зерна золотистые, вам облака узорные,
Вам солнечный, вам месячный, небесный Божий Дом.

СВЕЧА

Если ты зажег свечу,
Ты не прячь ее под стол.
Если ты сказал — хочу,
Ты люби хотящий пол.

Если ты пасешь овец,
Ты сплети себе руно.
Ты почувствуй наконец,
Для чего нам все дано.

И красивый — женский пол,
И могучий — пол мужской.
Если правду ты нашел,
Не ищи себе другой.

СВЕТ ЧУДЕСНЫЙ

Свет чудесный, свет прелестный светит нам с Небес,
Он в другом краю засветит, раз в одном исчез.

Он в одних очах кончает, а в очах других
Чуть заметно начинает, как запетый стих.

И одни темнеют очи, чтоб в ночи уснуть,
Чтоб другим, в угрозу Ночи, вместо них блеснуть.

А заснувшие сияют — где шатер Небес,
Чтоб не думали, что будто ночью свет исчез.

ЧУДО

Со мной случилось чудо,
Я — здесь, и я — не здесь.
Я вдруг ушел отсюда,
И мир увидел весь.

Уж как-то так случилось,
Что я вошел в себя.
Бесшумно дверь раскрылась,
Я сплю, весь мир любя.

Как в раковине Моря
Напев и жемчуг скрыт,
Молчу, ни с чем не споря.
А Море мне шумит.

И будто бы не сплю я,
И будто бы я сплю.
Я в счастьи поцелуя
Стозвонный мир люблю.

Как в раковине Моря
Напев и жемчуг скрыт,
Молчу, ни с чем не споря,
А Море мне шумит.

БЕЗ КОНЦА

— Что ты делал, где ты был
За туманами могил?
— Нет могил. Могила — дверь.
Был я птица, был я зверь.
— Был ты птицею какой?
Добрый был ты или злой?
— Был я волк, и заяц бел,
В Небе жаворонком пел.
— А потом? А что потом?
Где ты шел? Каким путем?
— В разном был, всего вкусил.
Через двери проходил.
— А потом? А что потом?
Мы с тобой куда идем?
— Без конца по Бытию.
Видишь: песни я пою.

СТИХ КОРАБЕЛЬНЫЙ

Мы в двух горницах соседних, и в едином терему.
На таинственных обеднях, посвящаемых Уму.

Ум — алмазный устроитель возносящихся дворцов,
Наш божественный хранитель, дарователь всех венцов.

Мы в двух горницах раздельных, мы за тонкою стеной,
В час радений корабельных будем в горнице одной.

Помолчал я, постучал я, и распалася стена,
Красоту души встречал я, красота души одна.

Хоть и много есть у Бога расцветающих цветов,
Но одна ведет дорога к предызбраннице веков.

Походили мы по дальным, по лазоревым звездам,
Уж скитаниям печальным больше сердце не отдам.

Хоть лазоревы и чудны звезды выси голубой,
Хоть златисты, изумрудны, тяжко быть мне врозь с тобой.

Ты пришла с Звезды Лазурной, я пришел с Звезды Рубин,
Оба были в сказке бурной, двум Земля — приют один.

И теперь в великом чуде мы в радевьи Корабля,
Светят очи, дышут груди, в Небе царствует Земля.

ПОСЛАНИЕ К ГОЛУБИЦЕ

Уж ты птица голубица,
Нежна горлица моя!
Ты предивная страница
В благовестьи бытия!
Ты пресветлая картина
Между всех живых картин!
Ты слиянье воедино
Всех созвездий и вершин!

Ты открывшая мне дверцу
В наш волшебный теремок!
Ты явившаяся сердцу
Как божественный намек!
Ты явившаяся взору
Как живой родник в пути!
Ты возведшая на гору,
Нам с которой не сойти!
Ты проведшая чрез реки,
На высокое крыльцо!
Подарившая навеки
Звездотканное кольцо!
К голубице — голубочек,
Благовонная камедь!
Исписался весь листочек.
Не сумел тебя воспеть!

ГОРЛИЦЫ-ГОЛУБИ

Горлицы белые, воркуйте поутру,
Горлицы белые, воркуйте ввечеру,
Голуби белые, спешите им помочь,
Голуби белые, воркуйте целу ночь.

Пить вам захочется, всем будет вам питье,
Есть вам захочется, вот яствице мое,
Светло-духовное пшеничное зерно.
Белому белое для радости дано.

КАЖДЫЙ

Каждый, ежели дойдет
До сияющих высот,
Нам приносит в бытие
Благовестие свое.

Каждый вступит в звездный счет,
В ком молитвенность течет,

По духовной он Реке
Устремится в челноке.

Каждый цвет весной цветет,
В каждой соте светлый мед,
Так не старостям Зимы
Поучаться будем мы.

СЛОВО БОЖИЕ

Слово Божие — в пчеле,
В талом снеге, и в земле,
Указующей — цветком,
Для чего сквозь тьму идем.

Слово Божие — в волне,
В прибывающей Луне,
В воркованьи голубей,
И в очах любви моей.

АНГЕЛЫ НЕБЕСНЫЕ

Ангелы Небесные
Писанье ли читают?
Ангелы Небесные
Не в Небе ли летают?

Птицы поднебесные
Не звонко ли поют?
Помыслы чудесные
Не в цветиках ли ждут?

КЛЮЧИ

Солнце встало, с ним — лучи,
Держит Бог в руках ключи,

Бог ключи роняет вниз.
Только Солнцу помолись.

Не по книгам доходить,
Чтоб цветную выткать нить.
Ты на радугу смотри,
На жемчужности зари.

Ты смотри в глаза того,
Сердце чувствует кого,
Ты смотри и ты колдуй.
И целуешь, так целуй.

КУДА ЖЕ?

— Куда же ты сердце свое простираешь?
— Я его простираю к Раю.
— Но разве об Аде ничего ты не знаешь?
— Нет, не знаю.
— Есть Ад престрашный, есть Ад прегрозный,
Жгучий, морозный.
Там цепкие крючья, и те, что здесь лепы,
Попадают в вертепы.
А в этих вертепах у бесов свирепых
Есть когти преостры.
Смиритесь же, братья, побойтесь проклятья,
Побойтесь вы, сестры.
И ты устрашися, безумный свирельник,
Я пропасть твою не измерю,
Ты знаешь, ведь будешь в огне ты, бездельник.
— Не верю.
Зачем быть в Аду мне, когда я пылаю
Пресветлой свечою?
Я сердце и здесь на огне оживляю,
И радуюсь зною.
И светом рожденное жгучее Слово
Ведет нас в восторг торжества золотого,
К нетленному Раю.
Я знаю.

ЧУЖИМ

Нас чужие спросят: «Кто же вы такие?
Что у вас на сердце? Что во власти есть?»
Мы, пожалуй, скажем, гости дорогие,
Только вы сумейте раньше звезды счесть.

Есть у нас чертоги, где, хоть нас и много,
Светим мы жемчужно в дружной красоте.
Есть у вас дороги, есть у нас дорога,
Лишь одна дорога, лишь к одной черте.

Но подробно молвить вам мы не сумеем,
Что порою восемь меньше, чем одно.
Тот, кто побыл в круге, что вскипает Змеем,
Сразу — ожерелье, и одно звено.

Есть у нас деревья с вечными плодами,
Кони боевые, трубы, и кресты.
Но кресты подвижны, в светлой пляске с нами,
Кони ржут певуче, в трубах звук мечты.

Золотые ризы, белые виденья,
Розовые сказки, знание вперед,
И забвенье знанья, утро наслажденья,
Первый день — и много... Потерялся счет.

ПРОСТЫЕ

Мы пожалуй и простые,
Если истина проста,
Если волны золотые
Есть простая красота.

Мы пожалуй неучены,
Да на что ж ученость нам,
Если сердце слышит звоны,
Что проходят по цветам.

АКСАМИТ

Кто не ценит аксамит,
Тот безумно говорит.
Кто на тело восстает,
В темной кузнице кует.

Тьму кует он без огня,
Лишь стуча, а не звеня.
Паутину, и аркан,
Удушающий туман.

Раз не любишь Красоты,
Как крылатым будешь ты?
Тело — брат, душа — сестра,
В обрученье их игра.

ОТ ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

От всех четырех сторон,
Изо всех четырех мы стран,
Но один нам для всех закон
Нашим собственным сердцем дан

Эй, туман, расступись!
Здесь Восток! Все зажгись!

Эй, сияй, пышный луг!
Здесь целующий Юг!

Эй, цветок, тки наряд!
Здесь багряный Закат!

Эй, наш дух, бел будь весь! —
Север здесь! Север здесь!

Так вот и будем мы в чуде расцвета,
С снегом январским венчаем мы лето,
Дух обручаем мы с телом живым.
Где он? За ним! Мы летим! Мы летим!

ГОЛУБКА С ГОЛУБКОМ

— Отчего, сестра, молчишь,
Ничего не говоришь?
— Мне, мой братик, очень внове
Свет цветов, хожденье в слове.
То раскроюсь, то сожмусь,
Братьев, братика боюсь.
— Ты не верь себе, сестрица,
Будь как в Небе голубица.
Со цветами будь цветок,
Говорил для нас Пророк.
И Пророчица нам пела,
Говорит — любитесь смело.
— Милый братик, я люблю,
Доверяю Кораблю.
Да сама душа пророчит,
Вдруг уйти от братьев хочет.
Не на вовсе, на часок. —
Засмеялся голубок.
Встрепенулись, поглядели,
Улетели, в самом деле,
Улетели в темноту,
Засветили там мечту.
Сестры, братья замечали,
Ничего им не сказали.
Коли хочется, так что ж,
Уходи, опять придешь.

ГОЛУБИНЫЕ ПОВАДКИ

За голубками следи да примечай.
Ты подумаешь, что все в них невзначай,
Вправду ж, есть всему в них счет, хоть
не рассчет,
Все им ведомо, что с часом притечет.

Коль голубка проворкует девять раз,
Это значит, что тепло идет на нас,

Если ж более, чем девять, пропоет,
Это значит, будет теплым целый год.

А когда она воркует без конца,
Это значит, что готовы два венца,
Золотые, не простые, лишь для двух,
У которых в двух телах единый дух.

СВЕТЛЫЙ ЛЕС

Есть и светлые леса,
В них пойдем, моя краса,
В них мы будем по весне
Проходить как бы во сне.

И прижмемся при Луне,
Я к тебе, а ты ко мне.

Мы увидим там с тобой
Колокольчик голубой,
Колокольцев этих звон
Словно сон со всех сторон.

Лес наш — светлый, это — он,
Если звон со всех сторон.

Колокольчики поют,
Вот давай присядем тут,
В звонах столько серебра,
Как любви во мне, сестра.

Говор в звоне серебра: —
Уж весна пришла. Пора.

СВАДЬБА

Я венчалася с дружком
Под кусточком под кустом,

Платье свадебно Луна
Убелила с высоты,
Наша церковь — тишина,
Гости свадебны — цветы.

Под кусточком под кустом
Там и свадебный был дом,
Были певчие у нас:
Между ладанных ветвей,
Всю-то ночку пел — как раз
Надо мною — соловей.

Обручала нас весна,
Обвенчала тишина,
И на яблоне лесной
Осыпались лепестки.
Хорошо ль тебе со мной?
Вечно ль будем мы дружки?

ГОЛУБАЯ ЗАУТРЕНЯ

Пловучими туманами
Одет под утро лес.
За белыми полянами
Уж лик Луны исчез,
И белыми полянами
Проходим мы с тобой.
Зовет гостями зваными
Нас цветик голубой.

Велит нам быть веселыми,
Еще прийти с тобой.
Светло звонить над долами
Заутреней цветной.
Над синими над долами
Звонит он Кораблю.
Равняет мысли с пчелами,
«Люблю» поет, «Люблю».

КОШНИЦА

Я дождусь заповедного времечка,
Разбирать буду каждое семечко.
Разберу семена, разгляжу, положу,
Что увижу, и в чем, никому не скажу.
А когда разложу семена по рядам,
Буду в гости я ждать Светлоокую к нам.
О нарядных цветах затоскует Весна,
Тут я ей послужу, посажу семена
Тут я ей покажу: как вверху глубина,
У меня звезд земных вся кошница полна.

САД МОЙ САД

Сад мой сад, таинственный,
Свет живой воды,
Между звезд единственный,
Рдяные плоды.
Кто-то Светлый ходит в нем,
Нежит лепестки,
Кто-то Стройный бродит в нем,
Сном поит цветки.
Зыбкою дремотою
Радует траву,
Тонкой позолотою
Пестит он листву.
Божими он дочками
Синь-цветки зовет,
С белыми цветочками
Водит хоровод.
Нежное, чудесное
Вводите он в мечты,
В Царствие Небесное
Все глядят цветы.

НЕЗАБУДОЧКА

Незабудочка цветочек
Очень ласково цветет,
Для тебя мой друг-дружочек
Над водицею растет.

Над водицей, над криницей,
Над водою ключевой,
На заре с звездой-звездицей
Говорит — ты будто мой.

Незабудочка цветочек
Нежно-синенький глазок,
Все зовет тебя, дружочек.
Слышишь тонкий голосок?

ВЕТЕР БУЕН

Ветер буен пролетал,
По листочкам трепетал.
    Я же, весела,
    В глубь по саду шла.

Ветер буен в цветик ал
Закрутился, в нем запал.
    Колдовал цветок,
    Мне и невдомек.

В сердце дума весела,
И без думы я была.
    Подошла к цветку,
    К нежну лепестку.

Приоткрылся цветик ал,
Прямо в сердце мне дышал.
    Мил мне ал цветок,
    Милый уголек.

Наклонилась я к нему,
Пошатнулась, не пойму.
Словно ветерок
Закружил листок.

Прикоснулась я к цветку,
Чую сладкую тоску.
Нравится мне цвет.
Рвать его иль нет?

Буен ветер восставал,
Многоструен овевал.
Больше нету сил,
С ног меня свалил.

Закружилась голова,
Я лежу, едва жива.
Ветер — враг? Иль нет,
Верно, алый цвет?

ЦВЕТОЧКИ

Я по рощице ходила,
В ней бродила поутру,
Про себя я размышляла,
Что цветочков наберу.
Что цветочков я немало
Заманю в свою игру,
А уж силушка-то сила
В сердце выхода просила.

Я лазоревых цветочков
Меж листочков набрала,
Я сама не замечала,
Как далеко я ушла,
Я златой цветок срывала,
И душа была светла,
Вдруг увидела кусточек,
Под кусточком мой дружочек.

Уж такой ли ал цветочек
Мой дружочек мне сорвал.
Я дрожала и не знала,
Как мне скрыть тот цветик ал.
Так уж стыдно, небывало
Тот цветочек расцветал,
Не могу теперь дружочка
Отпустить из-под кусточка.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Как мне страшно было, сестры.
Я из сада в лес ушла.
Мотыльки там были пестры,
И калина там цвела.

И уж долго ль там была я,
И гналась за мотыльком,
Я не знаю, — только, алая,
Ведьма стала над путем.

Снизу ль вышла, сверху ль встала,
Или с боку подошла. —
Очи злые, светят ало,
А во рту — и ночь, и мгла.

Я гляжу, она все ближе,
И кривится, и растет,
Кости гложет, кости нижет,
Ожерелье мне плетет.

Рот раскроет и закроет,
Справа вечер подступил,
Рот раскроет, филин воет,
И полночный час пробил.

От веселья иль от злости
Все светлей глаза у ней,
Все страшней белеют кости,
Я — бежать, она — «Не смей».

Погрозилась, я застыла,
Я стою, и сплю — не сплю.
Целый лес — моя могила,
Как вернусь я к Кораблю?

Только вдруг вдали запели
По деревне петухи.
Где я? Что я, в самом деле?
Ах, напасти! Ах, грехи!

Чья-то дивная избушка,
Я пред дверкою стою,
И предобрая старушка
Нежит голову мою.

Говорит: «Вот так-то все мы
Через это все прошли, —
Да пред этим звезды немы,
А теперь поют вдали».

И воистину, сестрицы,
Звезды пели надо мной,
И лазоревы зарницы
Вились лентою цветной.

А из лесу-то пошла я,
Мне дала старушка бус,
И совсем она не злая,
Ничего я не боюсь.

А как вышла я к долине,
Вижу чудо — меж ветвей,
Не цветы уж на калине,
Много ягодных огней.

Словно алые кружочки,
Словно цвет родил звезду,
И сижу я здесь в садочке,
А опять я в лес пойду.

НА КРОВАТКЕ

На кроватке на тесовой
Вешний сад.
Там дружок мой непутевый,
Говорят.
Говорит-то это птица
Над избой,
Да еще вот половица
Под ногой.
Он с кроватки поднимался,
Восставал,
Чрез оконце наклонялся,
Цветик рвал.
Чрез оконце этот цветик
Он пронес.
Уж мне стоил этот цветик
Много слез.
И какие эти слезы,
Не пойму.
Все ему отдам я розы,
Все ему.
С ним весь мир какой-то новый,
Все свежо.
На кроватке на тесовой
Хорошо.

СОН

Меня сон не берет,
Из ума мой мил нейдет.
Где то он? Уж темно.
Месяц смотрится в окно.
Где то он? Где то он?
Приходи ко мне хоть сон.

А сон соскользнул,
На ресницы мне дохнул,
Пошептал — приведу,

Засвечу твою звезду.
Где то он? Где то он?
Разморил меня мой сон.

Гляжу, не гляжу,
Вся как пьяная лежу.
Звезды, что ль, в цветах горят?
Это горница иль сад?
Это он! Это он!
Ах как светит Небосклон!

ПРОЗРАЧНОСТЬ

Я взглянула из окна,
Вижу — белая Луна.
Слышу — сладко меж ветвей
Распевает соловей.

Сладкопевец распевал,
В Небо голос подавал.
В Небе звезды с высоты
Упадали на цветы.

Чем нежней незримый вел,
Тем был больше Месяц бел,
И светлей в зеленый сад
Лился звездный водопад.

И красавица Луна
Так была в конец бледна,
Что как призрак с высоты
Опрозрачила цветы.

И от звезд и от цветов
Столько всюду было снов,
Что навек в душе моей
Не смолкает соловей.

ЗАВОРОЖИЛ

Душу обнял ты мою,
Светловзор, тебя пою.
Чем меня заворожил?
Ведь не золотом кудрей,
Хоть в саду ты всех светлей,
Хоть из всех ты сердцу мил
Изумрудностью очей,
Воркованием речей.
Хоть и этим упоил,
Да не этим душуваял,
И не этим во дворец
Манишь столько ты сердец,
В самый праздничный наш зал.
Тем, что взор твой отразил
Несосчитанность светил,
Тем, что голос твой — весна,
Сине-Море-глубина,
Тем, что каждый поцелуй
У тебя как свежесть струй,
Тем, что телу дав мечты,
В теле душу обнял ты,
Этим, этим, меж сердец,
Взял мое ты наконец.

КРУТОЙ БЕРЕЖОК

Хорошо ль вы, братцы, почивали,
Хорошо ль вы спали, ночевали?
Я-то добрый молодец, хоть спал,
Только плохо сердцем почивал.
Снилось мне, что бережком я красным
По крутым местам пошел опасным,
Был мне люб тот красный бережок,
Как он крут, мне было невдомек.
Загулялся я, и оступился,
Бережок тот красный обвалился.
Оступился левой ногой,

Ухватился правою рукой
Я за древо крепкое, кручину,
И держу, и древо не покину.
Так вот здесь, над быстрою водой,
Весь свой век скончаю молодой.

БЕЛАЯ ПТАШКА

Розовая кашка
В заре расцвечалась.
А белая пташка
По садику металась.
Самая белая
Меж белых райских птиц,
Самая несмелая,
С ветвей упала ниц.
Крылышком махает,
Крылышками блещет,
Сердцем воздыхает,
На земле трепещет.
Мать моя родная,
Мать Земля сырая,
Исповедь мою
Я не утаю.
Ветви — изумрудны,
От сестриц там бело,
Ветви — многочудны,
Быть там не сумела.
Что-то закружилось,
Что-то повлекло,
В вихре я носилась,
Стало тяжело.
Я была в усладе,
В саде и не в саде,
Выше изумруда,
Новое там чудо.
Дух мой захватило.
Выше быть ветвей!
Слабость или сила,

Но была я — с ней.
С сладостию, с нею,
Быть хочу опять,
Лишь о ней жалею.
Больше — не видать.
Полно, птичка, биться
О сырую землю.
В сердце все вместится,
Сердцу здесь я внемлю.
Я твоей был силой,
Слабостью несмелой.
С пташкой белокрылой
Быть мне птицей белой!

ЖЕМЧУЖИНА ПЕРЛАМУТРОВНА

Я приду к тебе в навечерие,
Буду ждать тебя у преддверия,
Чтоб в заветный час мне увидеть свет
Ненаглядных глаз, где на все ответ.

Я приду к тебе как наитие,
Буду ключ златой для раскрытия,
Чтоб душа душе, о, Жемчужина,
Вся была сполна обнаружена.

Я приду к тебе как к заутрене,
Я Жемчужине Перламутровне
Прошепчу сквозь дверь: «Отомкни теперь.
Я люблю тебя. Отворись и верь».

В РАКОВИНЕ

— Ты где была, Жемчужина, когда я ждал тебя?
— Я в раковине пряталась, и там ждала — любя.
— О чем же ты, Жемчужина, там думала в тиши?
— О радости, о сладости, о счастии души.
— И в чем же ты, Жемчужина, то счастие нашла?

— В дрожании сознания, что ввысь взойду — светла.
— А знала ль ты, Жемчужина, что терем твой сломлю?
— Он темен был, я светлая, я только свет люблю.
— А знала ль ты, Жемчужина, что после ждет тебя?
— Я отсвет Лун, я отблеск Солнц, мой путь — светить любя.

ЗВЕЗДНАЯ МЫСЛЬ

— О, сестра моя дарованная,
Лучшей мыслью облюбованная,
Солнце, Море, все мое,
Что ты видишь? — Лезвие.
— О, сестра моя, пленительница,
Звездных мыслей обольстительница,
Что грозит нам лезвием?
— Лес. — Но мы в Саду вдвоем.
— Лес грозится нам разбойниками,
Смертелюбами, покойниками.
— Для чего-ж идти нам в Лес,
Если столько здесь чудес?
— Если я Судьбой дарованная,
Звездной мыслью облюбованная,
Я хочу их просветить,
В яму к свету бросить нить.
— О, над душами гадательница,
Золотая сострадательница,
Если ты горишь в Саду,
Видит Лес — из тьмы — звезду.
И свободны волей яменники,
Захотят, прибудут пламенники,
Не хотят, продолжат путь,
Ты же, звездность, в звездах будь.

ВЕРШИННЫЙ СОН

Если жемчуг, сафир, гиацинт, и рубин
С изумрудом смешат, превративши их в пыль,
Нежный дух ты услышишь, нежней, чем жасмин,

И красиво-пьяней, чем ваниль.
В аромате таком есть фиалка весны,
И коль на ночь подышишь ты тем ароматом,
Ты войдешь в благовонно-стозвонные сны,
Ты увидишь себя в Вертограде богатом,
В Вертограде двенадцати врат,
Где оплоты подобны сияющим латам,
И рядами в стенах гиацинты горят,
И рядами алеют и льются рубины,
И рядами, как возле озер — берега,
Изумруды, сафиры горят, жемчуга.
Кто-то шепчет тебе: — «Ты единый!
Посмотри, посмотри: —
Здесь заря — до зари.
Любишь?» — «Счастье! Люблю». —
«Повтори! Повтори!»
«О, люблю!» — Как сияют вершины!

ЛАДАН

Есть ладан и ладан. Есть ладан простой,
Хоть свет от него золотой.
И дух его, синий расцвет фимиама,
Есть чара вечернего храма.

Есть ладан, который — от утренних рос,
От ночи, от зорь, и от слез.
И столько ль молитв, как сердечного зноя,
В пахучем дыханьи бензоя.

ВО ХРАМЕ НОЧНОМ

Во храме ночном
Бряцают кадила.
Башенный звон притих.
Ладан, бензой, киннамом,
Реет Небесная сила,
И стройный поется стих.

«Сестра ожиданий моих,
Звезда исканий полночных.
Огонь мгновений урочных,
Когда нельзя не любить.
Ценный камень, в котором
Пламени — жаждущим взором
Поют возсиявшим хором.
В тайну — лучистая нить.
Несокрушимость, основа
Для золотого.
Жданного,
Столь осиянного,
Храма.
Весь мир для тебя лишь лучистая рама,
Весь мир для того лишь возник,
Чтоб из сердца, где вспыхнул клад,
Где вот эти огни горят,
Вырвался крик,
Пламенно-жаркий,
И знающий также, как сладостна тишь,
В молитве безгласной и яркой,
Когда как звезда ты горишь,
Когда как Луна ты, как Солнце, как Бог,
Как радуга молний, как шопот, как вздох,
Как зов из-за дали морей,
Наконец возвестивший: „Пора!
Приходи, я тебя увенчаю всем блеском
расцветших ветвей“.
О, сестра!
Я хотел бы все звезды, все души замкнуть
Для тебя, здесь, в душе просветленной моей.
О, сестра!
Ты — путь».
Ладан, бензой, киннамом,
Бряцанье пахучих кадил.
«Брат, ты отрада, ты мой, ты мой дом,
Брат, сколько счастья в огне голубом.
Звезды Господь — для тебя засветил,
Для тебя все цветы расцветил».

ТИХИЙ ДОН

«И времени больше не будет...»
Откровение

На тихом на Доне,
В сияньи и в звоне,
Цветет зеленеющий сад.
Летают там птицы,
Сияют зарницы,
Стоят там светлицы,
Горят.

В светлице столовой
Там стол есть дубовый,
Двенадцать любимых за ним.
Они не страдают,
Они обладают,
В них сумраки тают,
Как дым.

В светлице столовой,
В той горнице новой
И вечной как Солнце и свет,
Двенадцать красивых,
Бессмертно-счастливых,
Все в мире — в разрывах,
Здесь — нет.

В немом поцелуе
Застывшие струи
Молчаньем окованных вод.
И звон колокольный,
Над бездною дольной,
В уют тот безбольный —
Зовет.

ГОЛОС

Был голос из-за облака: — Пребудьте в бытии.
Послушайте, вы, голуби, вы, верные мои.

Затеем мы огнистую снежистую игру,
Я плоть себе пречистую покровом изберу.
Я в эту ткань богатую по-царски облекусь,
Не тенью к вам крылатою, а весь как есть явлюсь.
И будет дух — в кружении, как голубь круговой,
В сверканьи и в горении в свирельности живой.
В великой осиянности кружащихся планид,
В блаженной несказанности, в которой буря спит.
И вот — и вот — идет она, идет она, растет,
В душе горячим молниям забыт-утрачен счет.
Мы в бешеной любовности, мы в белых облаках,
В великой безгреховности, в свежащих нас громах.

БОГ ЖИВОЙ

(Голуби)

Ты оставь чужих людей,
Ты меж братьев порадей,
Богом-Духом завладей.

Люди ходят так и сяк,
Входят в свет и входят в мрак,
А не знают вещий знак.

Мы же — посолонь всегда,
Наша — светлая страда,
И несбивчива — Звезда.

Бог есть мертвый, Бог живой,
Бог живой да будет твой,
Поспешай, Господь с тобой.

БОГ ЖИВОЙ

(Горлицы)

Бог живой, везде живой,
В Небошири голубой,
В Солнце, в Месяце, в звезде,
В протекающей воде.

В громоздящихся китах,
В еле видимых цветах,
В паутинке на ветру,
В сне последнем поутру.

АЗ ЕСМЬ БОГ

Аз есмь Бог, в веках предсказанный,
Из глубин своих развязанный,
Из глубин своих свобод
Вставший здесь, как миг и год.

Аз есмь Бог и откровение,
Темным душам во спасение.
Светлым душам в поцелуй,
Да поют, любя: «Ликуй!»

Аз есмь Бог вочеловеченный,
Звездоликостью отмеченный.
Всех других богов не счесть,
Но иного Бога несть.

НЕТ ДРУГОГО УЧЕНИЯ

Нет другого учения. Не ищите его.
А на чем вы поставлены, стойте.
То, что вам заповедано, не утратьте того,
И закинувши невод свой, пойте.

Не женись, неженимые. Разженитесь с женой,
Вы, женимые, — будьте с сестрою.
И глазами в глаза взглянув, глубина с глубиной.
Будьте телом — и телом — с душою.

Раз вы хмеля касаетесь, да лучист будет хмель,
Раз в словах, не склонись к суесловью.
Семикратно есть проклят тот, кто разрушил свирель,
Семибездно он проклят Любовью.

Не украдьте. Единую кто копейку возьмет,
Ту копейку положат на темя.
Будет жечь, будет жечь она, до прощенья прожжет,
Но, чтоб плавиться, нужно ей время.

Друг ко другу ходите вы, и водите хлеб-соль,
И любитесь любовью желанной.
И храните всю заповедь, и храните, доколь
Не приду к вам, Огнем осиянный.

ГРЕХ ОДИН

Есть грех один и грех мучительный,
Хотя и много есть грехов.
Один чрезмерно-унизительный,
И продолжающийся, длительный,
В себе таящий сон гробов.

То грех души с душою скованной,
То принуждение для губ,
Когда привычно-уготованный
Есть поцелуй не очарованный,
И тело с телом — труп и труп.

На этот грех, с безмерной ратию,
Иду, и вешний ветр струю.
Я предаю его проклятию,
Я предаю его треклятию,
Четвероклятью предаю.

ЧЕТВЕРОКЛЯТИЕ

Четвероклятие мое
Не только в отверженьи.
На сжатой ниве есть старье,
Я жгу его, свящу ее.
И, освящая бытие,
Так возвещаю в пеньи.

Заклятье первое — Огонь.
Сквозь снег ведет он к Маю.
Им стебель жив, и волк, и конь,
И человек. Идет — не тронь.
Придет — впусти, он свят. Огонь.
Иначе — сожигаю.

Второе слово есть Земля.
В ней свежесть вешней силы.
В ней спит зерно, о дне моля,
Стволы растут для Корабля,
Люби ее, нам мать Земля.
Иначе — мрак могилы.

Заклятье третие — Вода.
В ней вечность возрожденья.
В ней отражается Звезда.
В ней дождь и слезы, нет и да,
Люби ее, сестра Вода.
Иначе — потопленье.

Четвертый голос — Ветра дух.
В нем вольный зов свирели.
Святую тайну мысли вслух,
В цветке лелей нежнейших пух.
Пойми, что в Ветре дышит Дух.
Иначе — свист метели.

ОБЩНИКИ СВЯТОСТИ

Общники некоей святости, кою в словах не замкнуть.
С вами сливаюсь я мыслию, вот раскрывается грудь.
Нет, не ключом отмыкается. Нет, не блестящим ножом.
Все же открылась, как горница. В горнице клад бережем.

Гнали нас. Это мне ведомо. Голову секли враги.
Сердце теснили и мучили. «Лги, заблуждайся, и лги».

Меч был не страшен искателям. Нужно вам жертвы? Так
что ж,
Примем — отсюда отшествие. Только не примем мы — ложь.

Гнали нас. Даже скончавшихся вырыли низкой рукой.
В пламень кощунственно бросили призрачность, прах
дорогой.
Пепел развеяли в воздухе. Благо! Священен огонь.
Ветер, ты, веющий вольностью, спас от чрезмерных погонь!

Дальше! В верховную сторону. Дальше! Опять и опять.
Между людей изумившихся звездная светит печать.
К брату от брата свечение. Брату от брата венец.
Светлая длинная лестница. Дети и звездный Отец.

ИСХОД

Из темного подполья,
Где пряталися мы,
Во время своеволья
Метелистой Зимы,
На праздник богомолья
Выходим мы теперь,
На вольное раздолье
Из тьмы раскрылась дверь.
И Диво-Голубица,
Что первая меж нас,
Заветная криница,
Негаснущий алмаз,
Сияет нам — Звездица,
Проходит череда,
И в каждом сердце — птица,
Во всех очах — звезда.

К СЛАДИМ-РЕКЕ

Сладим-Река, ты слышишь?
Я правду говорю:

Дышу — когда ты дышишь,
Горишь — и я горю.

Лукавишься ты Змеем —
Змеино мы скользим,
Мерцаем и немеем,
Живем огнем твоим.

От века и до века,
И раньше веков всех,
Твое мы пили млеко,
Лелеяли твой смех.

Как молния любил я
До дней моих земных,
Как жаворонок был я,
Испивши вод твоих.

И был звездистым тигром,
Зеленой был змеей,
Чтоб вечно — к новым играм,
Чтоб вечно — быть с тобой.

И я свирельник ныне,
Сладим, — чтоб жить, любя,
С тобой журчать в пустыне,
Певцам пропеть — тебя.

ЖЕНИХ

Жених идет, Жених грядет,
Невесту отыскал,
Его дворец — небесный свод,
Его ковер — зеркальность вод,
А башня — глыбы скал.

Жених пришел, Невесту взял,
Приданое — Земля,
Его же знак есть цветик ал,

Замкнут в начале всех начал,
В движеньи Корабля.

Пришел Жених, пришел Жених,
Невеста хороша,
Века и дни делили их,
Теперь поем мы брачный стих,
Венчается — Душа.

ЗОЛОТОЙ ТКАЧ

У тебя венец златой,
У тебя в глазах — лазурь.
Над глубокою водой
Ты дышал рожденьем бурь.

У тебя венец златой,
Очи — светлый изумруд.
В сердце — пламень молодой,
В мыслях — горлицы поют.

Нашей Утренней Звездой,
Нашим Солнцем ты рожден.
У тебя венец златой,
А в очах — мудреный сон.

К нам Вечернею Звездой,
К нам Луною ты введен.
У тебя венец златой,
Вкруг тебя не молкнет звон.

Светлый лук возьми — и стой,
Сердце каждого — как лань.
Ты стрелою золотой,
Ты стрелой певучей — рань.

Будь нам Утренней Звездой,
Солнцем жги, и Солнцем встань.

Всем нам нужен ткач златой,
Чтоб соткать златую ткань.

У тебя венец златой,
У тебя в очах — намек.
Над Землей и над Водой
Ты поставил свой станок.

ГУСЛЯР

Невеликая обида,
Если кто меня не хвалит,
У меня зато есть гусли,
И в душе поет смычок.
Эти гусли — от Давида,
И уж раз ладья отчалит,
Сам не ведаю, вернусь ли,
Бог уводит мой челнок.

Звонки в сердце голубином
Зовы горлиц, их журчанье,
Стройно ангельское пенье,
Я уверовал в себя.
Дух владеет Божьим сыном,
В каждом цветике — вещанье.
А меня несет теченье
Там, где вёсны ждут, любя.

Так и ждут и не проходят,
От Апреля и до Мая,
Чуть посмотрятся в Июне,
И опять глядят в Апрель.
И цветочно звоны бродят,
Перекличка голубая,
Словно в птице Гамаюне
Разыгралася свирель.

Разблажились и гуторят,
Словно море Морю вторят,

Разыгравшиеся гусли,
От цветка к цветочку вздох.
И не ссорятся, не вздорят,
Лишь в любви любовью спорят,
Я уплыл в напев, — вернусь ли,
Это ведает лишь Бог.

БЛЕДНЫЙ БРАТ

Бледный вымолвил брат:
Ты чему больно рад?
Я сказал: А тому,
Что теперь все пойму.

Бледный вымолвил мне:
Цвет лишь цвет по весне.
Я ответил: Весна
Мне навек суждена.

Бледный вымолвил брат:
А зима? А закат?
Понял я: Братик мой,
Ты закат мой с зимой.

Ты был я, отошел,
В Божий круг я вошел.
И на Божьем кругу
Все могу, все могу.

ХОРОВОД

По над прудом — прудом сад, вешний сад.
Белым кругом схвачен взгляд, все скользят.

По за лесом темный лес, шепчет лес.
Здесь воскресла песнь чудесна. Он воскрес.

Под Луной — Луною луг, свежий луг.
Все — со мною, все — за мной, в быстрый круг.

По над прудом — прудом темь, там темно,
Да по водам хороводы тешат дно.

Так уж гибки эти рыбки, все плывут.
Здесь проблещут, там сияют, тут зовут.

По над садом — садом Ночь, ширь Небес.
Мир зовет к святым забавам. Он воскрес.

БРАТЬЯ-СЕСТРЫ

Братья, Сестры, порадейте во зеленыим саду,
Каждый с сердцем, в каждом сердце разожжем одну звезду.

В быстрой смене, мы — снежинки, пляшем, вихря не видать,
А снежинки, зримо взору, восхваляют благодать.

В ожерельи, мы — как пчелы, мы — как звезды, как цветы,
Мы, как птицы, научились этим снам — у высоты.

Братья, Сестры, вы умейте благодатью повладеть,
Если золото остынет, будет тягостная медь.

Братья, золото храните, и чтоб каждая сестра
Ни дыханьем не затмила жемчугов и серебра.

Вы коренья золотые не топчите по земле,
Вы серебряные ветки чуть качайте в нежной мгле.

И в воздушные листочки перебросьте вы огни,
Чтоб, горя, да не сгорая, не осыпались они.

И в глазах своих лелейте поцелуйные слова,
Чтобы вечным изумрудом расстилалась нам трава.

СВЕТИСЬ, СВЕТИСЬ

Светись, светись, Иерусалим,
Светись, светись, новый,
Мы обвенчали души с Ним,
Вошли в тайник Основы.

Ликуй и веселись, Сион,
Ликуй, ликуй, Сионе,
Мы верный поняли закон,
Мы в празднике и в звоне.

Светись, светись, моя сестра,
Светись, мой братик милый,
Мы были мертвыми вчера,
Мы вышли из могилы.

Да воспоем как сонмы лир,
Да возгремим как тучи,
Светись, светись, воскресший мир,
Воспой — кто стал певучий.

РАДУЙСЯ

Радуйся — Сладим-Река, Сладим-Река течет,
Радуйся — в Сладим-Реке, в Сладим-Реке есть мед,
Радуйся — к Сладим-Реке, к Сладим-Реке прильнем,
Радуйся — с Сладим-Рекой мы в Рай, мы в Рай войдем,
Радуйся — Сладим-Река поит и кормит всех,
Радуйся — Сладим-Река смывает всякий грех,
Радуйся — в Сладим-Реке вещанье для души,
Радуйся — к Сладим-Реке, к Сладим-Реке спеши,
Радуйся — Сладим-Река, Сладим-Река есть Рай,
Радуйся — в Сладим-Реке, Сладим-Реку вбирай,
Радуйся — Сладим-Река, Сладим-Река есть мед,
Радуйся — Сладим-Река, Сладим-Река зовет.

РАСКРЫТЫЕ УЛЬЯ

Все окна в нашем тереме огнем озарены,
Цветы на каждом дереве с лучом обручены.
Отметили все двери мы, поставив тайный знак,
Теперь, что будет в тереме — да будет это так.
Из кладезя глубокого вода принесена,
В той горнице, где горлицы, святая тишина,
Где голуби — как проруби, там чудится жерло,
И страшно так, и сладко так — что сказано, пришло.
Что сказано для разума, да будет наяву,
Дремотное — развязано, и дождь сечет траву.
Листы к листам, уста к устам, и тело к телу льнет,
И луч из вод туман зовет, как тучу, в Небосвод.
А там готова молния, и льются, за огнем,
Из облак ведра полные в надземный водоем.
Журчит в высоком тереме вспененный водомет.
Ужели в самом деле мы не вкусим сладкий мед?
Раз в ульях есть обилие, мы их освободим.
Раскрой, душа, воскрылия! Теки, Река-Сладим!

ВЗБРАННЫЙ ВОЕВОДА

Взбранный Воевода наш сияет высоко,
Взбранный Воевода наш нисходит глубоко.
Светлым хороводом мы везде за ним спешим,
Светлым хороводом мы радение свершим.
Взбранный Воевода наш простор объемлет весь,
Взбранный Воевода наш в кругу сияет здесь.
Белым хороводом, мы как звезды за Луной,
Белым хороводом мы горим во тьме ночной.
Взбранный Воевода наш растит для нас цветы,
Взбранный Воевода наш возжаждал красоты.
Вольным хороводом мы все посолонь идем,
Вольным хороводом мы венок ему плетем.

САВАОФ

Саваоф, Саваоф,
От высоких облаков,

Для радетелей твоих,
Возлелей духовный стих,
Чтобы в круге, как на луге,
Увидали мы друг в друге
Много мысленных цветов,
Саваоф, Саваоф!

Бог громов, Саваоф,
Ты над вихрем наших снов,
Ускоряя голубей,
Духом облачным повей,
Чтоб в круженьи белом, белом,
Чтоб в хотеньи смелом, смелом,
Ты сошел к нам Саваоф,
Саваоф, Саваоф!

ПОГОНЯ

Чей это топот? — Чей это шопот? — Чей это светится глаз?
Кто это в круге — в бешеной вьюге — пляшет и путает нас?

Чьи это крылья — в дрожи бессилья — бьются и снова летят?
Чьи это хоры? — Чьи это взоры? — Чей это блещущий
взгляд?

Чье это слово — вечно и ново — в сердце поет как гроза?
Чьи неотступно — может, преступно — смотрят и смотрят
глаза?

Кто изменился — кто это свился — в полный змеиности жгут?
Чьи это кони — белые кони — в дикий погоне — бегут?

ВЕСЕЛЫЙ РОЙ

Вся в венцах седьмигранных, просияла Сион-Гора.
В торжествах необманных мы сошлись, мы сошлись. Пора.

Живогласные трубы нам поют и живом цветке.
И румяные губы говорят о Сладим-Реке.

Воссияли зарницы, и до молний громов дошли.
Восплескалися птицы, и запели, поют вдали.

Уж вдали или близко, не узнать. Может, тут, в крови.
И высоко и низко перелет обоймет. Лови.

В вертограде веселом перелетом цветок цветет.
И, подобные пчелам, мы рождаем по капле мед.

В вертограде цветущем мы с толпою летим вдвоем.
И на вихре поющем мы несомы — и мир несем.

ЦАРЬ ДУХ

Царь Дух! Царь Дух! Царь Бог! Царь Бог!
Царь Дух! Царь Бог! Царь Дух!
Возьми, прими мой стон, мой вздох,
Войди как звон в мой слух!

Ой, Дух! Ой, Дух! Царь Бог! Царь Бог!
Твой зов нежней, чем пух!
В меня, как дождь, чтоб ум не сох!
Царь Бог! Царь Бог! Царь Дух!

ГУСЛИ

Гусли непрестанные,
Ласково желанные,
Тешат райских птиц.
Трубы живогласные,
Страстные и властные,
Манят тело ниц.

После одиночества,
Слушая пророчества
Братьев и сестер,
Мы кругообразными

Тешимся соблазнами,
И сверкает взор.

Мы как птицы носимся,
Друг ко другу просимся,
Друг ко другу льнем.
Пляшем, разомлелые,
И рубахи белые
Как метель кругом.

В вихре все ломается,
Вьется, обнимается,
Буйность без конца.
Посолонь кружение,
С Солнцем наше мление,
Солнечны сердца.

О, подобно саванам,
Светит эта слава нам,
Пляшет вертоград.
И как Месяц бледны мы,
И как он победны мы,
Слитные — горят.

ВЕРХОВНЫЙ ГОСТЬ

Пресветлый Гость. Верховный Гость,
Сойди, сойди, сойди!
Ты нас таи, мы все твои,
Гляди, гляди, гляди!
Ты нас храни, а мы огни
Зажжем, зажжем, зажжем!
В живую плоть войди, Господь,
Огнем, огнем, огнем!
На светлый луг, в наш быстрый круг
Сойди, сойди, сойди!
Ты люб нам, Гость, Верховный Гость,
Гляди, гляди, гляди!

ПЛЯСКА ДВУХ

— Я из града Ветрограда,
Называюсь «Вей».
— Я из града Цветограда,
Я «Огонь очей».
— Я по граду Ветрограду
Здесь, и нет, вон там.
— Я по граду Цветограду
Пить даю цветам.
— Я во граде Ветрограде
Взвился, темнота.
— Я во граде Цветограде
Жду, цветок — уста.
— Я во граде Ветрограде
Водоем взломлю.
— Я во граде Цветограде
Пропою «Люблю».
— Я из града Ветрограда
Брызну вихрем струй.
— Я из града Цветограда
Позову «Целуй».

ДА

Ах, Отец мой, Отец — да,
Ты зиждительный Творец — да,
Приведи меня в конец — да,
Что в конец всех сердец — да,
Где игра колоколец — да,
Где таинственный ларец — да,
Где венчальный свет колец — да,
Ты в злату трубишь трубу — да,
Пробуждаешь во гробу — да,
Вольным быть велишь рабу — да,
Возвещаешь всем судьбу — да,
Завлекаешь в ворожбу — да,
В золотую ворожбу — да,
Ах ты Батюшка святой — да,

Птица сокол золотой — да,
Над глубокою водой — да,
Пролетаешь молодой — да,
Сердце вдруг пронзишь мечтой — да,
Окрыляешь Красотой — да,
С птицей мчишься, с той, и с той — да.

РАДЕНИЕ

Дети Солнца, в час полночный,
Собрались в игре урочной.
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждем в душе живой воды.

Жернов крутится упорный,
Белый праздник ночью черной,
Быстро, посолонь стремленье,
Звезды, в жажде обновленья,
Прорезают так туман,
В круге, знаменье раденья,
Со святой водою чан.

Ног босых все глуше топот,
Уст сухих не слышен ропот,
За одной живой стеною
Две и три идут волною,
Близь рубахи — сарафан,
И напевной тишиною
Зачарован водный чан.

В глубине явился Кто-то,
В лике светлая дремота,
Пробуждается в купели,
Мы недаром здесь радели,
И пропели заговор,

В вихре слышен зов свирели,
В чане темном яркий взор.

Хоровод наш содрогнулся,
С неземным соприкоснулся,
Мы истомным взяты раем,
В пляске мы изнемогаем,
Мы бледней, чем полотно,
Дух сошел, мы знаем, знаем,
Это было суждено.

В ТАЙНОЙ ГОРНИЦЕ

В тайной горнице, где взяты души вольных в нежный плен,
Свечи длинные сияют ровным пламенем вдоль стен.

Взор ко взору устремлялся, сердце в сердце, разум в ум,
От певучих дум рождался, в пляске тел, размерный шум.

Вскрики, дикие как буря, как в пустыне крик орла,
Душу выявили в звуках, и опять душа светла.

В белом вихре взмахи чувства сладкий ведали предел,
И венчальные наряды были саванами тел.

В этой пляске исступленной каждый думал — про себя,
Но, другими окруженный, вился — сразу всех любя.

В этом множественном лике, повторив стократ изгиб,
Души плыли, как весною — стройный шабаш светлых рыб.

Так повторно, так узорно, с хороводом хоровод,
Извиваясь, любит слитно, и, безумствуя, плывет.

И, проплыв, осуществили весь молитвенный напев,
И в сердцах мужских блаженство, как блаженство
в сердце дев.

И в телах мужских дрожанье, многострунность в теле жен,
Это было, жизнь светила, воплотился яркий сон.

И в телах сияют души, каждый дышит, светел взгляд,
В тайной горнице полночной свечи жаркие горят.

ТЫ СВЕТИ, СВЕТИ

Ты свети, свети, светел Месяц-свет,
Ты свети, свети, Солнце красное,
Ты цвети, свети, наш садовый цвет,
Ты мечи лучи, сердце страстное.

Ты звони все дни, колокольный звон,
Ты пророчь всю ночь, разум царственный,
Обведем вокруг четырех сторон
Наш веселый круг светодарственный.

Волны белых снов закрутим в метель,
И в глазах гроза будет рдяная,
Ты играй нам Рай, ты воркуй, свирель,
От вина с Небес будь как пьяная.

ЧТО ЕСТЬ СВЕТЛЕЕ?

Что есть светлее пенья,
Светлей чудотворенья,
Светлее, чем алмаз,
И чем Пасхальный час?
Что есть светлей моленья,
И солнечного зренья,
Светлей, чем мед и кровь?
Любовь, любовь.

В любви есть звоны пенья,
И свет чудотворенья,
И жемчуг, и алмаз,
И в часе новый час.

В любви есть свет моленья,
И солнечное зренье,
Луна, и мед, и кровь.
Люби — любовь.

БОЖЬИ ПЛОТНИКИ

Мы плотнички,
Мы работнички,
Все работаем мы тут,
Над Судьбою судим суд,
Мы ведь Божии,
Не прохожии.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Мы не ходим в мире зря,
За работу — чуть заря,
До вечерних рос
Тешем белый тес.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Нам топор проворный люб,
Мы здесь строим белый сруб,
Топором стучим,
Да в свой дух глядим.

Мы глядим на Лес,
В Море день воскрес,
Послужили нам леса,
Вот натянем паруса
На корабль мы свой,
На корабль живой.

Коли плыть, так плыть,
Новый мир открыть,

Мы постукиваем тут,
Стружки словно цвет цветут,
Мы плотнички,
Мы работнички.

СУДИТЬ СУДЬБУ

Судьба тебя судит, —
Ты сам ее суди.
Судьба тебя нудить, —
Ты гляди, что впереди.

Судьба тебя толкает, —
Упреди ее толчок.
Судьба набегает, —
А ты в бок прыжок.

Судьба гонять нас любит, —
На полет легка.
Судьба совсем погубит, —
Коль придет исподтишка.
А ежели увидит,
Что ум ее ждет, —
Судьба нас не обидит,
Возьмет в свой полет.

ТВОРЦАМ СИХ САДОВ

О, страдатели, насаждатели, о, садовники сих садов,
С разнородными вам породами бой готовится, бой готов.

Чуть посеете семя светлое, семя темное тут как тут,
Чуть посадите стебель крепкий вы, травы цепкие здесь растут.

Чуть посадите цвет небесный вы, голубой цветок, и как снег,
Чуть посадите нежно-алый цвет, слышен тихий шаг, слышен бег.

Над цветком — часы и толпы минут, вот подкралися, вот бегут,
Стерегите их, а не то они всех не бережных стерегут.

И когда впадут во внимание, в них воздушный звон, нежный цвет,
И когда впадут в невнимание, это — вороны, свита бед.

Созидатели, насаждатели, вы, садовники сих садов,
Цепки травы — прочь, и глядите в Ночь, тьмы минут — дадут вам цветов.

КАК ТРАВА

Человек на Земле
Как трава растет.
Зачинаясь во мгле,
Утра ясного ждет.
За селом возрастет,
И цветком расцветет,
А в селе —
Воск и мед.

Почему же светла
Божья служба в ночи?
Потому что жила
Здесь трава, и пила
Божий дождь и лучи.

Почему же была
Свадьба душ весела,
Обошел мед кругом?
Потому что пчела
Над травою была,
В брак вошла
Со цветком.

КОРАБЛЬ

Чтоб Корабль построить наш,
Из златых мы пили чаш,
Все испили мы, до дна,
От столетнего вина.

И пошли во старый бор,
Острый выбрали топор,
Твердый выбрали мы дуб,
Чтоб построить верный сруб.

Снасти вили мы рукой,
И не то что час-другой,
И не то что целый год,
Сколько-только Бог сочтет.

И для паруса — в закон
Был введен небесный лен,
И зазыбилась, чиста,
Вздутость белого холста.

Вздулся ветер и подул,
И пошел по Морю гул,
Вздулся парус, задрожал,
Терем в Море побежал.

И чтоб шел корабль легко,
Был посажен глубоко,
Чтоб легко он в Море шел,
Груз богатый был тяжел.

Опрокинуться нельзя,
В Море — верная стезя.
Чтоб корабль построить наш,
Из златых мы пили чаш.

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

По синему Морю Корабль наш плывет,
От края до края — сияние вод.

Корабль — драгоценный, товары на нем —
Услада для взора, играют огнем.

И хочется многим товары купить,
Но Рок им велел прихотливыми быть.

Коль скуп ты, давай немудреную медь,
Но, раз дешевишься, не будут гореть.

Коль беден, давай нам последнюю медь,
И будут рубином играть и алеть.

А если обманом иль силой возьмешь,
Ты вместо сокровищ — чудовищ найдешь.

Так едем мы Морем, причалим, и ждем,
Товары волшебным сияют огнем.

И многие думают — мы колдуны,
И многие думают — просто лгуны.

Ни тем, ни другим не сказав ничего,
Мы дива даем с Корабля своего.

Одних осчастливим, других же смутим,
И снова мы в Море, и снова мы с ним.

В безбрежном и нежном кораллы найдем,
И много рубинов с кровавым огнем.

ВЕЩАНЬЕ

Мы плыли по светлой вечерней воде,
Все были свои, и чужого нигде,
А волны дробились в своей череде

Живые они, голубые.

Играли мы веслами, чуть шевеля,
Далеко, далеко осталась земля,
Бел Сокол — названье того Корабля.

Родные на нем, все родные.

Сидел у руля златоокий Пророк,
И был он как будто совсем одинок,
И страшный внезапно пропел он намек.

Морские в нем страсти, морские.

Год скрепился, день сосчитан, миг бежит и не вернется,
Час назначен, в диком плаче словно пыль
взметнутся все,
Кто тебе казался Богом, волколаком обернется,
Сорок громов, водоемов, сорок молний в их красе.
Бойтесь, бойтесь! Безвозвратно! Ничего уж
не исправишь!
Все убитые — восстали. Все задавленные — тут.
Горше всех лукавств убогих — что теперь еще лукавишь,
А глаза твои — как щели, сам себе назначил суд.

Сядешь — пламень, ляжешь — камень, в пропасть
кинешься — замкнется,
В ночь склубишься — сорок молний миру выявят
уклон,
Вся Вселенная смутится, и в седой клубок свернется.
Слышишь громы? Сорок громов! Падай, падай,
осужден!

Был бледен и страшен Пророк у руля,
И все мы дрожали, вещаньям внемля,
И волны качали оплот Корабля.

Живые они, голубые.

Мы поняли, что он хотел нам сказать,
О бездне скорбел он, скользя через гладь,
Мы в Свете, но Бездна должна отстрадать.

Родные грехи нам, родные.

Мы плыли по тихой в светлой воде,
Все было свое, и чужого нигде,
Молитву мы пели Вечерней Звезде.
Мария! Мария! Мария!

КОРАБЕЛЬЩИКИ

Будьте тверды в буре дикой, корабельщики мои,
Он придет, кто нам обещан в быстротечном бытии.
Он поставить мачты крепки, паруса несокрушимы,
Он направит руль глядящий, он пронзит пожаром дымы.
Вспыхнет с нами он огнями, как комета в бурной мгле,
Он уж с нами, между нами, на плывущем корабле.
Бросит якорь в добром месте, как дойдем к заветным далям.
Корабельщики, он с нами. Мы причалим. Мы причалим.

ПЛАВАНИЕ

Как по синему по Морю все мы плыли без печали,
Легки ветры нам шумели, тихи ветры восставали.
Говорили нам, шептали, что богатый брег вдали,
И по синему потоку нас к Востоку понесли.

В синем Море с каждым часом ярки птицы вам мелькали,
И невиданные рыбы островами возникали.
Мы проплыли три недели, счетом ровно двадцать дней,
Мы не пили и не ели, в изумленности своей.

Души были в нас певучи от крылатостей летящих,
В ароматах были тучи, как в цветущих вешних чащах,
И от радости иные низвергались к грудам рыб,
Но никто меж них, пловучих, из певучих не погиб.

Так мы плыли в синем Море, и проплыли три недели,
Мы от рыб засеребрились, вместе с птицами мы пели,
И когда приплыл Корабль наш на сияющий Восток,
Каждый был певуч, и светел, и угадчив, и высок.

ДУХ СВЯТОЙ

Дух Святой по синю Морю над водою ходит,
Невод шелковый по Морю Дух Святой заводит.

Белу рыбицу он ловит для садков садовых,
Золотых Он манит рыбок, сам в златых покровах.

Ходит утром, ходит ночью, ходит на рассвете,
Вы доверьтесь полномочью, Духу верьте, дети.

В тонкой сети миг побывши, выйдите из Моря,
В сад предивный вы войдете, светом свету вторя.

В голубых прудах садовых, в хрусталях-озерах,
Поплывете, пробуждая по осоке шорох.

В хороводы ваши глянут яблони в расцвете,
Вы не бойтесь, не оковны шелковые сети.

Дух Святой во грозном Море дал побыть вам вволю,
Раз берет вас, золотую вновь Он даст вам долю.

ТРУБАЧИ

По горам, по горам,
Трубачи,
Чу! поют и кличут вам.
Солнце встало, шлет лучи.
По лугам и по лесам,
По широким небесам.
Словно рдяные мечи,
Словно вытянулись в бой,

По стремнине голубой,
Исполинские мечи.
Над отшедшей тьмой слепой.
С золотой своей трубой
Встали, кличут, трубачи,
Обещают гулко нам
Золотые дать ключи
К тем жемчужны воротам,
За которыми прильнем,
Над рубиновым путем,
Мы к невянущим цветам.
Так вещают трубачи,
По горам, по горам.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Лес забыт. Лишь сад пред нами.
Он с высокими стенами.
Год придет, и год уйдет,
За железными вратами
Здесь мы тешимся цветами,
Мы мудреными замками
Возбранили чуждым вход,
Братья наши — вечно с нами,
Сестры наши — здесь, пред нами,
Пенны чаши за пирами,
Но чего-то сердце ждет.
Он за дальними Морями,
Он, Единственный, не с нами,
Он над бездной вечных вод.
Мы здесь нежимся струнами,
Мы здесь ходим под стенами,
Он над вечными волнами,
Он над пропастью идет.
Спорит с ветром и с громами,
Вихрь уводит в вышний свод,
Гром пред ним над кораблями
С свитой молний не падет.
Мраку светит он глазами,

Ум овеет голосами
И взовьет в живой полет.
Тот, кто стонет, здесь он, в храме.
Буря спит за облаками.
Но чего-то сердце ждет.
Он, Единственный, не с нами,
Он ушел за жемчугами,
Ходит Морем, островами,
Опускает в бездну лот,
Шлет поклон нам с журавлями,
Ищет днями и ночами,
Он найдет,
Он придет.

ТОСКА ДАЛЕКИХ

Я был далеко от своих,
И сильно они тосковали,
И слезы, горячие их,
Мне ноги мои обжигали.

Те слезы, что пали из глаз,
Земля приняла в подземелья.
И вот, через время и час,
Возникли их тайные зелья.

Один, проходя под Луной,
Я слышал — Земля говорила,
Со мной, вкруг меня, подо мной
Дышала горячая сила.

Как будто по каплям смолы
Ступал я — и шел изумленный.
И травы качались из мглы.
Все стебли — с росой посребренной.

И чуть я ко стеблю прильну,
Я ведаю, чьи это очи

Восприняли слез пелену,
И путь между нами короче.

И чуть я ступлю по Земле,
Кого-то люблю я сильнее.
Цветы расцветают во мгле,
Цветы раскрываются рдея.

И каждый душистый цветок,
Луной предо мной осиянный,
Мне с именем шепчет намек,
И дышит, и дышит желанный.

ПРОРОК

Наш Пророк неложно свят,
Райски трубы нам трубят.
Прежде чем явить свой лик,
К Райским водам он приник.
Прежде чем нас в сад он ввел,
Всю Вселенную прошел.
Прежде чем нам дал цветов,
Вник он в книгу Родослов.
Прежде чем сошел к нам с круч,
Слышал голос вышних туч.
Был Илья он, был Энох.
С ним беседовал сам Бог.
Был пресветлый Иисус,
Больше молвить не решусь.
Все ли надо возвещать?
На отрадах есть печать.
Все ли нужно возвещать?
Есть жемчужная печать.
Только молвлю, наш Пророк,
Как колодезь, он глубок.
На Седьмом он Небе был,
Там испил Небесных сил.
Грозной тучей возгремел,
К нам сошел как голубь бел.

Он при свете ярых свеч
Зерна дал, держал к нам речь.
Он под звон земных кадил
Сущий хлеб для нас взрастил.
Дал нам мед, и ввел нас в сад,
В изумрудный Вертоград.
В сад довел нас из пустынь.
Всем цветам поклон. Аминь.

ЛОВЦЫ

Сотворил Господь пресветлый Ангелов Себе,
Дал им мощь, да будут звезды в сказанной борьбе.

Он низвел с Небес высоких светоч золотой,
Повелел, чтобы вселился в тело дух Святой.

Выбирал для рыб глубинных — мудрых Он ловцов,
Между рыбарей безбедных — бледных берегов.

Между бедных, но победных — и безбедных тем,
Ибо кто собой владеет, тот владеет всем.

И недаром частый невод шел во все концы,
Тех, кто любит, уловляли вещие ловцы.

Уловивши рыб глубинных, не сгубили их,
Но спасли от паутинных ков и козней злых.

И с улыбкой каждый рыбарь веял над водой,
С высоты Небес ниспавшей, вербой золотой.

ВОТ

Вот они, живые,
Мирные отрады.
Свечи восковые,
Алые лампады.

Тихие иконы,
Тихий звон кадила,
Верность обороны.
Было ль то, что было?

Мы ли это, мы ли.
В ужасах незнаний,
Призраками были,
Криками терзаний?

Те же ли мы сами,
Что без дум о Боге,
Шли в ночах лесами,
По глухой дороге?

Те же ли мы сами,
Что ножом играли,
А теперь — во храме,
А теперь — в хорале?

Тихие моленья,
Тихий звон кадила,
Радость всепрощенья.
Было ль то, что было?

СЛАВА

Слава святой,
Золотой,
И серебряной,
Медно-железной,
Скрепе, блюдущей над зыбкою бездной,
Твердой — над шаткой водой, —
Твердо-алмазной,
Единосущной — над разной,
Многообразною смутой, —
Вечной — над быстрой минутой, —
Зрящей,
Тысячеокой —

Над ночью глубокой,
Спящей, —
Животворящей,
И нераздельной,
Цельной как лик корабельный,
Который вовеки веков,
Ныне и присно, всегда,
Над пропастью темных валов,
В пустыне, где ропщет вода,
В кипящей реке беспредельной,
Плывет, а над ним — Звезда.
Слава — нас крепко хранящей,
Троице животворящей,
Быстро как птица, нас мчащей
В жемчужность садов из пустынь,
Во веки веков. Аминь.

КРАСНОЕ КРЫЛЬЦО

Поставь меня, Отец, на красное крыльцо.
Сияньем озари подъятое лицо,
Отец, я сохранил, мне данное, кольцо.

Поставь меня, Отец, на красный свой крылец,
Отец, благослови смарагдовый венец,
Я сам его надел, — мне можно так, Отец?

Я больше не уйду от красного крыльца,
Тебе начала нет, и нет тебе конца,
Отец, твой сын пришел, твой сын нашел Отца.

ИРМОС

Прошли мы сквозь Чермное море,
Над Красным взошли на утес.
И с синим сияньем во взоре
Поем благодарный ирмос.

В расплавленных безднах червонца,
Что наших врагов потопил,
Возникло багряное Солнце
Над влагой несчетных могил.

Узором лесным исененный,
Алеет великий утес,
Цветы над пучиной бездонной
Господь благосклонно вознес.

Мольбой, ликованием звона
Восхвалим всесильную Длань,
Затем что наш дух, как Иона,
Не отдан чудовищам в дань.

Затем что мы все не сгорели,
Хоть были в палящей печи,
Затем что играют свирели,
И красные рдеют лучи.

ТРИ ОКНА

В Великом Доме три окна,
Трисветна каждая стена,
Но та хоромина — одна.

Коль ты восхочешь слов живых,
В себе, в сестре, и в Мире — их
Найди, и пой жемчужный стих.

Одно окно есть вышина,
Окно другое — глубина,
А третье — жизнь, а жизнь — Весна.

ЧЕТЫРЕ СТЕНЫ

Четыре стены, и на каждой стене
Здесь до три округлости видится мне,
По три окна в вышине.

На Север, Закат, на Восток, и на Юг,
Все тот же, очерченный правильно, круг,
Троичность выгнутых дуг.

Вот белые льдяности, дремлющий снег,
Утихнувших вод прекратившийся бег,
Радость бестрепетных нег.

Вот маки кровавые, трижды жерло,
Желанье к желанью, узывно-светло,
Страстно так, красно, тепло.

Вот нежность, три круглых жемчужных щита.
В мерцаниях дружных вражда, красота,
Жаждут и страждут уста.

Вот три изумруда, сияющий луг,
Три луга и белые птицы вокруг,
Юг восклицают, на Юг.

ПЯТЬ СВЕЧ

Дикирий и трикирий,
Пять свеч — до смерти с нами.
Пока мы бродим в мире,
Наш путь — с пятью свечами.

Конец, начало, Вечность,
О, троичность святая,
Начальная есть млечность,
И млечность — снежность Рая.

С одра встает калека,
Ведет его дорога
От Богочеловека
До Человекобога.

Рипиды, опахала
Из перия павлина,

Хранят его начало,
Отец наш добр для Сына.

И таинство пречистых
Несчетных Евхаристий
От радуг тех перистых
Стократно золотистей.

Когда же Серафимы
Провеют над дарами,
В молитвенные дымы
Восходим мы свечами.

И служит слух и зренье,
Конец и Вечность с нами,
В скончаньи — возрожденье,
Все звезды за свечами.

ЖЕРТВЕННИК

Жертвенник. Чаша на нем и звездица.
Свет, острие копия.
Духом я вижу пресветлые лица, —
Край, и бескрайность моя.

В этом златом и узорном потире
Кровь превратилась в вино.
Свет копия не напрасен был в мире,
Таинство дней свершено.

Был Вифлеем. Золотая страница.
Кончилась — там, на Кресте.
В мире же светит и светит звездица,
Манит, дрожит в высоте.

Вот, копие просфору пронизало,
Жертвенник ждет в алтаре.
К Солнцу — что было здесь бело и ало,
В вечной восходит заре.

ХЛЕБЫ, ПШЕНИЦА, ВИНО, И ЕЛЕЙ

Хлебы, пшеница, вино, и елей,
Вот они, тут.
Силы живые Небесных зыбей
Голубя свеют, — толпы голубей
К дару земному
Лелейно прильнут,
Внемля, в безгласности, тайному грому,
Молениям радуясь, и дождевому
Току, дающему нам изумруд,
Зная и слыша, что Дальний — вот тут.

ЛИТУРИЯ В ЛИТУРГИИ

Светильники, кадильницы, моления, и звон.
Цветы, и птичье пение, трава, и небосклон.

Деревья с ароматами их тайностей, их снов,
Все чувства с их возвратами в разымчивость пиров.

При ярком свете солнечном — светильник восковой,
При сладком духе яблони — кадильниц дух живой.

При светлом дыме яблочном — кадильниц синий дым,
Глядят на нас Небесные — и мы на них глядим.

Поют в ветвях крылатые — и тут толпы поют,
Уютно там — в вершинностях, в долинах здесь — уют.

И свадьба ли свершается, молебен ли мечты,
Хвалебен глас молитвенный, хвалебны все цветы.

ПЕРВЫЙ СПАС

Яблоки, орехи, мед,
Это — первый Спас.
Сколько сладости течет,

Сколько свежих нежных вод,
Сколько ядер лес дает, —
Все для нас.

Яблонь белая, в цвету,
Усладила пчел.
Сколько пений налету,
Сколько блесков, не сочту,
Мир весною в Красоту
Весь вошел.

Если ж Осень подошла,
Кончен путь Весны,
Радость первая светла.
Лето — жарче. Страсть пришла.
Виден весь узор узла.
Дышат сны.

Зреет все. Осенний час.
Яблок — плод живой.
Прежде всех пленил он нас,
Ядра с ним — в числе прикрас,
Мед. Как сладок первый Спас,
И второй.

ВО САДУ

Во саду — саду зеленом
Исстари — богато.
Там ключи журчат со звоном,
Встанет все, что смято.
Яблонь белая дышала,
Сердцу было больно.
В сердце было: «Мало! Мало!»
Бог сказал: «Довольно».

Во саду — саду зеленом
Сердце мы сдержали.
Проходили мы по склонам,
И несли скрижали.

Сладки яблочки сбирали,
Рдянилося чудо.
Красны яблочки мы клали
На златое блюдо.

Во саду — саду зеленом
Блеск мы громоздили.
Пред сияющим амвоном
Цвет был в новой силе.
Наше Солнце было ало,
К Богу пело вольно:
«Вот возьми! Прости, что мало!»
Бог шепнул: «Довольно».

В ТЕРЕМЕ ВЫСОКОМ

— Что там в тереме высоком непонятно говорят?
— Потаенно говорят там, волю Божию творят.
— Что там в тереме высоком, белы звезды иль цветы?
— Если любишь белы звезды, так входи туда и ты.
— А коль я люблю не звезды, а цветочек голубой?
— Все есть в тереме высоком, там и сон вчерашний твой.
— Что же в тереме высоком, что я буду говорить?
— Все узнаешь, знай лишь сердце волю Божию творит.

ОТ НЕБА К НЕБУ

В сонмах Восточных
Дальних Небес,
В мигах урочных,
В звеньях чудес,
Был я, ходил я,
Меда вкусил я,
Света испил я,
Снова исчез.

Но не на Землю
Вновь я ушел,

Высшему внемлю,
            Был мне глагол.
Есть бестелесны,
Выси чудесны,
Круги Небесны,
            В них я вошел.

Там, без скончанья,
            Светы для всех,
Нет там венчанья,
            Лишний там смех.
Смех — наше зелье,
В нем есть похмелье,
Там же веселье
            Вечных утех.

В тихой и связной
            Сказке побыв,
Вняв, что алмазный
            Путь есть красив,
Стал я звездою,
Пал над водою,
Мысль с молодою
            Кровию слив.

В темные ночи,
            В тайность вступил,
Вызвездил очи
            Веяньем сил.
Вновь на Земле я,
Радуюсь, млея,
На Корабле я
            Буду, как был.

ЗАКЛЯТИЕ

Ни отцу, ни матери, ни племени, ни роду
Тайное души своей ты не предавай.
Кто не сопричислился духом к Хороводу,
Пусть в своем скитается. Вольных не замай.

Разному нет слития. Да будет. Обещаюсь.
Если же поведаю, что внутренно, во вне,
Всей Землей отринутый, нигде да не вмещаюсь,
Солнцем опрокинутый, да таю на огне.

В ЧЕРТОГЕ

Долго, днями и ночами,
По таинственной дороге,
Многосложными путями
Я в святом блуждал Чертоге.
В зиму, днями и ночами,
Проходя законы строги,
Я с духовными свечами
Был во внутреннем Чертоге.
В лето, днями и ночами,
Возлюбив расцветы многи,
Я закрытыми очами
Все богатства зрел в Чертоге.

И теперь я не в гаданьи
Зрю, но в самом откровеньи,
Я в негаснущем сияньи,
В бесконечном восхожденьи.
И теперь я не в гаданьи
О мирском предназначеньи,
Я в великом ожиданьи,
В вечно-новом восхожденьи.
И гадая — не в гаданьи —
Я угадываю в пеньи,
Во вселенском я сияньи,
Во всемирном восхожденьи.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТЕРЕМ

Теперь, как постиг я тончайшую мудрость всего,
Хочу я пожить на Земле осторожно,
Чтоб мог я во всем озвездить Вещество,

От зла уклоняясь — как только возможно,
И свыше сего,
Лишь то против волн своей принимая,
Что воля означит: «Сие — непреложно».
И волю дыханьем духовного Мая
Настолько цветя,
Настолько ее существо умножая,
Чтоб даже сама,
Для нас непреложная, Ведьма-Зима.
Блестя,
Царицей-Зимою соделалась нам,
Просветленной,
В метели — свирели, и зов по струнам,
Серебряный терем заснувшим цветам,
С густой бахромой оснеженной,
И будто бы смерть на минутку — а там,
За часом, над часом, высокий, бездонный,
Идущий в начальность, звездящийся Храм.

СТИХ ВЕЧЕРНИЙ

На заре, заре вечерней,
Полнопевней, равномерней,
Золота труба трубила,
Говорила для своих,
И дрожала в сердце сила.
Многострунный реял стих.

В Небе хлопья светлых дымов,
Словно крылья Херувимов,
Расцвечались озаренно,
Обнимали небосклон,
И качался повторенно
В тихих ветрах долгий звон.

После утра золотого
Пламень дня расплавлен снова,
И в небесном вышнем храме

Засветились зеркала,
В золотой широкой раме
Тишь вечерняя светла.

ИКОНОСТАС

На моем иконостасе — Солнце, Звезды, и Луна,
Колос, цвет в расцветном часе, и красивая Жена,
Облеченная в светила, в сочетаньи их таком,
Как когда-то в мире было в ночь пред первым нашим днем.

А еще в плодах деревья красят мой иконостас.
Ширь пустынь, ключи, кочевья, звездосветность ждущих
глаз,
Несмолкающая птица, блеск негаснущих огней,
И пресветлая Девица, луч последних ваших дней.

ПРОТИВОГЛАСНИКИ

Эти звоны, антифоны, в царствии Твоем,
То на правом, то на левом клиросе поем.

Клирос — крылос, по-простому назовем его,
Тут — обилье, это — крылья духа Твоего.

Два их, два их, влево, вправо, царственный полет,
В вас — Твоя святая слава, голос Твой поет.

Ранним утром дух восходит в высь по степеням,
Вправо, влево, ходит, бродит, водит путь по дням.

То налево, полный гнева, рдяный от страстей,
То направо, нелукаво ищет чти Твоей.

Всходы лестниц, в той дороге, разные всегда,
То обрывны, то отлоги, всходит череда.

Все же всходит, путь находит череда молитв,
В двоегласьи, в двоечасьи битв, смертей, ловитв.

И от юности нас борют страсти, тьма — их счет,
Но во всех — Твоя есть воля, голос Твой поет.

Мы — уклоны, мы — амвоны, все, что хочешь Ты,
В безднах бродим, но восходим — к безднам Высоты.

СВЕТЕ ТИХИЙ

Свете тихий пречистые славы негасимых сияний Отца,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, Свете тихий, сияй
без конца.
Мы пришли до закатного Солнца, свет вечерний увидели мы,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, над великим разлитием
тьмы,
Свет вечерний увидев, поем мы — Мать и Сына и Духа Отца,
Свете тихий, ты жизнь даровал нам, Свете тихий, сияй
без конца.
Ты во все времена есть достоин в преподобных хвалениях
быть,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, научи нас в сияньях
любить.
Свете тихий, весь мир тебя славит, ты, сияя, нисходишь
в псалмы,
Ты спокойная радуга мира, над великим разлитием тьмы.
Свете тихий, закатное Солнце, свет вечерний дневного
Отца,
Свете тихий, сияй нам чрез ночи, Свете тихий, сияй
без конца.

ПАНАГИЯ

О, Мария, ты — Стихия.
Ты — волна с венцом из пены!
Ты — сиянья золотые,
Что в Эдеме красят стены!

Согревая, ты — живая,
Как простор Небес окружный!
Ты — молитва голубая,
Лик с оправою жемчужной!
Ночью темной, водоемной,
Изливающей планеты,
Ты есть пламень незаемный,
Нам взаймы дающий светы!
Ночью темной, водоемной,
Изливающей созвездья,
Ты — часовни мир укромный,
Путь прощенья в тьме возмездья!
О, Мария, в зимы злые
Радость Мая голубая!
Сердцу мира — сны златые,
Панагия, Всесвятая!

К ДЕВЕ МАРИИ

Дева Мария,
Море-Стихия,
Чистая совесть-душа.
Будешь ли с нами?
Будь с голубями,
Ты как рассвет хороша.

С огненной хотью,
С Марфою-плотью
Много нам было хлопот.
Дева Мария,
В областях Змия,
Светишь ты в пропасти вод.

Марфу не кинем,
Мы не остынем,
Рдяность мы любим всегда.
Деве Марии
То не впервые,
Знает, горит как Звезда.

Светит с зарею,
С жаркой сестрою
Век нераздельна она.
Дня ожидает,
Видит, и тает,
Будет — как будет нужна.

Днем истомимся,
Днем запылимся,
Вечер нас будет пугать.
Тут-то нас встретит,
Тут нас приветит
Нежная юная Мать.

Будет лелеять,
Будет нам веять
Сном над глубокой водой.
Пристанью станет,
Жемчугом глянет,
Яркой Вечерней Звездой.

Матерь и Дева,
В вихре напева
Мы погружаемся в Ночь.
Дева Мария,
Море-Стихия,
Тихого, Вечного Дочь.

МАРФА И МАРИЯ

— Мария, Мария,
Ты нравишься больше Ему.
Очи твои — голубые,
А мои — затаили тьму.
Волны волос у тебя золотые,
А пряди мои словно черные змеи сошли
До самой земли,
Как черные змеи,
Не подниму.

Мария, Мария, белее ты водной лилеи,
Ты как серп новолунний светла,
У меня в волосах, в их раскидистом мраке,
Лишь сонные,
Словно углем всегда озаренные,
Красные маки,
И я смугла.
Мария, Мария, идти ли мне ныне в пустыни,
Взгляни в мое сердце, увидишь, как я терплю.
Сестра, ты прозрачна, ты ближе к небесной святыне,
Но ведь я же Его люблю.
— О, Марфа, сестра моя, черный алмаз драгоценный,
Не плачь и не жалуйся, пышный факел ночной,
Ты пылающий пламень над зыбью морей переменной,
Ты костер в непроглядной ночи,
Ты бросаешь в тревогу ночную лучи,
В тот таинственный час, как над влагою пенной
Солнце уснуло с Луной.
Ты смотришь сейчас,
Как будто не веря,
Хоть верить желая.
Сияй всею силою, черный алмаз,
Не будь тебя в мире, была бы чрезмерна потеря.
Сестра молодая,
Ты любишь, ты знаешь, люблю ли, и любит Он нас,
Но обе мы светим, о верь мне, не зная,
Кто больше желанен Ему.
Сестра дорогая, к чему
Нам знать это? Лишь бы, Пресветлый, любил Он,
И нами, и нами обрадован был Он,
И может быть, любить Он нас — наравне.
Сестра, ты дрожишь, ты прижалась ко мне.
Ты сияешь в мои голубые глаза.
Что коврами узорными, —
Как гроза, —
Ты своими иссиня-черными
Всю покрыла меня волосами.
Сестра, ты дрожишь, как лоза,
Прерывисто дышишь.
Ты слышишь?
Он с нами!

В ПОЛЯХ ГОЛУБЫХ

Ходила Дева по чистому полю.
Не в зеленых полях, в голубых.
Гуляла в полях, нагулялася вволю.
И запела певучий стих.
И запела, и были глубоки намеки,
Что сложились в те звездные строки.
А навстречу идет к ней Христов пророк,
Привлечен осиянностью строк.
«Что ходишь ты, Дева, по чистому полю?
О чем ты поешь свой стих?»
«— Я Сына ищу, и заветную долю.
Где Сын?» — «Здесь, в полях голубых.
Ты дальше иди, о, поющая Дева,
Три древа увидишь, три древа.
И древо одно — кипарисовое,
Другое же древо — анисовое,
А третье еще — барбарисовое.
Из трех этих древ есть построенный храм,
Три птицы поют песни райские там,
„Аллилуйя!“ поют, „Аллилуйя!“ поют.
Сын сидит в высоте. Травы нежно цветут.
Голубые они,
Словно Море кругом.
Сын сидит на престоле своем золотом,
Золотые и синие всюду огни.
Ночи в черных одеждах к престолу идут.
И подходят румяные дни.
И цветы, наклоняясь, цветут.
Словно синее Море кругом.
Он нас ждет осиянный». — «Идем!»

ДЕВА

Дева днесь высочайшего, —
Из колодца воды зачерпнув, из колодца миров
глубочайшего, —
Нам рождает, — Его,

В бездне бездн — одного,
Нам нельзя без кого,
Возлюбившего нас и сладчайшего.
«Дева, Дева», поет вышина,
Не Жена,
«Дева, Дева», ответствуя, кличет вертеп,
И вскрывается лед, содрогается склеп,
«Дева, Дева», Весна над пустыней снегов,
Знаменья шествуют,
Ангелы песню поют меж скудных благих пастухов,
Волхвы со Звездой путешествуют,
Несут умащенья в ларцах,
Из них благовонный вздох,
Сияет Звезда в Небесах,
Ничего нам больше не надо,
Родися нам дитятко младо,
Родися превечный Бог.

БОЖИЙ ДРУЖОК

— Богу милое дитя,
Что живет, звездой блестя.
Богу миленький дружок,
Он куда всегда бежит?
За моря, или в лесок?
— Нет, во яслях он лежит.
И хоть мир прошел он весь,
Он смеется с нами здесь.
— Но куда ж сейчас ушел?
И куда же он забрел?
— Он в вертепы заходил,
Там рождался звон кадил.
Глянет в нищенский он дом,
Дом горит златым огнем.
Он к разбойникам зайдет,
Ангел в сердце злом поет.
И хоть мир прошел он весь,
Вот он в сердце, вот он здесь.

КРЕЩЕНИЕ

Мы крестились Христом.
Мы крестились крестом,
Обвитым звездами, цветами.
Мы крестились Водой,
Навсегда молодой,
Мы крестились Огнем.
Часом ночи и днем.
Мы за Солнцем идем,
И звездами.
Мы в Христа облеклись,
Мы как свечи зажглись,
В Пасхальном сияющем храме.
Мы возникли как звон
В аллилуйе времен,
Серафимы — в одном,
Херувимы — в другом,
Мы с Христом, он во всем,
Со звездами.

ПРОСТИ

Прости меня, Небо с Землею, и Солнце, и Месяц и Звезды,
Простите вы, горы, и долы, озера, леса, и поля,
Воздушные птицы, простите, коль ваши увидел я гнезды,
Простите, травинки, бродил я, былинки ногой шевеля.

Простите вы, звери лесные, что вас я тревожил по чаще,
Простите вы, рыбы, что вас я, рекой проплывая, путал,
Мы были когда-то все вместе, а в этот наш миг настоящий
Разъяты мы рознью, как страны — подъятьем
запутанных скал.

Простите меня, цветокрылки, которых зовут мотыльками,
Я вас от цветов отгоняю — невольно, когда прохожу,
Я брат вам, не будьте врагами, мы вызваны теми ж лучами
На ту же — мне зримо — на ту же, великую в Мире, межу.

ИЗ ЛЕСА В САД

Как из Леса в Сад
Через тьму идешь,
Там следы горят.
Где дорога в Сад?
В чаще — острый взгляд,
Словно светлый нож.

Много там следов,
Где века прошли,
Много там цветов,
Много там плодов,
Пир всегда готов.
Где он, Сад? Вдали!

Выявляет Лес
Много див своих.
Меж густых завес
Не видать Небес,
Но и здесь воскрес
Тоже звучный стих.

Вековечный круг,
Он и здесь воскрес.
Север есть и Юг,
И Восток и друг,
И зеленый луг
Для живых телес.

Возлежи, пируй,
Всех цветов не счесть,
Ты цветок, ликуй,
Нежен лепет струй,
О, целуй, целуй,
Если губы есть!

А когда к устам
Красный льнет закат,
По златым следам,

Мы к иным цветам,
Мы к плодам-звездам
Удалимся в Сад.

ДУХ НАШ

— Дух наш, скажи! Дух наш, пророчь!
Отчего мы в заре и однако в печали?
— Ибо в темную ночь
Свет Христов вы проспали.
Кто проспал, тем на дню невозможно помочь.

— Дух, помоги! Дух, измени!
Опрокинуть не можем ли час наш и время?
— Будут новые дни,
Сейте светлое семя,
Стебель в новые дни, возростив, наклоня.

— Дух, мы хотим! Дух, преклонись!
Мы глядим, мы не спим, не уснем, помоги нам!
— Обойми кипарис.
Спи. Но, чуть по долинам
Брызнут росы, проснись, и молись, и молись.

ПРОЩАНИЯ

Ты прости-прощай, тело белое,
Тело белое, лик земной.
Ты лежишь теперь, онемелое,
Онемелое под Луной.

Я жила в тебе, тебя нежила,
В тебе нежила сон венца.
Но меня всегда ты мятежило,
Ты мятежило без конца.

А теперь пора расставаться нам,
Расставаться нам — так всегда.

Нужно в Небо мне, вновь скитаться там,
Вновь скитаться там, как звезда.

Я отдам тебя на съедение,
На съедение злым червям.
Все же бывшее единение,
Единение радость нам.

Ты служило мне зыбкой лестницей,
Зыбкой лестницей к вышине.
Я была тебе светлой вестницей,
Светлой вестницей в нежном сне.

И когда опять в мире встретимся,
В мире встретимся в должный час,
Друг во друге мы в миг отметимся,
Вмиг отметимся блеском глаз.

Но хотя вдвойне возрождение,
Возрождение примет свет,
Для минувшего — возвращения,
Возвращения больше нет.

И любя любовь, и любя тебя,
И любя тебя вдвое вновь,
Будем счастливы, о былом скорбя.
О былом скорбя сквозь любовь.

ДУХОВНЫЙ САД

Темный и светлый духовный наш Сад,
Солнце зашло, но не гаснет закат.
Красные вишни, златой виноград.

Ягодки словно цветы — барбарис,
В яблоках ясно румянцы зажглись,
Темный, как терем ночной, кипарис.

Нежно обнявшись с последним лучом,
Лилия дремлет и грезит. О чем?
Уж не отпустит тот луч, нипочем.

В чашу вбирая, но тем не губя,
Пресуществляя, вдыхая, любя,
Белая, примет златистость в себя.

Скоро ночная сойдет тишина,
Лилия будет бледна, но видна,
В светы одета, и тайной сильна.

КАЖДЫЙ ЕСТЬ ЦЕРКОВЬ

Каждый есть церковь, и в каждом есть звоны,
В каждом высоко восходят амвоны.
Только когда
Он это забудет,
Света убудет,
Сердце воскликнет, что сумрак хорош,
Света убудет,
И гаснет звезда.

Что ж,
Сумрак красив,
Захватист и весело-пенист разлив,
Полая ширью владеет вода.
Сумрак хорош,
Можно ль уму возбранить
Выткать — какую понравится — нить?
Вольной быть хочет душа,
Своевольная тьма хороша.
Если вода затопила угодья,
Это весна,
Пир полноводья.
Полая влага, однако, мутна,
Полые воды — стоячие,
До предела всей мощи дошли.

Вспыхните, домыслы зрячие,
Пусть зазыбится в должных пределах волна.
О, внемли,
Своевольница, мысль человеческая,
Звездные зерна рассыпала в сумрак, там вон,
вдали,
Чья-то рука,
Пахаря длань и отеческая.
Звездную стелют дорогу века,
Звездные росы,
Храмы встают, озаряя откосы,
Звездные капли в качаньях морей,
Звездные души, к молитве идите, звездные
души, скорее, скорей.

ЧЕТЫРЕ ЗНАКА

Поюще,
Вопиюще,
Взывающе,
Глаголюще.

Орлом седым поюще,
Тельцом вопиюще,
Могучим львом взывающе,
Как человек глаголюще.

Четыре знака нам,
Мирволющих страстям,
Лик четырех путей,
В различности страстей.

Орлиное пенье, орлиные крылья,
Мычанье и кротость тельца,
Львиный прыжок, все мое — без усилья,
И голос, глаголанье, гул без конца.

Куда ты захочешь, смотри,
И все, что восхочешь, бери,

Ты думал, путей только три,
Их в мире безбрежном четыре.

Ты — в Мире,
Мирское — бери.

Я беру себе крылья орлиные,
Хоть люблю я уютный хозяйственный мир,
Я беру себе шири пустынные, львиные,
И стозвонное пение лир.

Четверично — различно — стократно — единое.

Проходя по воздушным путям,
Я увидел безмерную долю,
От страстей через страсти к страстям и страстям
Улетаю, как все — им мирволю,
Но, когда я начну говорить, я глаголю,
И когда я пою, возвещаю я волю,
Что в великом кипеньи страстей,
Чрез которое должно пройти,
Чтоб узнать о едином пути,
О пути — от путей,
В голубой небосвод,
Где душа изберет из различности всей
Лишь простор — и полет.

ХЕРУВИМСКАЯ

Выше, ниже, Херувимы, образующие тайно
Свет и крылья, свет и дымы, лик возникший не случайно,
Жизнь творящей, нисходящей, восходящей ввысь огнем,
Трисвятую, Трисвятейшей, трисвятую песнь поем.

Да Царя, чей голос — громы в вихрях огненного дыма,
Чье величие — на копьях свитой Ангельской носимо,
Мы подымем, света примем триединого Лица,
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя без конца.

НА ДОНУ

Это было на Дону, на Дону,
Вот уж третью я весну не усну.
И к чему ж я буду спать, буду спать?
Сирота нашел Отца, встретил Мать.
Там на тихом на Дону — Царский Дом,
Я пришел в пути своем в Царский Дом.
А при Доме этом сад, нежный сад,
И горит, да не сгорит, там закат.
И горит, который год, там восход,
Хоть считай, хоть не считай, спутан счет.
И, как тайна, по древам светит Храм,
Все листы-цветы, как свечи, светят там.
И со всех там сторон слышен звон,
Из каких колоколец льется он?
Из златых колоколец, иль сердец?
Где начало этой песни, где конец?
И от птиц исходит глас, столь певуч,
Что во церкви там пробил быстрый ключ.
Ключ запел, закипел, побежал,
В синем Море, на просторе, пенный вал.
Я глядел, поглядел, стал я бел,
Я с ключом над цветком звонко пел.
Чудеса. Небеса — мой Отец,
Мать-Земля — моя Мать наконец.
У Отца — два венца на челе,
Злат венец, бел венец, свет во мгле.
Мать мою он в смарагды одел.
Я пою. Или вечно я пел?

МОЯ ГОЛОВУШКА

Ты пропой, моя головушка, соловушком в саду,
Ты воспой, моя головушка, Вечернюю Звезду.

Ты пропой, моя головушка, о всех качелях дней,
Ты воспой, моя головушка, качанье в глубь ночей.

Ты пропой, моя головушка, про Каму про реку,
Ты воспой всех красных девушек, ночную их тоску.

Ты пропой, моя головушка, про реку про Курень,
Ты воспой всех добрых молодцев, уведших ночи в день.

Ты пропой, моя головушка, о вербе золотой,
Ты воспой ее цветение над вешнею водой.

Ты пропой, моя головушка, что Море хочет рек,
Ты воспой, моя головушка, как свят есть Человек.

КО ПРЕСТОЛУ КРАСОТЫ

У Престола Красоты
Все лазоревы цветы,
А еще есть белы,
А еще есть белы.

Тайно в сердце поглядим,
Там мы путь определим
В вышние пределы,
В вышние пределы.

Ко Престолу Красоты,
До высокой высоты,
Я дойду, и ты, и ты.
Братья, будем смелы,
Братья, будем смелы.

В каждом сердце — тайный храм,
Там иди по ступеням
В сумраки безбрежны,
В сумраки безбрежны.

Темны горницы пройдешь.
Светлы горницы найдешь,
Светлы, безмятежны,
Светлы, безмятежны.

Ввысь, по лестницам крутым,
Все вперед неукротим,
Луч увидишь, ты за ним,
    Сестры, будем нежны,
    Сестры, будем нежны.

Тот, кто первый кончит путь,
Может руку протянуть
    В вышние пределы,
    В вышние пределы.

А за ним, рука с рукой,
В высь взойдет еще другой,
    Брат с сестрою белой,
    Брат с сестрою белой.

Вместе все, и я, и ты,
Ко Престолу Красоты,
Как на яблоне цветы,
    Души, будьте смелы,
    Души, будьте смелы.

ЭТО БУДЕТ

Это будет — по весне.
Сам Пророк поведал мне.
Это явится в тот год,
Как в высотах зацветет,
Сон всемирный, Цвет-Гора,
Что из злата, серебра,
И вселенского Огня.
Это будет — для меня,
Для тебя, и для других,
Для своих, и для чужих,
И для каждого, для всех,
Он исчезнет, темный грех.
Отойдет, как черный дым.
Потечет Река-Сладим,
Позлатится Втай-Река,

Примет в воды все века,
Укрепится Шат-Река,
Широка и глубока,
А по водам Тень-Реки
Заиграют огоньки,
А по вскипам Тень-Реки
Засверкают светляки.
Во Вселенной, в пеньи струй,
Все-то будет поцелуй.
Это будет. Светлый смех,
Раз во мне, он есть во всех.
Есть ли тьма, коль я горю?
Это будет, говорю.

СТРУНЫ

— Кто сказал в начале?
Сколько слов? О чем?
— В роковом начале
Струны заиграли
В Небе золотом.

— Сколько капель в вале,
Пенистом, морском?
— Струны колдовали,
Капель не считали
В Небе голубом.

— Та ли жизнь в печали,
Как в огне живом?
— Струны прозвучали,
Песней все венчали
В Небе огневом.

— Будет ли в опале
Кто в конце святом?
— Свет конца — в начале
Струны веще знали
В Небе золотом.

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫЕ

Ризы нетленные,
Венцы семигранные,
И друзья неизменные,
И слова необманные.
И для вольных полей
Много пышных стеблей.
И в лугах табуны
Богатырских коней.
И Луна с вышины
С свитой солнечных дней.
И дрожанье струны
Все нежней и нежней.

И когда, день за днем,
Завершается год,
Серп звенит за серпом,
Жатвы хочет, поет.
Новый стебель растет,
Новый колос горит.
Умножается счет,
Изумруд, маргарит.
Бриллианты растут,
Ночи бархат плетут.

Золотую иглу
Кто-то держит, и шьет.
Бисер вызвездил мглу,
Умножается счет.

Светят ризы нетленные,
И венцы семигранные.
Вольны бывшие пленные,
Струнны радости жданные.

ЖЕРТВА БОЖЬЯ

Жертва Божья умиленна, он оставил ширь пустынь,
Сад развел, возделал нивы, истребил в полях полынь.

Кипарисные древа он насадил в своем саду,
Он до Запада от Моря обозначил борозду.
Корень длинен и развилист в должном месте утвердил,
Мир сердец сростив в единость, тем взростил цветистость
сил.

Возросли благоуханно листья, ветви, целый сад,
Благодатный и снежистый, вызрел белый виноград.
Прилетела птица Сокол, золотой, спустился вниз,
Сел, жемчужный, сел, алмазный, на высокий кипарис.
В славном граде во Сионе, Сокол сел среди ветвей,
У него сидит под сердцем сладкозвучный Соловей.
Херувимом, серафимом, на двенадцать голосов,
Распевает на две смены, по двенадцати часов.
Чинны, действенны, старинны, и первичны песни все,
В них, созвонных, благовонны все цветы в своей красе.
Ах ты пташечка певуча, как утешила ты нас,
Звезды все — Седьмого Неба — ты влила в текущий час.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

— Здравствуй, братец. Ты был в Лесе?
— Братец, здравствуй. Где он, Лес!
Весь пройден. — Христос Воскресе!
— Брат, воистину воскрес.

СВЕТЛИЦА

Во поле чистом,
Цветком снежистым,
Стояла светлица,
В светлице Девица.
Светлей червонца,
Белее снега,
Краснее Солнца,
Желанней брега.
Виднее света,
Виднее зорь,

В лучи одета,
С лучом не спорь.

Во чистом поле,
На вольной воле,
Сияет светлица,
Меж дев там Девица.
Их убирает:
«Светитесь, девицы!»
И к ним взывает:
«О, голубицы!
Не озирайтесь
На сны пустынь.
А простирайтесь
Вперед. Аминь!»

ВЕРТОГРАД

Тот, кто вступит в Вертоград,
Кровью сердца купит сад,
Будет лишь о том жалеть,
Что за этот аромат
Мало он понес утрат,
Что терзаться был бы рад,
А была воздушна сеть,
Что за этот пышный сад,
Желтый, красный виноград,
Синий, черный виноград,
Что за этот свежий сад
Весь не может он сгореть,
Жить и вместе умереть.

ВИНОГРАДАРЬ

— Отчего под солнцем — разный
Виноград?
Ты скажи мне речью связной,
Я послушать буду рад.

— Я скажу тебе: зеленый
Оттого, что зелен сад,
Оттого, что дал законы
Нам Зеленый Вертоград.
Изумрудно-золотистый
Оттого, что в Небесах
Светит Солнце в день огнистый,
Месяц злат горит в ночах.
Виноград бывает красный
Оттого, что в сердце кровь
В храм телесный, в храм атласный
Вводит к празднику любовь.
Виноград бывает синий
Оттого, что пламень синь
Над небесною пустыней,
В ночь как гром поет «Аминь».
Виноград бывает черный
Оттого, что Ночь черна,
Хоть бросает в сад узорный
Зерна звездные она.
Виноград бывает белый
Оттого, что белы мы,
Хоть белей мы в побелелый
Праздник пляшущей Зимы.

НЕ ЗАБЫВАЙ

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Мы все там были, и будем вновь,
Гласит Любовь.
Престолы Неба, сады планид —
Для всех, кто зрит.
Несчетны Солнца, жемчужность Лун —
Для всех, кто юн.

А здесь, покуда свершаем чудо
Любви к любви.

Мы вечно юны, как звонки струны,
Мой зов лови.

Я здесь сияю призывом к Маю,
Мир врошу в звон.
О, светоч Рая, ты, молодая,
Ты, сон времен.

Я Вечность — с днями, пожар — с огнями,
В ночи — набат.
Я терем новый, уток основы,
Я быстрый взгляд.

Я — здесь, с громами, с колоколами,
С игрой зарниц.
Я крик чудесных и благовестных
Весенних птиц.

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Когда ты счастлив, от счастья нем,
Он здесь, Эдем.

Когда ты темен, и мрак — твой взгляд,
Он близок, Ад.
Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.

ЧТО ГОРИТ?

Гляди, погляди,
Моя белая сестра,
Моя белая сестра.
Что горит позади?
Что горит впереди?
Чем горит вся гора?

Гляжу, погляжу,
Мой белый брат,
Мой белый брат,
Я тебе расскажу, —
Как пройдем мы межу,
Чем высоты горят.

За нами — пожар,
Мой белый брат,
Мой белый брат.
Последний пожар
Зловражеских чар
Отошедший чад.

Пред нами — Сион,
Мой белый брат,
Мой белый брат.
Весь мир освящен,
Мы — в Нем, в нас — Он
Град двенадцати врат.

Как мне легко,
О, путь серебра,
Моя белая сестра.
Мы были глубоко,
Воспарили высоко,
Моя белая сестра.

ТАМ

Там, где пиршествуют Ангелы, где пирует Дух Святой,
Там, где в синем светит ладане огнь червонно-золотой.
Там, где кедрами Ливанскими вам упрочен потолок,
Где, являя изобилие, смотрит лилия в поток,
Где любому сотрапезнику умащенья есть в ларцах,
Где в глаза былому безднику смотрят вестники в венцах,
Где с восторженностью жаркою вечно вновь глядят глаза,
Где вменилась в перстни яркие грозовая бирюза,
Где завесы златотканные весь являют звездный свод,

Где летает птица странная и всегда к весне зовет,
Где, покуда всяк обедает, вечно музыка слышна,
А никто-никто не ведает, чей напев и чья струна,
Я иду, и в светы пирные я веду тебя, сестра,
И венец твой — злат-сапфировый, башмачок — из серебра.

ЗВЕЗДОЗАКОННИКИ

Звездники, звездозаконники,
Божией воли влюбленники,
Крестопоклонники,
Цветопоклонники,
Здесь в Вертограде мы все
В невыразимой красе.

Бездники, стали мы звездники,
В Вечери мы сотрапезники,
Цветопоклонники,
Звездозаконники,
Хлеб и вино — в хоровом,
Во всеокружном поем.

НЕТЛЕННОЕ

Мы найдем в нашем тереме светлый покой,
Где игрою столетий украшены стены,
Где лишь сказкою, песнею стали измены,
Чтоб за мигом был миг, за восторгом другой.

Я тебе загляну в бесконечную душу,
Ты заглянешь в мою, как взглянула б в окно,
Мы поймем, что слияние нам суждено,
Как не может волна не домчаться на сушу.

Ты мне скажешь: «Мой милый! Наряд приготовь».
На тебя я надену нетленное платье.
Я тебя заключу — заключаю в объятья,
Мы найдем — мы нашли — в нашем сердце — любовь.

БЕЛЫЙ ПАРУС

Прости, Солнце, прости, Месяц, Звезды ясные, простите,
Если что не так я молвил про волшебность Корабля,
Если что не досмотрел я, вы меня уж просветите,
Ты прости мои роспевцы, Мать моя, Сыра Земля.

Может, я хожденье в слове и постиг, да не довольно,
Может, слишком я в круженьи полюбил одну сестру,
Как тут быть мне, я не знаю, сердце плачет богомольно,
Но не всех ли я прославлю, если ей цветы сберу.

Солнце, Месяц, Звезды ясны, Мать Земля, меня простите,
Лен в полях я возрощаю, дам обильно коноплю,
А моя сестра сумеет из цветочков выткать нити,
И сплетет нам белый парус с голубым цветком «Люблю».

ТРИ ИПОСТАСИ

Три ипостаси душ: познавшие, борцы,
И вскипы снов. Их три. Три лика душ, не боле.
Сплетаясь, свет и тьма идут во все концы,
Но им в конце концов — разлука, поневоле.

Сплетаются они, целуются они,
Любовные ведут, я вражеские речи,
Но вовсе отойдут от сумраков огни,
Увидев целиком себя в последней встрече.

Познавшие, когда из этой смены дней
Уходят, к ним идут три духа световые.
С одеждою, с водой, с огнем — к душе, и ей
Указывают путь в Чертоги Мировые.

Борцы, уйдя из дней, встречают тех же трех,
Но демоны еще встают с жестоким ликом,
И нет одежд, шипят вода с огнем, — и вздох,
И снова путь, борьба — меж пением и криком.

А вскипы снов, уйдя, вступают в темный строй,
Лишь кое-где горит созвездной сказки чара,
И снова сны кипят, вскипают волей злой,
И будут так до дня всемирного пожара.

Тря ипостаси душ, и две их, и одна,
Отпрянет свет от тьмы, и вызвездятся духи,
А сонмы тел сгорят. Всемирная волна
Поет, что будет «Вновь». Но песня гаснет в слухе.

РАЗЛИВ ВЕЧЕРНИЙ

Разлив зари вечерней отходит на отлив,
На стебле, полном терний, червонный цвет красив,
Багряные туманы плывут над морем нив.

Среди колосьев желтых — как очи, васильки,
И маки — побережье разлившейся реки,
Чьи воды — зрелость злаков, чьи воды — широки.

Концов Земли — четыре, в Ад, и Рай, всех шесть,
Концов Земли — четыре, на каждом Ангел есть,
А всех их в светлом мире, как звезд ночных, не счесть.

Четыре шестикрылых ток ветров стерегут,
На дремлющих могилах — цветы, и там, и тут,
Нас всех молитвы милых от тьмы уберегут.

Коль здесь мы не успели соткать себе наряд,
Коль светлые свирели не завлекли нас в сад,
В замену Вертограда увидишь мрачный Ад.

Но, там побыв во мраках положенные дни,
Познав, что в звездных знаках — доточные огни,
Ты выйдешь к свету в маках, — тогда не измени.

Минутность заблужденья — пройденная ступень,
За падшего моленье — как в правде житый день,
Сияньем восхожденья удел земной одень.

Концов Земли — четыре, и страшных два, всех шесть,
Судеб Земли — четыре, при каждой Ангел есть,
Служите Миру — в мире, дорог Судьбы не счесть.

А ЧТО ВВЕРХУ?

Сион-Гора — сияние,
Высокое, горячее.
Голгоф-Гора — страдание,
Стоокое, всезрячее.
А что вверху, у Батюшки,
Мученье иль восторг?
А что вверху, у Матушки,
Что Сын из тьмы исторг?

Уж если есть падение,
Есть лестница с низин.
Сион-Гора — видение,
Сходил к низинам Сын.
И сходит Он воистину,
Еще премного раз,
Когда любовь и истину
Мы прячем в тайность глаз.

В глаза Он к нам, в правдивые,
С Голгоф-Горы спускается,
Узнав, что мы — счастливые,
От боли отторгается.
Ведет нас снизу к Батюшке,
В превыспренность зыбей.
В Сион-Горе, у Матушки,
Есть сад для голубей.

ПОСЛЕДНЕЕ ВИДЕНИЕ

Я видел виденье,
Я вспрянул с кровати,

На коей, недужные,
Воззрился я в темь.

Небесны владенья.
Сорвались печати,
Печати жемчужны,
Число же их семь.

Ночные пределы,
Крутились туманы,
Как пасти ужасны,
Над битвой ночной.
И конь там был белый,
И конь был буланый,
И конь там был красный,
И конь вороной.

И были там птицы,
И были там звери,
И были там люди,
И ангелов — тьмы.
В лучах огневицы
Пылали все двери,
В неистовом чуде
Там были и мы.

Сквозь каждые двери,
Стенные разломы,
Сквозь трещины, щели,
Врывались лучи.
И выли все звери,
И били их громы,
Под звоны свирели
Их секли мечи.

И лик был там львиный,
И лик был орлиный
И лик человечий,
И лик был тельца.
Ломалися спины,

Крушились вершины,
В безжалостной сече,
В крови без конца.

В небесных пожарах,
В верховных разрывах,
Стояли четыре
Небесных гонца.
И малых и старых,
Как стебли на нивах,
Косили всех в мире,
В огне без конца.

И только над крышей
Той бездны безбрежной,
Той сечи кровавой
Зверей и людей,
Все выше и выше.
Как сон белоснежный,
Взносились со славой
Толпы голубей.

ДУХ БРАЧУЮЩИЙ

Отошла за крайность мира молнегромная гроза,
Над омытым изумрудом просияла бирюза,
И невысказанным чудом у тебя горят глаза.

Темный лес с бродящим зверем словно в сказку отступил,
Сад чудес, высокий терем, пересвет небесных сил,
В Бога верим иль не верим, Он в нас верит, не забыл.

Обручил с душою душу Дух Брачующий, Господь,
Обвенчал с водою сушу, чтоб ступала твердо плоть,
Хлеб всемирный не разрушу, хоть возьму себе ломоть.

Стало сном, что было ядом, даль вселенская чиста,
Мы проходим в терем садом, нет врага в тени куста,
Над зеленым Вертоградом веселится высота.

В ВЕЛИКОМ ЗАРЕВЕ

Вот, я прочел, не отрываясь,
Все то, что должен был прочесть,
В великом зареве сливаясь
Со всем, что в Звездах звездно есть.

И там, где эти свечи Рая
Не достигают Красоты,
Я буквы вычеркнул, стирая,
Кривые выпрямил черты.

И там, где, в Вечность воплощаясь,
Возникла цельно кривизна,
Я долго медлил, восхищаясь,
Воскликнув: «Да живет она».

И там, где в стройные колонны
Сложились строки прямоты,
Я стих пропел, и, многозвонны,
Возникли храмы и цветы.

И там, где в очи смотрят очи,
Где на звезду глядит звезда,
Благословил я дни и ночи,
И быть велел им навсегда.

В великой грамоте, единой,
В гремящей книге Родослов,
Где каждый лист взнесен пучиной,
За каждой буквой сонм веков.

ДРЕВО

Наш Сад есть единое Древо,
С многолиственным сонмом ветвей.
Его насадила лучистая Ева,
В веках и веках непорочная Дева,
И Жена,
И Матерь несчетных детей.

Наш Сад посребряет Луна,
Позлащает горячее Солнце,
Сиянье заоблачных слав,
Изумруды для ствол-облекающих трав
И листов
Нам дарует свеченье нездешних морей,
И хоть нет тем морям берегов,
Можно в малое зреть их оконце,
Что в душе раскрывается в малых озерах очей,
В духе тех, кто, от вечного Древа
Воспринявши цветочную пыль,
Так покорен качанью зеленых ветвей,
Как покорен ветрам легкозвонный ковыль,
Где звучит — не звучит многозвучность напева.
И сияет наш Сад, и цветет,
И цветы голубые дает
Хороводно-раскинутый Синь-небосвод.
И с бессмертной усмешкой Адам
Повествует о Еве пленяющей нам,
Под раскидистой тенью единого Древа.

СЕДЬМЫЕ НЕБЕСА

Когда раскрылись нам Седьмые Небеса,
Когда под звонкий гул златого колеса,
Промчались в высоте толпы крылатых птиц,
Мы чувствовали все, что светит нам краса
Непризрачных существ, нездешних колесниц.

Над каждым колесом, на некой высоте,
Был голубь, словно снег в нагорной красоте,
Четверократный блеск над каждым, кто был там,
Земное все — не то, а эти в высях — те,
И можно с ними быть, в это видно нам.

Как быстры кони все. Как сказочен их вид.
В очах у каждого был камень-маргарит.
А тело — стройное, жемчужно-пышный хвост,

У каждого из уст сияние горит,
Как будто он испил от разнствующих звезд.

И гривою взмахнув жемчужною своей,
Ярился каждый конь дрожанием ноздрей,
А вождь крылатых тех держал в руке ключи,
Всех жаждущих он мчал к нагорностям, скорей,
Туда, где первый день, последние лучи.

ЗВЕЗДОЛИКИЙ

Лицо его было как Солнце — в тот час когда Солнце
в зените,
Глаза его были как звезды — пред тем как сорваться с Небес,
И краски из радуг служили как ткани, узоры, и нити,
Для пышных его одеяний, в которых он снова воскрес.

Кругом него рдянились громы в обрывных разгневанных
тучах,
И семь золотых семизвездий как свечи горели пред ним,
И гроздья пылающих молний цветами раскрылись
на кручах,
«Храните ли Слово»? — он молвил, — мы крикнули
с воплем: «Храним».

«Я первый», он рек, «и последний», — и гулко ответили
громы,
«Час жатвы», сказал Звездоокий. «Серпы приготовьте.
Аминь».
Мы верной толпою восстали, на Небе алели изломы,
И семь золотых семизвездий вели вас к пределам пустынь.

ПРОРОЧЕСТВО БОЖЬИХ ЛЮДЕЙ

По левую сторону, в одеянии страшном,
Души грешные, сумраки лиц.

Свет и тьма выявляются, как в бою рукопашном,
Все расчислено, падайте ниц.

По правую сторону, в одеяньи лучистом,
Те, которых вся жизнь жива.
Золотые их волосы — в красованьи огнистом,
Как под солнцем ковыль-трава.

Минуты отшедшия, не вспыхнувши золотом,
Тяжелым упала свинцом.
И в поле не полотом, и в сердце расколотом
Все размножилось цепким волчцом.

Вы, время забывшие, вы Мира не видели,
Хоть к Миру пиявка и льнет.
Себя не украсивши, вы Солнце обидели,
Вас Солнце, вас Ветер сомнет.

Глаза ваши мертвые как будто бы вделаны,
Как будто они из стекла.
И стрелами будут дела, что не сделаны,
Зачем вас Земля родила?

Лежите в болотах гнилыми колодами,
В жерле ненасытных котлов.
Но к Солнцу — кто солнечный — веселыми всходами —
Взойдет до жемчужных садов!

ДВЕНАДЦАТИВРАТНЫЙ

И город был чистый и весь золотой,
И словно он был из стекла,
Был вымощен яшмой, украшен водой,
Которая лентами шла.

Когда раскрывались златые врата,
Вступали пришедшие — в плен,
Им выйти мешала назад красота
Домов и сияющих стен.

Сиянье возвышенных стен городских,
С числом их двенадцати врат,
Внушало пришедшему пламенный стих,
Включавший Восход и Закат.

В стенах золотилось двенадцать основ,
Как в годе — двенадцать времен,
Из ценных камней, из любимцев веков,
Был каждый оплот соплетен.

И столько по счету там было камней,
Как дней в семитысячьи лет,
И к каждому ряду причтен был меж дней
Еще высокосный расцвет.

Там был гиацинт, и небесный сафир,
И возле смарагдов — алмаз,
Карбункул, в котором весь огненный мир,
Топаз, хризолит, хризопрас.

Просвечивал женской мечтой маргарит,
Опал, сардоникс, халцедон,
И чуть раскрывались цветистости плит,
Двенадцатиструнный был звон.

И чуть в просияньи двенадцати врат
На миг возникали дома,
Никто не хотел возвращаться назад,
Крича, что вне Города — тьма.

И тут возвещалось двенадцать часов
С возвышенных стен городских,
И месяцы, в тканях из вешних цветов,
Кружились под звончатый стих.

И тот, кто в одни из двенадцати врат
Своею судьбой был введен,
Вступал — как цветок в расцветающий сад,
Как звук в возростающий звон.

ОСАННА

— Что было у вас за пирами?
— Цветочные чаши, любовь.
— Что выше? — Все звезды над нами.
— Что в чашах? — Поющая кровь.
— Своя иль чужая? — Смешались.
— А песни? — Всегда об одном.
— В какой же стране вы остались?
— Осанну, Осанну поем.

Книга IX

ПТИЦЫ В ВОЗДУХЕ

Строки напевные

Мы уйдем на закате багряного дня
В наш наполненный птичьими криками сад.
Слушай их, меж ветвей. Или слушай меня.
Я с тобой говорю — как они говорят.

Миновала зима. И в воздушность маня,
Это — сердце душе говорит через взгляд.
Эти птицы поют о дрожаньях Огня.
Их понять торопись. Пропоют, улетят.

В ЯРКИХ БРЫЗГАХ

ДВАЖДЫ-РОЖДЕННЫЕ

Мы вольные птицы, мы дважды-рожденные,
Для жизни, и жизни живой.
Мы были во тьме, от Небес огражденные,
В молчаньи, в тюрьме круговой.

Мы были как бы в саркофагной овальности,
Все то же, все то же, все то ж.
Но вот всколыхнулась безгласность печальности,
Живу я — мой друг — ты живешь.

Мы пьяность, мы птицы, мы дважды-рожденные,
Нам крылья, нам крылья даны.
Как жутко умчаться в провалы бездонные,
Как странно глядеть с вышины.

С ВЕТРАМИ

Душа откуда-то приносится Ветрами,
Чтоб жить, светясь в земных телах.
Она, свободная, как вихрь владеет нами,
В обманно-смертных наших снах.

Она как молния, она как буревестник,
Как ускользающий фрегат,

Как воскрешающий — отшедших в смерть — кудесник,
С которым духи говорят.

Душа — красивая, она смеется с нами,
Она поет на темном дне.
И как приносится, уносится с Ветрами,
Чтоб жить в безмерной вышине.

ХМЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Летом, в месяце Июле,
В дни, когда пьянеет Солнце,
Много странных есть вещей
В хмеле солнечных лучей.
Стонет лес в громовом гуле,
Молний блеск — огонь червонца.
Все кругом меняет вид,
Самый воздух ум пьянит.

Воздух видно. Дымка. Парит.
Воздух словно весь расплавлен.
В чащу леса поскорей,
Вглубь, с желанною твоей.
В мозге нежный звон ударит,
Сердце тут, а ум оставлен.
Тело к телу тесно льнет.
Праздник тела. Счастье. Вот.

Ночь приходит. Всем известно,
Ночь Иванова колдует.
Звездный папоротник рви.
Миг поет в твоей крови.
Пляшет пламя повсеместно.
Мглу огонь светло целует.
Где костры сильней горят,
Ройся глубже, вспыхнет клад.

ВИНО

Хорошо цветут цветы, украшая сад.
Хорошо, что в нем поспел красный виноград.
Был он красным, темным стал, синий он теперь.
Хорошо, что вход раскрыт — что закрыта дверь.

Чрез раскрытый вход вошел жаждущий намек.
И расцвел, и нежно цвел, между нас цветок.
Виноград вбирал огни. Будет. Суждено.
Счастье. Дверь скорей замкни. Будем пить вино.

ПЧЕЛА

Пчела летит на красные цветы,
Отсюда мед и воск и свечи.
Пчела летит на желтые цветы,
На темносиние. А ты, мечта, а ты,
Какой желаешь с миром встречи?

Пчела звенит и строит улей свой,
Пчела принесена с Венеры.
Свет Солнца в ней с Вечернею Звездой.
Мечта, отяжелей, но пылью цветовой,
Ты свет зажжешь нам, свечи веры.

ХАОС

Mas muss noch Chaos in sich haben, um einen tanzenden Stern zu geben.

Nietzsche[1]

Пусть Хаос хохочет и пляшет во мне,
Тот хохот пророчит звезду в вышине.

---

[1] Надо иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. *Ницше* (*нем.*).

Кто любит стремительность пенной волны,
Тот может увидеть жемчужные сны.

Кто в сердце лелеет восторг и беду,
Тот новую выбросит Миру звезду.
Кто любит разорванность пляшущих вод,
Тот знает, как Хаос красиво поет.

О, звезды морские, кружитесь во мне,
Смешинки, рождайтесь в рассыпчатом сне.
Потопим добро грузовых кораблей,
И будем смеяться над страхом людей.

Красивы глаза у тоскующих вдов.
Красиво рождение новых цветов.
И жизни оборванной белую нить
Красиво румяной зарей оттенить.

Пусть волны сменяются новой волной,
Я знаю, что будет черед и за мной.
И в смехе, и в страхе есть очередь мне,
Кружитесь, смешинки, в мерцающем сне.

СКРИПКА

Скрипку слушал я вчера.
О, как звонко трепетала,
Человечески рыдала
Эта тонкая игра.

В нарастающем ручье,
Убедительном, разливном,
Так мучительно-призывном,
Дух подобен был змее.

Бриллиантовой змеей
Развернул свои он звенья,
Вовлекал в свои мученья,
И владел моей душой.

И пока он пел и пел,
Увидал я, лунно-сонный,

Как двойник мой озаренный
Отошел в иной предел.

Был он в море белых роз,
С кем-то белым там встречался,
С ярким звуком оборвался,
И вернулся в брызгах слез.

МЫСЛИ СЕРДЦА

Уж я золото хороню, хороню.
Песня игорная

Золото лучистое я в сказку хороню,
Серебро сквозистое приобщаю к дню.

Золото досталось мне от Солнца, с вышины,
Серебро — от матовой молодой Луны.

Песнь моя — разливная, цветут кругом луга,
Сказку-песнь убрал я всю в скатны жемчуга.

Жемчуг тот — из частых звезд, звезд и слез людских,
Мысли сердца — берега, сердце — звонкий стих.

ВЗВОДЕНЬ

Взводень, бурное волненье,
Беломорский ветер встал,
Волны взвел, затеял пенье,
Загудел, зарокотал.

И волну на море Белом
В вал косматый превратил,
В торжестве освирепелом
Взводит стаю водных сил.

Строит город многостенный,
В каждой капле быстрый глаз,
Взводень стал — и с шумом, пенный,
Своды рушил, веселясь.

ХМЕЛЬ

Я решил своим весельем
Разрушать чужую грусть.
Вы, объятые похмельем,
Я вас знаю наизусть.

Ваши деды были пьяны
Властным хмелем смелых грез,
Знали сказочные страны,
Счастье им не раз зажглось.

Счастье им всегда светило,
Не гнала их мысли мгла,
Оттого, что в сердце сила
Не подавлена была.

Вы же, в хмеле видя зелье,
Видя в грезах только яд,
Скучным обликом похмелья
Заслонили вешний сад.

Сад смеялся вам цветами,
Здесь мы каждый миг в саду,
Но кошмар владеет вами,
В утомительном бреду.

Вы замкнули сердце в клетке,
И дивитесь — нет цветов,
Лист сухой на мертвой ветке —
Символ пасмурных умов.

Мне-то что! Я хмель веселый.
Мне-то что! Я вьюсь и вьюсь.

Вкруг меня мелькают пчелы,
С каждой соком я делюсь.

Зыбко светят крылья-краски
Мотыльков и пестрых мух,
Нежный ветер шепчет сказки,
Песней ласки входит в слух.

Эй вы, хмурые, идите,
Уж я вас развеселю,
Хмель прядет цветные нити,
Всех пьяню я, все люблю.

ЦАРЬ — ЦАРЮ

Царь царю послал подарок,
И сказал через посла:
Край твой дальний пышно-жарок,
Мощь твоя светла.

Я же — Северного края
Бранно-льдяный властелин.
Буду — данник, только зная
Свет снегов и льдин.

Дар его был мех богатый,
Белый царский горностай,
Три копья, и шлем крылатый,
Брату, в Южный край.

Счастлив был властитель Южный
Слышать слово, видеть дар,
В ожерелье, в круг жемчужный
Вделал символ чар.

Круговой излом рубина
Вделал в жемчуг круговой: —

Два нас, в мире, властелина,
Двое мы с тобой.

Отослал он, благодарный,
Ожерелье в царство льдов,
В дивный край луны полярной,
Царственных снегов.

И свершилося с царями
Чарованье сил иных.
Южный край покрылся льдами,
Говор в нем затих.

Словно копья — льдов изломы,
Южный край воздушно-нем.
Стынут царские хоромы,
Светит царский шлем.

Между тем, как камень красный,
Встал на Севере закат,
Весь — живой, цветочно-страстный,
Встал, как пышный сад.

И под облаком жемчужным
Стынет там другой один,
Дух полярный с сердцем Южным,
Царь светящих льдин.

СТИХ ВЕНЧАЛЬНЫЙ

Я с мечтою обручился и венчальный стих пою,
Звезды ясные, сойдите в чашу брачную мою.

Сладко грезе светлой спится далеко от тьмы земной,
Там, где звездный куст огнится многоцветной пеленой.

Куст восходит, возростает, обнимает все миры,
Слышны песни от равнины, слышны громы от горы.

Жар-цветы и цвет-узоры смотрят вниз с ветвей куста,
Светом помыслы одеты, в звездных ризах Красота.

Бриллиантовою пылью осыпается жар-цвет,
Манит душу к изобилью сказка огненных примет.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющ, змеись по Бытию,
Звезды ясные, сойдите в чашу брачную мою.

ЦВЕТНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ

Мы недаром повстречались в грозовую ночь,
И дождались, чтобы сумрак удалился прочь.
Мы сумеем, как сумели, быть всегда вдвоем,
И в разлуке будем вместе в ярком сне своем.

Мы сплетем, один к другому, серебристый мост,
Мы от Запада к Востоку бросим брызги звезд.
Мы над Морем, полным темных вражеских чудес,
Перебросим семицветно радугу Небес.

Мы расцветшими цветами поглядим в лазурь,
И лазурь дохнет ответно дуновеньем бурь.
Мы красиво уберемся в бриллианты гроз,
Хороши цветные камня в темноте волос.

БЛЕСТЯЩИЕ МУХИ

Сколько блестящих мух
В нашем зеленом саду!
Радость — Весна. Я счастливый иду.
Повсюду медвяно-жасминный дух.

Лучше что есть ли, чем цвет?
Есть ли что лучше, чем травы?
Травы — в цвету! Знаю, бесы лукавы,
Но, при лукавстве, в Аду — этого счастия нет.

МОЙ ДОМ

Я себе построил дом посреди дубравы.
Посадил вокруг него шелковые травы.
И серебряным его окружил я тыном.
И живу теперь я в нем полным властелином.

В этом доме — терема, не один, четыре.
В этом доме свет и тьма радостней, чем в мире.
Светит солнце с потолка, за день не сгорает.
Месяц с звездами в ночах серебром играет.

И когда я из окна брошу взор к пустыням,
В небе светится Луна, Солнце в море синем.
Светят миру, но порой траур ткут им тучи.
А в моем дому они без конца горючи.

И ворота у меня без замков железных.
Но закрыты как врата областей надзвездных
Лето, Осень, и Зима, с нежною Весною.
Говорят душе: «Люби. Хорошо со мною».

Лето, Осень, и Зима смотрятся в оконца.
Без конца поет Весна, что хмельное Солнце.
Нежно, шелково шуршат шепчущие травы.
Хорошо построить дом в тишине дубравы.

ТРАВА-ХВАЛИХА

Трава-Хвалиха взрощена пустыней,
Четыре цвета есть на ней,
Багряно-красный цвет, зеленый, черный, синий,
Четыре пламени огней.

Сорви ее, как будешь чист душою,
Четверократно ты поймешь,
Что можно, как своей, жить радостью чужою,
И правду расцветить, как ложь.

Хвалить восторг, и восхвалить усталость,
За ярким раем жаркий ад,
Понять, что в бархат тьмы красиво входит алость,
Что Небо и Земля — горят.

СЕМИЦВЕТНЫЙ МОСТ

Расцвела на дальнем небе Радуга-цветок.
Семицветный мост оперся о земной поток.

Красный, желтый, и зеленый, разные цвета.
Фиолетовый, и синий, углится мечта.

Только углится не мраком, золотым огнем.
Каждой краске повелела быть в неделе днем.

Мак и розы в понедельник, а во вторник лен.
В среду лютик, все неделю разноцветный сон.

В воскресенье полноцветность всех семи цветов,
Чтобы пояс для недели был сполна готов.

Чтоб одна к другой неделя яркая пошла,
Чтобы, с месяцем венчаясь, вся была светла.

Чтобы месяцы, женившись на неделях тех,
Самоцветными камнями рассыпали смех.

Чтоб, собравшись как двенадцать, спел их хоровод:
«Полночь Года! С Новым Счастьем! Новый Год идет!»

БЕЛАЯ ПАННА

Белая панна гуляла по Небу, сеяла там маргаритки,
Светлые тучки кругом завивались в длинные белые свитки.

Белая панна протяжным напевом вызвала гроздья сирени,
Белой сирени вкруг белых балконов, в замке, где белы
ступени.

Вишенье млело, цветы осыпались, новые нежно блестели,
Белые сосны высоко вздымались, белые пышные ели.

Заячьим пухом убрались дорожки сада и частого бора,
Заячьи уши мелькали меж веток, в матовых сцепках узора.

Лебеди стаей сбирались, кружились, белым сияньем светили,
С Белою панной играли, резвились, лили ей отсветы крылий.

Белая панна взяла одуванчик, все разлетелись пушинки,
Дети земные окутались в иней, звездно плясали снежинки.

СОЛНЦЕ

Солнце — всемирное пламя,
Окно небесных пиров,
Круговое желтое знамя,
Над битвой и пляской миров.

Солнце — яркая чаша,
Зеркало дружных светил,
Радость и молодость наша,
Зелень стеблей из могил.

Солнце — кружащийся гений,
Учащий ликом своим,
Пьяность зверей и растений.
Рдяность и пьяность сквозь дым.

С ВЫСОКОЙ БАШНИ

С высокой башни
На мир гляжу я.

С железной башни
За ним слежу я.
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Кругом бушуя.

Что миг текущий,
Что день вчерашний,
Что вихрь бегущий,
Как зверь, над пашней.
Бегущий мимо,
Неуловимо,
Как гроздья дыма,
Вкруг стройной башни.

На мир всегдашний,
Светло гляжу я.
С высокой башни
За ним слежу я.
И злится Ветер,
Кружится Ветер,
И мчится Ветер,
Кругом бушуя.

В ЯРКИХ БРЫЗГАХ

То, в чем страх для вас,
Вечно-близко мне.
Я — Змеиный глаз,
Я горю в Огне.

Я — Перистый змей,
Изумрудный сон,
Я — Волшебный Фей,
Мне мой смех — закон.

Захочу чего, —
Вот оно уж тут,

Вот я мчу его,
        На крылах минут.

На огне минут,
        В брызгах ярких слов,
Хорошо цветут
        Опьяненья снов.

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ

Podczas Zielonych Swiatek...
Przybyszewsky

Уйдемте под тень, —
О, панны! О, панны! — и будем играть в поцелуйные прятки.
У Поляков Троицын день
Зовется Зеленые Святки.
Уйдемте под свежую тень, поцелуи под тенью так сладки.

О, лес, ты нас тайной одень!
За ветками ветки, прогалины, глуби, лесные загадки.
То, панны, ваш день,
Не белые, нет, изумрудные Святки.
Уйдемте в мгновеньях под вечную тень, поцелуи под тенью так сладки.

ПЕРВОВЕСТ

И Ты помнишь, в нежной ясности,
Равнины, в их безгласности.
И весь сквозистый лес.
Тоскующий, и чующий,
Что вот, теплом чарующий,
Уж близок час чудес.

Все было в ожидании,
И в утреннем мечтании,
И пахло так землей,
Еще вчера оснеженной,
Сегодня же разнеженной
Фиалковой мечтой.

НА ГРАНИ

Блаженно, став на грань предела,
Не жаждать больше ничего.
Ты так красиво опьянела
От приближенья моего.

Сейчас последняя завеса
Совсем растает между нас.
О, как красиво в храме леса,
Неповторяемости час!

СВЕТЛОЕ – ТЕМНОЕ

Светлое платье на темной подкладке
Было надето на ней.
Стал я играть с ней в загадки и в прятки,
Между расцветами дней.

Стал я играть с ней под куполом Ночи,
Звезды слагались в цветы.
Бездна возникла живых средоточий,
Ярких среди черноты.

Сказки слагались, и страшны, и сладки,
С каждой минутой страшней.
Белое платье на темной подкладке
Было так тесно на ней.

ТРИ МОЛОТА

Несет кузнец три молота.
Святочная песня

Кузнец, кузнец, ты скуй мне венец,
Ты скуй мне венец золотой,
Чтоб жизнь мне светила по самый конец,
И была бы всегда молодой.

Из остатков, кузнец, скуй мне перстень злат,
Скуй мне перстень злат поскорей,
Чтобы, к счастью пойдя, не пришел я назад,
К пустырям тех изношенных дней.

Из обрезков ты скуй золотую иглу.
Золотую иглу ты мне скуй,
Чтобы вышил я в ткани мирской, там в углу,
Век горящий, один поцелуй.

ЛАДА

Ко мне пришла
Богиня Лада.
Нежна, светла,
Она была,
Как предрассветная прохлада.

Я целовал,
Твердя: «О, Лада!»
Я ей давал
Любви фиал,
Она шепнула мне: «Не надо!»

Но день алел,
Как розы сада.
И стал я смел,

Любил, горел,
И стала розовою Лада.

И понял я,
Что есть услада.
«Моя! Моя!»
«— О, ты змея!»
Шепнула мне, слабея, Лада.

ПРАЗДНИК ВЕРБЫ

Уже распались куколки,
Их бабочки прожгли.
Пушистые распуколки
На вербах зацвели.

Пред Вербным воскресением,
Всех тех, кто молодой,
С усмешками, и с пением,
Обрызгали водой.

Водою обливали их:
Пусть свежей будет грудь.
И вербой ударяли их:
Как верба нежным будь.

Втыкали вербу малую
За образа, в углах,
Чтоб силой смертно-алою
Не встал пожар в домах.

Свети вам, радость здешняя,
Цветы, земля, вода.
Цвети нам, верба вешняя,
Цвети с Весной всегда.

ЛЮБ-ТРАВА

> На что ж тебе люб-Трава?
> — Чтобы девушки любили.
>
> *Народная песня*

На опушке, вдоль межи,
Ты, душа, поворожи.
Лес и поле осмотри,
Три цветка скорей бери.

Завязавши три узла,
Вижу я: Заря — светла.
И срываю я цветок,
Первый, синий василек.

И тая в душе завет,
Я срываю маков цвет.
И твердя любви слова.
Вижу третий: люб-трава.

Вижу, вижу, и зову: —
Сердце, рви же люб-траву.
Но душа едва жива:
Опьяняла люб-трава.

Все цветы я рвал, спеша,
И смела была душа.
Только тут минуту длю: —
Слишком люб-траву люблю.

Как сорвал я василек,
Было просто невдомек.
И не спрашивал я, нет,
Как сорвать мне маков цвет.

А уж эту люб-траву
Как же, как же я сорву?

Сердце, знак! Отдай скорей
Люб-траву — любви моей!

ВОЗДУШНОСТЬ

Воздушность. Несколько цветков,
Знакомых, полевых,
Из тайных, в сердце, родников
На волю манят стих.

Цветок склоняется к цветку,
И стебель к травке льнет.
— Куда тебя я завлеку? —
Цветок цветку поет.

О, сердце, только ты поймешь
Безмолвный разговор.
Куда меня ты увлечешь?
В неволю? На простор?

ЛЕТНИЙ СНЕГ

Послала меня, послала любезная свекровь,
За зимнею весной, за летним снегом.

Литовская песня

Послал меня, отправил причудник-чародей,
Он задал мне задачу, чтоб мне погибнуть с ней.

— Ступай, сказал волшебник, за зимнею весной,
Еще за летним снегом — не то беда со мной. —

Смущенная, пошла я, куда глаза глядят,
И, чу, запели птицы, и травы шелестят.

— Иди на берег Моря, иди в зеленый лес.
Они научат душу наукою чудес.

В лесу увидишь в вешнем зеленую сосну,
На летнем Море вещем вспененную волну.

Сломивши ветку хвои, ты зачерпни рукой
Пригоршню снежной пены, снежистости морской. —

Как птицы мне пропели, как молвили цветы,
Я сделала, вернулась. Ну, где, волшебник, ты?

Ты девушку встревожил, но побежден ты мной.
Я — здесь, я — с летним снегом и с зимнею весной.

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная Горка. Парни и девицы
Друг друга обливают водою ключевой.
Липки березки. Хмельные в небе птицы.
Звон разливается влагою живой.

Красная Горка радостей Пасхальных,
Брызги веселья и влажностей живых,
Светлые встречи взглядов обручальных,
С Неба на Землю — в лучах идущий стих.

Красная Горка, таинство мгновений,
Праздник причастья Солнца и Воды,
Розовым цветом утро обновлений
Празднует силу смарагдовой Звезды.

ЖЕМЧУЖИНЕ

Жемчужное виденье,
Избранница мечты,
Ты примешь песнопенье,
Возьмешь мои цветы?

В них нет гвоздик тревожных,
В них нет пьянящих роз,

Молний невозможных,
В словах укрытых слез.

Тебе лишь тонкий свиток,
Тебе, моей красе,
Весенних маргариток,
И ландышей в росе.

В них тоже опьяненье,
И в них влюбленность есть.
Жемчужное виденье,
Путей любви не счесть.

Но, если сон твой станут
Пьянить мои цветы,
Их вздохи не обманут. —
Скажи, ведь веришь ты?

ЦАРЕВНА-НЕДОТРОГА

Царевна-Недотрога,
Скажите, ради Бога,
        Чем так я вам не люб?
Зачем себя гневите,
Зачем вы так кривите
        Кораллы нежных губ?

Царевна-Недотрога,
Трудна была дорога,
        Я все ж ее прошел.
И куст был весь тернистый,
Когда с зарею мглистой
        Шиповник ваш расцвел.

Царевна-Недотрога,
У Змея у Зловрога
        Весьма был лютый взгляд.
Я все же изловчился,

С победой воротился,
        С цветком пришел назад.

Царевна-Недотрога,
Скажите ж, ради Бога,
        Когда я буду люб?
Иль вновь — шиповник острый,
Вновь — Змей, и злой, и пестрый,
        Перед кораллом губ?

РОСА

Загадка

Заря-заряница,
Красная девица,
К церкви ходила,
Ключи обронила,
Месяц увидел,
Солнце скрало.

Заря-заряница,
Красная девица,
К людям ходила,
Алмаз уронила,
Ум засмеялся,
Сердце рыдало.

Заря-заряница,
Красная девица,
Ум разлюбила,
Сердце озарила,
Сердце и светится,
Бьется так ало.

ОН МНЕ СНИЛСЯ

Он мне снился призраком долгие года,
Я ждала избранника, я ждала всегда,

Я не видя помнила, верила в него,
Не могла не слушаться сердца моего.

Светлая, холодная, думала всегда,
Как о Солнце думает подо льдом вода.
Он смутил мне девичьи тающие сны,
Он дышал мне воздухом лета и весны.

И пришел неведомый, близко стал ко мне,
Я была как облачко в солнечном огне.
Он взглянул так пристально, он вздохнул едва,
Говорил мне ласково стыдные слова.

Я не видя помнила, светлого, его,
И душа не вспомнила больше ничего.
Чем при нем исполнилась вся душа моя,
Что он сделал с девушкой — ах, не знаю я!

РОЗА-ШИПОВНИК

Загадка

Цветы ангельские,
Когти дьявольские,
Уж не древо ли райское ты?
Древле данное нам,
И отобранное,
Чтоб нам жаждать всегда Красоты?

Верно, это и есть
Изъясненье того,
Что все женщины любят тебя?
Цветы ангельские,
Когти дьявольские
Тянут к нам, нас любя, нас любя!

ЮНОЙ КУБАНКЕ

Когда я близ тебя, мне чудится Египет,
Вот ночи Африки звездятся в вышине.

Так предвещательно и так тревожно мне,
Фиал любви еще не выпит.

Еще касался я так мало черных глаз,
И ночь твоих волос я разметать не смею.
Я дам тебе века, царица, будь моею,
Смотри, Вселенная — для нас!

ТЫ ДАЛЕКО

Ты далеко, но говоришь со мной,
В чужих краях, но мы с тобою близки.
Так не сумеет, в час ночной,
Араб быть близким к одалиске.

Цветочный сон! Кто там идет, спеша?
Какая мысль меня сейчас волнует!
Твоя освобожденная душа
Меня целует.

МУХА

Загадка

Легко порхает,
Сама не знает,
Куда летит, зачем живет.
Звенит для слуха,
Всегда старуха,
Всегда ей первый для жизни год.

Легко порхает,
Жужжит, не знает,
Что так внимал ей — Фараон.
И будет виться,
И так кружиться
На тризне крайней — всех, всех времен.

СОЛНЕЧНИК

Июнь, Июль, и Август — три месяца мои,
Я в пьянственности Солнца, среди родной семьи.

Среди стеблей, деревьев, колосьев, и цветов,
В незнания полнейшем, что есть возможность льдов.

В прозрачности Апреля, влюбленный в ласки Лель,
Для песни сладкогласной измыслил я свирель.

Я с Ладой забавлялся во весь цветистый Май,
К Июньским изумрудам ушел — я спел: «Прощай».

И Лада затерялась, но долго меж ветвей
Кукушка куковала о нежности моей.

Но жалобы — в возвратность вернут ли беглеца?
И жаворонки Солнца звенели без конца.

Заслушавшись их песен, Июнь я промечтал,
Очнулся лишь, заметив какой-то цветик ал.

Гляжу — ну, да, гвоздики Июльские цветут,
Багряностью покрылся Июньский изумруд.

И меж колосьев желтых зарделись огоньки,
То пламенные маки, и с ними васильки.

Тепло так было, жарко, высок был небосвод.
Ну, кто это сказал мне, что есть на свете лед?

Не может быть, безумно, о, цветики, зачем?
В цветеньи и влюбленьи так лучезарно всем.

Цветет Земля и Небо, поет Любовь, горя,
И я с своей свирелью дождался Сентября.

Он золотом венчает, качает он листы,
Качая, расцвечает, баюкает мечты.

И спать мне захотелось, альков мой — небосклон,
Я тихо погружаюсь в свой золотистый сон.

Как девушки снимают пред сном цветистость бус,
Я цветиков касаюсь: «Я снова к вам вернусь».

Июнь, Июль, и Август, я в сладком забытьи.
Прощайте — до Апреля — любимые мои.

ИСКРА

Искры малой, но горящей
Ты не угашай: —
Может, вспыхнет свет блестящий,
Разгорится целый Рай.

Весь ведь Мир наш создан, звездный,
Просто так, из Ничего.
Так смотри, не будь морозной,
Свет хорош, люби его.

КУПАЛЬНИЦЫ

Кто был Иван Купала,
Я многих вопрошала,
Но люди знают мало,
И как тому помочь.
Кто был он, мне безвестно,
Но жил он здесь телесно,
И если сердцу тесно,
Иди на волю, в ночь.

О, в полночь на Ивана
Купалу сердце пьяно,
Душе тут нет изъяна,
А прибыль красоты.
Живым в ту ночь не спится,
И клад им золотится,

И папорот звездится,
Горят, змеясь, цветы.

Мы девушки с глазами,
Горящими как в храме,
Мы с жадными губами,
С волнистостью волос.
Дома покинув наши,
В лесу мы вдвое краше,
Цветы раскрыли чаши,
И сердце в нас зажглось.

По чаще мы блуждали,
Как дети, без печали,
Мы травы собирали,
И был душист их рой.
В стихийном очищеньи,
И в огненном крещеньи,
Пропели мы в смущеньи
Напев заветный свой.

Ту песнь с напевом пьяным
Припоминать нельзя нам,
Да будет скрыт туманом
Тот свет, что светит раз.
Но мы, как травы, знаем,
Чем ум мы опьяняем,
И каждый бредит раем
При виде наших глаз.

ХВАЛИТЕ

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжные нити,
Крути златоцветность — и вновь,
От сердца до сердца, до Моря, до Солнца, от Солнца до мглы
отдаленнейших звезд,

Сплетенья влияний, воздушные струны, протяжность
хоралов, ритмический мост,
Из точки — планеты, из искры — пожары,
Цветы и расцветы, ответные чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встречаясь,
И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свечась, расцвечаясь, поющая кровь
Всемирно проводит путистые нити,
Хвалите же Вечность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ

ПРЕЛОМЛЕНЬЕ ДНЯ

Во мне стихи поют — на преломленьи дня,
Когда блестящий Шар начнет к морям спускаться.
Тогда стихи звучат, преследуют меня,
Как пчелы летние, жужжат, звенят, роятся.

О, полнопевный рой! Сюда ко мне, сюда!
Готово место вам, гирлянды строк крылатых.
Уже зенит пройден, светлей в морях вода,
Уже надмирный Диск скользит в воздушных скатах.

Вот новый улей вам, любовники цветов,
Устройте соты здесь всем множеством бессонным.
Чтоб в зимних сумерках, под дикий свист ветров,
Я усладиться мог тем медом благовонным.

ТЕРЕМ МИРА

Каждый цветок есть цветистая планета,
Каждое растенье — зеленая звезда,
В горницах зимних Весны нянчат Лето,
Горы — неземные, хоть земные — города.
Тучи — узоры водных размышлений,
Облачко — греза лунного луча,
Терем нам дивный дал Вселенский Гений,
Только от двери не дал нам ключа.

РОДНОЕ

Аллеи рек. Зеркальности озер.
Хрустальный ключ. Безгласные затоны.
Живая сказка, страшный темный бор.
Его вершин немолкнущие звоны.

Воздушность ив. Цветы родных полей.
Апрельский сон с его улыбкой Маю.
Я целый мир прошел в мельканьи дней,
Но лучше вас я ничего не знаю.

БЫЛО – БУДЕТ

1

У Осени в саду, по золотым аллеям,
Мечтая, я бродил, в сияньи Сентября.
Я видел призраки, подобные камеям,
На них светила мне вечерняя заря.

Они мне нравились, их четкий профиль, взоры,
Гармония всех черт, спокойствие мечты.
И к ним так стройно шли все краски, все узоры,
В воздушность кружева сплетенные листы.

Но счастья не было. Была одна умильность.
Красиво, но на всем бесстрастия печать.
У Осени в саду — зеркальная могильность.
И стали шопоты мне душу вопрошать.

«Когда ты счастлив был?» шепнул мне лист, спадая.
«Когда ты счастлив был?» спросила Тишина.
«Иди за мной! За мной!» шепнула, улетая,
Виденьем бывшая и в Осени, Весна.

«Я счастлив был, когда ты был слегка зеленым».
Промолвил я листу. И молвил Тишине: —
«Я счастлив был, когда скользил по светлым склонам
Моих безумств. Прощай!» И я ушел к Весне.

2

«Был ли счастлив ты когда?»
Забурлив, заговорила
Мне разливная вода.
«Был ли счастлив ты когда?»
«Было, было, было, было».

Прожурчали мне ручьи: —
«Жил ли ты когда, ликуя?»
«— Посмотри в глаза мои.
Знаю, знаю, в забытьи,
Знаю сладость поцелуя».

Все шепнуло мне смеясь: —
«Будет снова, если было.
Не обманывай лишь нас».
И вскричал я: «В добрый час».
«Было, было, было, было».

ДРАМЫ МИРА

Все драмы мира — на любви,
Или с любовью слиты,
Всех скальдов мира позови,
И скажут: — Песнь живет в крови,
В сердцах, что страстью взрыты. —

И если нежно я пою,
Мой друг, не веруй чуду.
Я просто в строки алость лью,
Мой друг, чужую и свою: —
Я скальд, и скальдом буду.

ГОРОД

Сколько в Городе дверей, — вы подумали об этом?
Сколько окон в высоте по ночам змеится светом!

Сколько зданий есть иных, тяжких, мрачных, непреклонных,
Однодверчатых громад, ослепленно-безоконных.
Склады множества вещей, в жизни будто бы полезных.
Убиение души — ликом стен, преград железных.
Удавление сердец — наклоненными над нами
Натесненьями камней, этажами, этажами.
Семиярусность гробов. Ты проходишь коридором.
Пред враждебностью дверей ты скользишь смущенным вором.
Потому что ты один. Потому что камни дышат.
А задверные сердца каменеют и не слышат.
Повернется в дырке ключ — постучи — увидишь ясно,
Как способно быть лицо безподходно-безучастно.
Ты послушай, как шаги засмеялись в коридоре.
Здесь живые — сапоги, и безжизненность — во взоре.
Замыкайся уж и ты, и дыши дыханьем Дома.
Будет впредь и для тебя тайна комнаты знакома.
Стены летопись ведут, и о петлях повествуют.
Окна — дьяволов глаза. Окна ночи ждут. Колдуют.

У МОРЯ

Мы зависим от дней и ночей,
От вещей, от людей, и погоды.
Мы в разлуке с душою своей,
С ней не видимся долгие годы.
Мы бряцаем металлом цепей,
Мы заходим под темные своды.
Мы из целой Природы, из всей,
Взяли рабство, не взявши свободы.

Но приди лишь на влажный песок,
Освеженный морскими волнами.
Посмотри, как простор здесь широк,
Как бездонно здесь Небо над нами.
Лишь услышь, чуть подслушай намек,
Набаюканный сердцу морями, —
Ты как дух, ты окончил свой срок,
Ты как дух над безбрежными снами.

В многопевности сказок морских,
В бестелесности призрачной Влаги,
Где испод изначальностей тих,
Ни для чьей не доступен отваги, —
В отрешеньи от шумов людских,
Как мы смелы здесь, вольны, и наги.
Ты здесь первый несозданный стих,
Из еще нерассказанной саги.

МОРСКОЕ

Глыбы отдельные скал, округленные ласкою волн.
Влажность, на миг, голышей от волны, каждый миг
набегающей.
Утлый, забытый, разбитый, но все не распавшийся челн.
Белые чайки на гребне, над зыбью, тех чаек качающей.

Светлые дали воды, уводящие в сказочность взор.
Волны, идущие к нам, но как будто бы нас уносящие.
Шелесты, шорох песков, кругозорный, безмерный простор.
Зовы, узывы, напевы, пьянящие, странно манящие.

ПТИЦЫ

Я сейчас летаю низко над землей,
Дух забот вседневных виснет надо мной.

Можно ль быть свободным огненным орлом,
Если ты притянут этим тусклым днем?

Можно ль альбатросом ведать ширь морей,
Если ты окован тесностью своей?

Можно, о, возможно кондором летать,
Если отрешенно будешь ты мечтать.

Можно, быть возможно птицею Стратим,
Раз ты в высших числах, с Солнцем, только с ним.

ПУТЬ

Какой же путь, какой же путь
Еще найти ты сможешь?
Быть может, есть он где-нибудь?
И как сумеешь ты вздохнуть,
И как себе поможешь?

В конце концов — лишь путь цветка,
Лишь путь ребенка, птицы,
Меж трав полночных — светляка,
Свирельных струй издалека,
Узорчатой зарницы.

СЧАСТЛИВ...

I ten szczęsliwy, kto padł wśród zawodu...
Ad. Mickiewicz[1]

Счастлив, кто в бег упал,
В беге до цели.
Так белою пеной увенчанный вал
Рассыпается в радостном хмеле.
Счастлив, кто счастье узнал устремления к цели.

Вал разбежался, хмельной,
Кружевом белым.
Прекрасен, кто к жизни рожден глубиной,
И к безвестным стремится пределам.
Счастлив, кто счастье узнал быть в стремлении смелом.

МОРСКИЕ РОЗЫ

Морские розы — розы белые,
Они цветут во время бурь,
Когда валы освирепелые
Морскую мучают лазурь.

---

[1] Блажен и тот на дороге ранней... *А. Мацкевич* (*польск.*).

И бьют ее, взметают с грохотом,
И возмущают ревом гроз,
И возрощают с мертвым хохотом
Мгновенность пышных белых роз.

ПТИЦА МЕСТИ

Если ты врага имеешь,
Раз захочешь, так убей,
Если можешь, если смеешь?
Угоди душе своей.
Но заметь, что в крови красной —
Волхвованье: из нее,
Только брызнет, дух неясный
Воскрылится — птицей — властной
Изменить в тебе — твое.

Эта птица, вкруг могилы
Умерщвленного врага,
Будет виться, станешь хилый,
Жизнь не будет дорога.
Труп сокроют, труп схоронят,
Птица будет петь и петь,
Крик ее в тебе застонет,
Ты пойдешь, она нагонит,
Месть заставит — умереть.

ЛИТОВСКАЯ ПЕСНЯ

Пой, сестра, ну, пой, сестрица.
Почему ж ты не поешь?
Раньше ты была как птица.
— То, что было, не тревожь.

Как мне петь? Как быть веселой&
В малом садике беда,
С корнем вырван куст тяжелый,
Роз не будет никогда. —

То не ветер ли повеял?
Не Перкун ли прогремел? —
— Ветер? Нет, он легким реял.
Бог Перкун? Он добр, хоть смел.

Это люди, люди с Моря
Растоптали садик мой.
Мир девический позоря,
Меж цветов прошли чумой.

Разорили, исказнили
Алый цвет и белый цвет.
Было много роз и лилий,
Много было, больше нет.

Я сама, как ночь с ночами,
С вечным трепетом души,
Еле скрылась под ветвями
Ивы, плачущей в тиши.

ЗАРЯ

Королева Каралуни,
Над полянами Литвы,
Плачет в месяце Июне,
Плачет с ней листок травы.

А в пределах Норги Фрея
Плачет, глянув на утес,
И болотная лилея
След хранит златистых слез.

И по всем-то странам разно
Плачет нежная Заря,
То жемчужно, то алмазно,
То в сияньях янтаря.

То на быстром Светлогривом,
Приносящем день, коне,

Пролетит она по нивам,
И дрожит слеза в огне.

А порою эта грива
Вся от инея бела,
Поглядишь — и как красиво,
Вон, роса везде легла.

Отчего же это плачет
При начале дня Заря?
Конь ее зачем так скачет?
Это все ужели зря?

Я не знаю. Полагаю,
Тут ничем нельзя помочь.
Ибо Ад привержен к Раю,
И за Днем приходит Ночь.

ЖАЛОБА К ЦВЕТКУ

Цветок, цветок, ты весь — глазок,
Ты весь — красивый глаз.
А мы глядим и вечно спим,
И видит ли кто нас?

Цветок, цветок, ты весь — есть слух,
Ты весь — любовь, уста,
Ты — нежность губ, ты — мысль, ты — дух.
А нам — лишь темнота?

Цветок в росе, ты — нежный глаз,
Твою росу мы пьем.
А наших глаз немой алмаз
Сберет ли кто потом?

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Кто влюблен, тот очарован,
Зачарован, опьянен,

Он не девой заколдован,
Нет, не той, в кого влюблен.
Он пленен не той желанной,
Чьим губам пьянить дано,
Не доступной, не обманной
Сердце с сердцем сплетено.

Мы приходим, мы уходим,
Говорим, и молча ждем,
Мы на Землю Небо сводим,
Мы идем своим путем.
Мы крылатым вьемся змеем,
Мы ползем в пыли змеей,
Но в своем мы не умеем
Сон лелеять вправду свой.

Мы зрачки пьяним зрачками,
Всей душой в глаза глядим,
Но не нами, о, не нами
Создан звездный Серафим.
Серафим? Быть может, Дьявол?
Кто-то есть в нас, в нашем Мы.
Бывший в Море — в Бездне плавал,
Но не смерил этим Тьмы.

ВЕРОЛОМНЫЙ

То, что я отшвырнул с облегчением,
Ты бы принял с великим желанием.
Но, когда засмеялся я пением,
Разразился ты диким рыданием.

А она? Тем рыданьем напугана?
Этой силой страдания темного?
Или тем, что беспечным поругана,
Что любила она вероломного?

Вероломны лишь те, что с красивыми
Смеют — цепкою мглой быть объятыми.

Я как ветер промчался над нивами,
Вам — быть смятыми ветром, и сжатыми.

ИЗМЕНА БЕЗ ИЗМЕННИКА

О, нет, я не изменник,
Красивые мои.
Я был вам верный пленник,
Я ваш был, в забытьи.

Но, ежели с царицей
Я был и царь и раб,
Лечу я вольной птицей
Из царства скользких жаб.

Я был бы вечный пленник,
Всегда б склонялся ниц,
Но медлит лишь изменник
Средь измененных лиц.

Но медлит лишь бессильный
В окованности дней,
Где путь простерся пыльный,
Где больше нет стеблей.

Я никогда не ленник
Нецарственных цариц.
И нет, я не изменник,
Я птица между птиц.

ТЕРЕМНЫЙ УМ

Тесный женский ум живет вечно в терему,
Как ему не скучно там, право, не пойму.

Я привольная волна, весь свой день бежал,
А коль берег наступил, умер пенный вал.

Тесный женский ум, проснись, есть восторг ума,
При котором хороши даже терема.

Ты, проснувшись, в яви спи, встанет вал светло,
Заблестит в твоем окне, как огонь, стекло.

Тесный женский ум, люби, есть восторг ума,
При котором хороши даже терема.

ОХОТНИК

Я охотник, я стрелок,
Я в пути, и путь далек.
Долго я в лесу плутал.
Полон мой ягдташ. Устал.

Отдохни, мое ружье.
Птица там? Оставь ее.
Звери там? Не тронь их рой.
Пусть живут. Иди домой.

Ты болото миновал.
Выпей в честь трясин бокал.
И в трясинах есть краса,
Травы, жизни, голоса.

Не запутал ты души
В чаще, в стонущей глуши.
Там нашел — чего искал.
Выпей в честь глуши бокал.

Дев лесных заслыша зов.
Не свалился в скользкий ров.
Похвала бесовским рвам,
Зорок глаз мой, слава вам.

Я натешился вполне.
Путь далек, но видно мне.
Верен был курок ружья.
Лес, прощай. Есть дом — и я.

ДВОЙСТВЕННЫЙ ЧАС

В вечерней ясности молчанья
Какое тайное влиянье
Влечет мой дух в иной предел?
То час прощанья и свиданья.
То ангел звуков пролетел.

Весь гул оконченного пира
Отобразила арфа-лира
Преображенных облаков.
В душе существ, и в безднах Мира,
Качнулись сонмы тайных слов.

И свет со тьмой, и тьма со светом
Слились, как слита осень с летом,
Как слита с воздухом вода.
И в высоте, немым приветом.
Зажглась Вечерняя Звезда.

ТРИ КОНЯ

На трех конях Властитель Солнца
Свершает выезд в Иванов день.
И конь один красней червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третий конь весь белый, белый,
Как будто вылит из серебра.
Властитель Солнца, светлый, смелый,
Свершает выезд. — «В путь. Пора».

Но чуть доедет до зенита,
Конь златокрасный горит — и пал.
Властитель Дня хлестнет сердито
Тех двух — и дальше поскакал.

И конь-игрень он тоже красный,
Но с белой гривой, о, с белой он.

Он мчит, бежит, играет, страстный,
И пал, и пал на небосклон.

У бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь белый остался конь.
На склонах яркого заката
Горит пурпуровый огонь.

И виден в тучах белоснежных
Конь смертно-бледный из серебра.
Властитель Солнца, в снах безбрежных,
Свершает путь. — «Домой. Пора».

ОЖЕРЕЛЬЕ

СТЕБЕЛЬ ПРИДОРОЖНЫЙ

Тонкий колос нив не наших,
Стебель придорожный, —
Словно пил в нездешних чашах,
Чар Египетских отведал, здесь тебя взрfстивший, гений,
Бестревожный, —
Так утонченно-спокойный, между дремлющих растений,
Истонченный, нежно-стройный, вознесенный в мир видений,
Ты стоишь, в воздушной грезе, на краю большой дороги,
Как созданье сновидений,
Как Египетские боги.

ЧЕРВОННЫЕ СВЯТКИ

Святая Неделя, Червонные Святки,
Тут Солнце — в веселии нашем сполна,
Дарит нам сиянье свое без оглядки,
А Ночи вещает, мол, ты не нужна.

Во все продолженье Пасхальной седмицы,
Как Солнце взошло, так не хочет зайти,
И долго поют нам полдневные птицы,
И долго хотят нам все травы цвести.

ЗОЛОТАЯ ПАРЧА

Золота парча развивается.
Святочная песня

Золотая парча развивается,
Кто-то в путь в дорогу сбирается.
Это мать ли моя, или милая?
Иль чужая старуха унылая?

Золотая парча развивается,
Путь-дорога в леса означается.
То не милая, нет, не старуха, не мать,
Не хотят они в мире, не могут гулять.

Золотая парча развивается,
Заколдованный замок вздымается.
Это мысли мои, это вольность мечты,
Ей доступны пути Красоты.

БОЖЬЯ

Спросил я весеннюю божью коровку:
Зачем одеваешься в красную кровку?
Наряд у сестренки твоей — золотой.
Но малая божья рубинка молчала,
И двигала крылья, и их расцвечала,
Раскрыла — и прочь от вопросов, домой.

ЗЕЛЕНЫЙ, КРАСНЫЙ, ЧЕРНЫЙ

Зеленый, красный, черный цвет
Литовцы разно чтили.
В зеленом видели расцвет,
Блаженство изобилий.

В гореньи красного — войну,
А в черном — ведьму злую.

Что сонмы душ ведет ко сну
Чрез язву моровую.

Я весь весна — ведь я поэт,
И я война — я ранен,
Но в трех цветах лишь черный цвет,
Мне черный цвет желанен.

ТРИ КАМНЯ

«Я их люблю обеих»,
С тоскою я сказал.
«Я их люблю обеих».
«— Твой ум запутан в змеях»,
Сказал мне Камень Ал.

«Но выбрать не могу я,
Хотя бы я посмел.
Но выбрать не могу я».
«— Тогда умри, тоскуя»,
Сказал мне Камень Бел.

«Нет, мир мне — в двух врагинях.
Два мира в них святынь,
Весь мир мне в двух врагинях».
«— Тогда живи в пустынях»,
Сказал мне Камень Синь.

МОЛИТВА К ЛУНЕ

О, Луна, ты, взошедшая желтой и дымной над нами,
Посребрившая после свой вечно-колдующий круг,
Ты рождаешь те звоны, которые слышим глазами.
Будь мне друг.

Я из верных твоих, из влюбленных, в любви бледнолицых,
Я подругу свою потерял за чертою пустынь,

Где-то там, где-то там. Ты ее на туманных границах
Не покинь.

Мы сейчас — под тобой. Мы блуждаем и молимся розно.
Мой звенящий призыв ты в ней чарами света зажги.
Приведи же ее. О, скорее! Покуда не поздно.
Помоги.

ТАЙНА ЖЕМЧУГОВ

Если б ложью было то,
Что Морской есть Царь с Царевной,
В них не верил бы никто,
Не возник бы мир напевный.

Мы, однако же, поем,
Мы о них слагаем сказки.
Отчего? На дне морском
Мы изведали их ласки.

Много разных есть морей,
Но в морях одна Царевна.
Кто хоть раз предстал пред ней,
Речь того навек напевна.

Но красивей всех поет
Тот, кто знал уста Прекрасной.
Только вот который год
Нет нам песни полногласной.

Может, кто-то в глубине
Слишком сильно полюбился?
Мы помолимся Луне,
Чтоб тайфун до бездны взрылся.

Чтоб до наших берегов
Кинул милого от милой.

Чтоб глубинных жемчугов
Нам он бросил с гордой силой.

И рыдали бы в струне,
Ослепительно-напевны
Сон увиденной во сне,
Стоны страсти в глубине,
Крик покинутой Царевны.

НЕ ВЕРНУВШИЙСЯ

«Я вернусь к вам потом. Я вернусь к вам
с Царевной» —
Так молил я своих на своем корабле.
«Отпустите меня». — Но с угрюмостью гневной
Мне твердили они о добре и о зле.

Упадала в мой слух их ворчня однозвучно, —
«Что ж, мы будем здесь слушать морской этот
гул?» —
И мне стало меж ними так скучно, так скучно,
Что я прыг с корабля их, и вот, утонул.

О, счастливый прыжок! Ты навеки избавил
Человека Земли, но с морскою душой.
В тесноте корабля я своих там оставил,
И с тобой я, Морская Царевна, я твой.

День и ночь хороводы нам водят ундины,
Аметисты в глазах у Морского Царя,
Головой он тряхнет, — и иные картины,
Утро нашей Земли, дней последних Заря.

Сказки рыбок морских так безгласно-напевны,
Точно души проходят, дрожа по струнам.
И мечтать на груди у тебя, у Царевны, —
О, товарищи дней, не вернуться мне к вам!

Я вам честно солгал, не зовите изменным,
Но настолько все странно в морской глубине,
Так желанно все здесь, в этом мире безпенном,
Что не нужно объятия братского мне.

Да и вам не понять, верховзорным, оттуда,
Как узывны здесь краски и сны и цветы. —
О, Царевна морей, им ты чуждое чудо,
Мне же там только мир, где глубины и ты.

ЗАКЛЯТЫЕ

«— Царевич, Царевич, ты спишь?»
«— Проснуться нельзя мне, Царевна».
И снова жестокая тишь,
Лишь вьюга проносится гневно.

Безумствует там, за окном,
Пред сказочно-древним чертогом,
Где призраки скованы сном,
Где дверь замерла над порогом.

Семь страшных ночей круговых,
Как семь жерновов онемелых,
Сложились в колдующий стих,
Над миром безгласностей белых.

Решили они задавить
Возможность листков и расцвета.
Прядется и крутится нить,
И может лишь грезится лето.

Зловещие пряхи ворчат,
Их прялки рождают метели.
Молчат, неживые, молчат
Листы в их сковавшей постели.

А в древнем чертоге, вдвоем,
Царевич с Царевной заснули,
И грезят, овеяны сном,
О страстном, о жарком Июле.

Как будто в глубокой воде,
В их мыслях светло и печально.
Цветок наклонился к звезде,
Глубинность ответа зеркальна.

И только порою, порой,
Как будто бы луч улыбнется.
И сонная с сонной душой
В вопросе-ответе сольется.

«— Ты спишь, мой Царевич?» — «Я сплю».
Тень слов возникает напевно.
«— Я сплю, но тебя я люблю».
«— Я жду», отвечает Царевна.

ОПРОКИНУТЫЙ КУБОК

В разгаре веселий,
Что с дымом печалей, —
В снежистости далей,
Где пляшет бурун, —
Средь пышности елей,
Меж призраков сосен,
В предчувствии весен,
В дрожаниях струн,
Не вешних, не здешних,
Не здешних, не вешних,
В мельканиях струн,
Закрутивших бурун, —
Я мглою был скован,
Тоской зачарован,
Я, нежный, и в нежности — злой,
Я, гений свирелей,

Я, утро апрелей,
Был сжат сребро-льдяною мглой, —
Вдруг кто-то раздвинул,
Меж снежных постелей,
Застывшие пологи льдов,
И ты опрокинул
Мой дом из снегов,
И ты опрокинул
Тот кубок метелей,
И струны запели о счастии снов,
И сны засмеялись в расцветах апрелей,
В расцветах, во взорах,
И в звонах, в которых
Весь мир засверкал, так чарующе-нов.

ЗАКЛИНАНИЕ СТИХИЙ

Царь-Огонь, Царевич-Ветер, и Вода-Царица,
Сестры-Звезды, Солнце, Месяц, Девушка-Зарница,
Лес Зеленый, Камень Синий, Цветик Голубой.
Мир Красивый, Мир Созвездный, весь мой дух с тобой.
Жги, Огонь. Вода, обрызгай. Ветер, дунь морозом.
Солнце, Месяц, Звезды, дайте разыграться грозам.
Чтобы Девушка-Зарница, с грезой голубой,
Вспыхнув Молнией, явилась для меня судьбой.

ЗАВЕРШЕННОСТЬ

Ты верила мне как Богу,
Ты меня любила как мир, —
И я на великую вышел дорогу,
И лира моя полнозвучней всех лир!

Я был для тебя наслажденье,
Какого другого нет, —
И песен моих не скудеет рожденье,
И песни мои суть напевы побед!

Я был для тебя страданье,
И ты любила его, —
Я знаю, что в мыслях творцов мирозданья,
Я знаю, что значит быть Всем для всего!

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА

Запорожская дружина дней былых была прекрасна,
В ней товарищи носились за врагами по степям.
Не жалели, не смущались, и одно им было ясно:
Это небо — наше небо, эти степи — служат нам.

И, сменивши клики брани на безумие попойки,
Братским смехом запорожцы озаряли светлый час.
И по степи точно мчались чьи-то бешеные тройки,
Это отзвуки веселья колдовали там для нас.

Колдовали и звенели. Напевали: Время минет.
Замолчат курганы наши. Будем в ветре мы как пыль.
Но в потомках наша память да не меркнет, да не стынет, —
Слышу, деды-запорожцы, мне звенит о вас ковыль.

Запорожская дружина нас, познавших силу света,
Нас, чей гордый лозунг — утро вечно-юного лица,
Да пребудет неизменной, как звенящий стих Поэта,
Да пребудет полновластной, как победный клик Певца.

ЗВУК ИЗ ТАИНСТВ

Цветок есть расцветшее пламя, Человек — говорящий огонь,
Движение мысли есть радость всемирных и вечных погонь.
И взглянем ли мы на созвездья, расслышим ли говоры струй,
Мы знаем, не знать мы не можем, что это один поцелуй.
И струн ли рукой мы коснемся, чтоб сделать певучим наш пир,
Мы песней своей отзовемся на песню, чье имя есть Мир.
И кто бы ты ни был, напрасно — цветка ль, Человека ль — не тронь:
Цветок есть расцветшее пламя, Человек — говорящий огонь.

ОСТРОВ

Остров сделай из себя,
Остров голубой.
И мгновенье не дробя,
Будь самим собой.

Мир людей — толпа акул,
Это — вражий стан.
Вбрось свой разум в мерный гул,
Слушай Океан.

Помни: даже и Потоп
Бережет ковчег.
Жизнь людей — безмерный гроб,
Стань на тихий брег.

Меж тобою и людьми
Пусть поют моря.
Эту долю ты возьми,
С Богом говоря.

Не покинет луч тебя,
Будет сон с тобой.
Остров сделай из себя,
Остров голубой.

СЛОВО О СУДЬБЕ

На чистое поле, под ясное Небо, под черное облако встань,
На красное Солнце, на Месяц двурогий, на звезды высокие глянь.
Под Солнцем под красным есть синее Море, и ладанный камень на нем,
И Божия церковь на ладанном камне, где служба и ночью, и днем.

Ты выбери поле, иль выбери Небо, иль выбери Море себе,

Но, выбрав, люби их, но, выбрав, служи им, и верь той
отдельной судьбе.
Ты Солнце увидишь не так, как другие, войдешь в много
звездный ты храм,
И будешь ты видеть, как днем там и ночью лазурный встает
фимиам.

ОБЛАЧНАЯ ЛЕСТНИЦА

Если хочешь в край войти вечно-золотой,
Облачную лестницу нужно сплесть мечтой,
Облачные лестницы нас ведут туда,
Где во сне бываем мы только иногда.

А и спать не нужно нам, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю света полосу,
И, скрепивши облачко месячным лучом,
В путь иди, не думая больше ни о чем.

ПРАЗДНИК НЕБА

Солнце перстень золотой
Нам неведомого Бога.
Солнце светит над Водой,
Солнце гаснет за чертой
Предвечернего чертога.

Предвечерняя Луна
Серебристое запястье.
О, Луна, ты нам дана
Для узывчивого сна
Змеевого сладострастья.

Змеевидный Млечный Путь
Мировое ожерелье.
Если мы когда-нибудь

Захотим сполна уснуть,
Там проснемся для веселья.

Звезды весело горят,
Вечен праздник изумруда.
В них опалы нежно спят,
В них рубины точат яд.
Праздник Неба — вечность Чуда.

РУНЫ НОЧИ

ПОШУТИТ...

Пошутит Водяной — измочит,
Пошутит Леший — закружит,
Русалка шутит — защекочет,
Пошутить Ночь — заворожит.

РУНЫ НОЧИ

Руны Ночи прочитав,
Струны грома разобрав,
Я блуждаю, и сбираю на болотах стебли трав.

В этих травах тонкий яд,
Самоцветности горят,
В них глубокий, змееокий, нелюдской, берущий взгляд.

Эти травы я сожму,
Выпью яд, и выпью тьму,
Кто б ты ни был подходящий, знай, что я тебя возьму.

Нас погонят по пятам
Руны Ночи в черный храм,
Струны грома, гряньте бурю, душу Дьяволу отдам.

ЗМЕИНАЯ СВЕЧА

Литовцы отметили, в давних веках
Великую тайну в двух вещих строках,
Что в треньи времен не сотрутся:
«Змеиную если зажжешь ты свечу,
Все змеи сберутся».
Что в этих строках, я о том умолчу,
Лишь мудро о них вспоминая.
Час вещий теперь. Я свечусь и лечу,
Как птица ночная,
Как птица, быть может, не птица, змея
Крылатая, зыбко-двойная,
На свет, на лесную свечу поспешая
В безвестность, где змеи, где царствует — Я.

ПЕРЕБРОШЕННЫЕ ЗВЕНЬЯ

Что держит Землю? Что? — Вода.
— Что держит Воду? — Камень грозный.
— Что держит Камень, дни, года,
Что держит Мир окружно-звездный?
— Четыре мощные Кита.
— На чем они, Киты златые?
— Их вечно держит Красота,
Огня теченья молодые.
— А что же держит тот Огонь?
— Другой Огонь, его две части.
— А дальше? — Более не тронь.
Не тронь. Сгоришь!

ЗАКЛИНАНЬЕ ВОДЫ И ОГНЯ

Я свет зажгу, я свет зажгу,
На этом берегу.
Иди тихонько.
Следи, на камне есть вода.

Иди со мной, с огнем, туда,
На белом камне есть вода.
Иди тихонько.

Рука с рукой, рука с рукой.
Здесь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тот кто-то, может, слышит нас.
Следи, чтоб свет наш не погас,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свет несем, мы свет несем.
Рабы нам Ночь со Днем.
Иди тихонько.
Следи, рука с рукой тверда,
На белом камне есть вода,
Свети, идем с огнем туда.
Иди тихонько.

ХВОЯ

Это не дерево, нет, это храм,
Это молельня лесная.
Струйно смолистый дрожит фимиам,
Душу к молитвам склоняя.

Молча бессменный горит изумруд
В этой вознесшейся хвое.
Сердце, утихни, быть радостно тут
В благоговейном покое.

«А те просветы меж ветвей?»
Она, вздохнув, сказала,
И на мерцания очей
Как будто указала.

«О, те мерцания очей,
Замысливших иное!»
Так чей же сон, о чей, о чей
В той недостижной хвое!

ЗАКЛЯТИЕ МЕСЯЦА

Месяц, Месяц, где ты был?
— На том свете я ходил.
— Озаритель облаков,
Что ты видел? — Мертвецов.
— Много ль их? — Безмерный ряд.
— Что там делают? — Все спят.
— Месяц, Месяц, где ты был?
— Я над Морем синим плыл.
— Что ты видел на волнах?
— Тело мертвое и страх.
— Месяц, Месяц, где ты был?
— В вековечной смене сил.
— Что ты видишь без конца?
— И тебя, как мертвеца.

ЗАЧАРОВАНИЕ

От вещи, во тьме проходящей,
Змеиности, тайно скользящей,
Всевышний, меня сохрани,
Зловражеской силе молчащей
Скажи: «Зачаруйся. Усни».

Чтоб глаз тех, враждебных, но спящих,
И тускло, и лунно глядящих,
Я тайную повесть прочел,
И в жадных пугающих чащах
Нашел зачарованный дол.

Чтоб тем же путем, но обратным,
И с новым цветком, ароматным,

Прошел я в законченный час,
С волненьем лишь сердцу понятным,
Близь лунно-мерцающих глаз.

СЛОВО К ТРЕМ ПТИЦАМ

На крутой горе есть дуб,
Волк на нем сломил бы зуб,
Столь он крепкий, столь тугой,
Этот дуб сторожевой.
А на дубе том, смотри,
Птицы медные, их три,
Светят в радугах росы
Золоченые носы.
Этот дуб они клюют,
Денно, нощно, клювом бьют,
Так им нужно, говорят,
Золоченый клюв острят.
Вы не бейте, Птицы, дуб,
Дух людской не меньше груб,
Тверд и жесток дух людской,
Может, вдвое он тугой.
Может, в тысячу он раз
Будет пробою для вас,
Заострив, придаст красы
В золоченые носы.
Вы попробуйте на нем
Клюв свой ночью, клюв свой днем,
Птицы медные, скорей,
Клювом, клювом, в мозг людей.

СЛОВО ОТ ЗМЕЙ

Много есть на Небе разнствующих звезд,
Светят, не просветят весь земной туман.
На реке Смородине, калиновый там мост,
На мосту калиновом, дуб стоит Мильян.
А в дубе том в дуплистом — змеиный гроб,

А в том гробу сокрытом — змеиный зуб и яд.
Змеиная утроба жаднее всех утроб,
Всех взглядов обманнее — змеиный взгляд.
Узоры я расчислил разнствующих звезд,
Выследил туман я, знаю нрав я змей,
Дуб-Мильян известен мне, знаю красный мост,
Зуб змеи — на яд змеи, яд, уйди скорей.
Прочь, змея подводная,
Скройся, подколодная,
Лесовая,
Межевая,
Домовая,
Гноевая,
Злая, злая, прочь, змея.
От очей вас отвлекаю,
Словом тайным зарекаю,
Зуб на яд, и яд на зуб,
Помогай мне, вещий дуб,
Просыпайся, власть моя,
Уходи, змея лихая,
Молодая,
Золотая,
Щелевая,
Гробовая,
Злая, злая, прочь, змея.

СЛОВО ОТ ЗМЕИНОГО ЯДА

Там, на море Океане,
Все на том, на нем, Буяне,
Дуб стоит,
Шелестит,
Дуб тот стар,
Полон чар,
А под дубом, словно гроб,
Древний камень Белороб,
А на камне Белоробе,
Словно в гробе,
Сильный Змей,

Царь гадюк, змеюк, медянок,
Змей великий, Скороспей.
В день Иванов, спозаранок,
На заре скажи скорей: —
Сильный Змей,
Сильный Змей,
Змей великий, Скороспей,
У тебя есть много жал,
Много жалящих детей,
Сколько их,
Огневых,
Водяных и полевых,
Сколько их, сколько их,
Яд широко побежал,
Но лучами — шире свет,
И великий счет — гробов,
Но велик — и счет примет,
И в уме есть столько слов,
Что для всех вас меч готов,
И заветное есть слово
Для тебя, для Скороспея,
Для тебя, для Змея злого,
И для всякого есть змея,
И для женских быстрых змей,
Для гадюк,
Для змеюк,
Для медянок-медяниц,
Всем вам — пасть во прахе ниц,
Всем вам — ползать перед властью полнословною моей,
Захочу — и всех замкну я, вас замкну я в тесный гроб,
Захочу — его сцеплю я, этот камень Белороб,
Повинуйся ж слову власти, Змей великий Скороспей!

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Ты хочешь убивать? Убей.
Но не трусливо, торопливо,
Не в однорукости мгновенного порыва,

Когда твой дух — слепых слепей.
Коль хочешь убивать, убей —
Как пишут музыку — красиво.

ТУМАННЫЙ КОНЬ

Уж давно, на гранях мира, заострился жгучий терн,
Уж не раз завыли волки, эти псы, собаки Норн.
Мистар-Марр, созданье влаги, тяжко-серый конь Валькирий
Опрокинул бочки грома, и низвергнул громы в мире.

Битва длится, рдяны латы, копья, шлемы, и щиты,
Меч о меч стучит, столкнувшись, ярки искры Красоты.
Их тринадцать, тех Валькирий, всех из них прекрасней Фрея,
Кравчий Асов, цвет и птица, лебедь белый и лилея.

Мистар-Марр гремит копытом, брызги молний — чада мглы.
Быстро вороны промчались, реют с клекотом орлы.
На кровавой красной ткани судьбы выткала Сеанеита.
К пиру! В Вальгёлль! Там сочтем мы, сколько воинов убито.

ДВЕ ВОДЫ

В сутках две воды.
Архангельская поговорка

Две воды — одна с высот,
А другая — из низин.
Две беды — одна убьет,
Над другой — ты властелин.
Две воды — а капель счет
Слит в одно в игре пучин.

Тучно пучится она,
Вековая глубина.
Колыхается, как кит,
В час, когда в пучинах спит.

Тучны вечные снопы,
Звучны косы и серпы.

Холод кончен, тает лед,
Зеленеет гладь долин.
Ледоход, вода идет,
Мать мертва, но весел сын.
Ключ поет, в цветах есть мед,
Две воды, а путь один.

ЖЕЛАЙ

Желай того, чего желают Боги,
Хотеньем божески-прямым,
И ты пройдешь несчетные дороги,
А не развеешься, как дым,
Твои восторги будут многи,
Ты станешь памятью, преданьем вековым,
Желай, чего желают Боги,
Нельзя идти путем иным.

ОГНЕННАЯ МЕЖА

День Купалы, день Ивана, зорко сторожи,
Этот день есть знак раздельный огненной межи.

Все, что было, круг свершило, отступает прочь,
Выявляет блеск свой сила в огненную ночь.

Если ты сумел бесстрастно точный круг замкнуть,
В чаще леса не напрасно ты держал свой путь.

Сонму всех бесовских полчищ не прейти черты,
Пусть их жмутся, не прорвутся в область Красоты.

Сотни рук, несчетность цепких, в жажде тьмы и бед,
Не ухватят твой недвижный папоротник-цвет.

Все зрачки, искусных в сглазе, острых вражьих глаз
Не дождутся, чтобы взор твой, светлый взор погас.

Все шептанья, все дыханья в чаще вековой
Не осилят заклинанья, — круг всевластен твой.

Дух твой светел, ты распутал все узоры лжи,
Ты крещен великой тайной огненной межи.

СВАДЬБА ВОДЫ И ОГНЯ

Свадьба Воды и Огня
Это зеленые храмы растений,
При всемирных свечах светлоглазого Дня,
При несчетных свечах звездосветных полночных горений.
Лики Воды и Огня,
Обвенчавшихся в пресуществленьи двойного начала,
Принимают все краски, и Временность, в Вечность маня,
Одевается в золото, светится ало,
И на свадьбе Воды и Огня
Сколько есть изумрудов, играний опала,
Сколько раз между трав переменный алмаз
Целовался с Водой, и росинка зажглась,
Сколько раз по одежде живой изумруда
Пробежал поцелуйный шиповник-рубин,
И, желание в стебле кольнув, он стремление вызвал оттуда.
Лепестки поманил, расцвеченности тайных глубин,
И пожаром червонным зажглось многоцветное чудо,
И на долы Земли снизошла вышина,
И зажглось Семизвездье с улыбкой Венеры,
В незабудках, в сирени, в лазурностях льна,
В сонмах маленьких лун, солнц, живущих вне меры,
В сочетаньях планет
Луговых и лесных,
В бесконечностях разных сплетений,
Впивающих Свет,
И его претворивших в пахучий и красочный стих,
Фимиамы во храме зеленом растений,

Гул хоралов колдующих Ночи и Дня,
При великом слияньи двух разных святых наваждений,
На свадьбе Воды и Огня.

РУНЫ

Чья была впервые руна?
Индры, Одина, Перуна?
Всех ли трех? Иного ль Бога?
Есть ли первая дорога?

Вряд ли. Вечны в звонах струны.
Вечны пламенные руны.
Вечен гром с его аккордом.
Вечен Ворон с криком гордым.

В Ветре молкнет ли рыданье?
В Море ль стихнет причитанье?
Полюбив, не минешь битвы.
Не забудешь слов молитвы.

Чтоб пройти леса и горы,
Нужно ведать заговоры.
Значит, нужно ведать руны,
Ибо чащи вечно-юны.

Значит, нужно ведать чары,
Ибо горы вечно-стары.
И всегда душе знакомы
Руны, молнии, и громы.

ДУХ ДРЕВА

Своей мечтой многоветвистой,
Переплетенной и цветистой,
Я много храмов покрывал,
И рад я знать, что дух стволистый
В телесном так воздушно-ал.

Но, если я для верных, нежных,
Для изнемогших, безнадежных,
Свои цветы свевал светло,
Я знаю, в лепетах безбрежных,
Как старо темное дупло.

И, если вечно расцветая,
Листва трепещет молодая,
Я, тайно, слушаю один,
Как каждый лист, с ветвей спадая,
Впадает в летопись судьбин.

И те, что ведают моленья,
И те, что знают исступленье,
И те, в которых разум юн,
Как буквы, входят в Песнопенье,
Но буквы не читают рун.

МОРАНА

МОРАНА

Умирание — мерещится уму.
Смерть нам кажется. Лишь верим мы во тьму.
Эти сумерки сознанья и души,
Смерть всемирную пред ночью утиши.

Умягчи Морану страшную мольбой.
Зачаруй ее в пустыне голубой.
Разбросай среди жемчужин алый цвет.
Зачаруй. Морана — дева, ты — поэт.

Засвети сияньем звездным брызги слез.
Дай алмазов темноте ее волос.
«Меркнуть рано», прошепчи, — она вздохнет.
Поцелует, усыпит, но не убьет.

ТКАЧИХА

Дева вещая, ткачиха,
Ткет добро, с ним вместе лихо,
Пополам.
Левой бедою рукою
Нить ведет с борьбой, с тоскою.
А рукою белой правой
Нить прямит с огнем и славой.

Ткани — нам.
Дева вещая, ткачиха,
В царстве Блага, в царстве Лиха,
Где-то там.

Пой для Девы, Дева глянет,
Только ткать не перестанет
Никогда.
Сердцем зная все напевы,
Заглянул я в сердце Девы.
Полюбил, и полюбился,
В замке Девы очутился
Навсегда.
Любо мне, но душу ранит
Шум тканья, что не устанет
Никогда.

Диво вечное, ткачиха.
Тки, колдуй, но только тихо,
Не греми.
А не то проснутся люди,
И придут гадать о чуде.
Нам вдвоем с тобою дружно,
Нам не нужно, не досужно
Быть с людьми.
Дева вещая, ткачиха,
Тише, тише, в сердце — тихо,
Не шуми.

ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ СТОЛЕТИЙ

Камень. Бронза. Железо. Холодная сталь.
Утро. Полдень звенящий. Закатность. Печаль.

Солнце. Пьяные Солнцем. Их спутанный фронт.
Камнем первый повержен был ниц мастодонт.

Солнце. Воины Солнца и дети Луны.
Бронза в бронзу. И смерть. И восторг тишины.

Солнце. Ржавчина солнца. Убить и убить.
Воду ржавую пьют, и еще будут пить.

Солнце тонет в крови. Мглой окована даль.
Камень был. Бронзы нет. Есть железо и сталь.

Сталь поет. Ум, узнав, неспособен забыть.
Воду мертвую пьют, и еще будут пить.

ТРИ ДУШИ

Три души блуждали, вольные от жизни,
В радости эфирной неземных пространств.
Там, где нет, не будет места укоризне,
Там, в неизреченном, средь живых убранств.

Средь живущих вечно, меж всегда живого,
Три души блуждали, и спустились вниз.
Предземное царство было им так ново,
Три свечи на Небе новые зажглись

В трех бессмертных душах вспыхнуло желанье,
Загорелись очи, зазмеился страх.
И у вышних окон, в Доме созиданья,
Замелькали руки безглагольных Прях.

Для одной души — пернатая сорочка,
Для другой души — осенний волчий мех,
Лик людской — для третьей... «Что ты плачешь,
дочка?
Расскажи, поведай. Горе? Или грех?»

Плачут, плачут, плачут очи человека,
Волк в лесу боится, пробуждая страх,
Бесприютна птица в воздухе, от века,
Три души забыли о совместных днях.

МИРОВАЯ ПАУТИНА

Есть странные люди, безумные люди,
Что живут лишь в стремленьи одном,
В вековом они кружатся, в призрачном чуде,
Под негасимым огнем.

Над ними, под ними проходят планеты,
Сжигаются солнца со свитою лун,
Но эти безумные — ветром одеты,
Их носит, бросает бурун.

Не пьют, не едят. В том какая причина?
Кто знает? Причинен ли в полночь наш бред?
Под ветром летят, как летит паутина,
А смерти им нет.

ДОЛИНЫ СНА

Пойду в долины сна,
Там вкось растут цветы,
Там падает Луна
С бездонной высоты.

Вкось падает она,
И все не упадет.
В глухих долинах сна
Густой дурман цветет.

И странная струна
Играет без смычков.
Мой ум — в долинах сна,
Средь волн без берегов.

ТЕНЬ

Загадка

Ходит без ног
Цепко без рук,

Уста без речи.
Придет на порог,
Предвестником мук
Таинственной встречи.

И взором слепым
Глядит без глаз,
Души не покинет.
Густеет как дым,
И светлый наш час
Темнеет, стынет.

Ползет без ног,
Хватает без рук,
Говорит без речи.
И доныне не мог
Ум с лукавством наук
Избежать этой встречи.

НАД ВЕЧНОЮ СТРАНИЦЕЙ

1

Супруг несчетных инокинь,
Любовник грезы воспаленной,
Оазис внутренних пустынь,
Твой образ дивен, взор твой синь,
Ты свет и жизнь души смущенной.

Но если именем твоим
Тереза умеряла стоны,
То им же обратили в дым
Народы с прошлым вековым,
Людей убили миллионы.

О, кто же, кто ты, зыбкий дух?
Благословитель, или мститель?

Скажи мне ясно, молви вслух.
Иль свод небесный вовсе глух?
Спаси меня! Ведь ты — Спаситель!

2

Многоликий, ты мне страшен,
Я тебя не понимаю.
Ты идешь вдоль серых пашен
К ускользающему Раю.

Ты ведешь по переходам,
Где уж нет нам Ариадны.
Ты как свет встаешь под сводом,
Где в Июле дни прохладны.

Ты звенишь в тюрьме жестокой
Монастырскими ключами.
Ты горишь, и ты высокий,
Ты горишь звездой над нами.

Но в то время как сгорает
Узник дней, тобой зажженный, —
И тюремщик повторяет
То же имя, в жизни сонной.

Но в то время как свечами
Пред тобою тают души, —
Ты вбиваешь с палачами
Гвозди в сердце, в очи, в уши.

И не видят, и не слышат,
И не чувствуют — с тобою,
Кровью смотрят, кровью дышат,
Кровь зовут своей судьбою.

И схватив — как две собаки
Кость хватают разъяренно —

Крест схватив в глубоком мраке,
Два врага скользят уклонно.

И твоей облитый кровью,
Крест дрожит, как коромысло,
К Свету-Слову, и к присловью,
Липнет чудище, повисло.

Разлохматилось кошмаром,
Два врага бессменно разны,
Старый мир остался старым,
Только новы в нем соблазны.

Только крючья пыток новы,
Свежи красные разрывы.
Кто же, кто же ты, Суровый?
Кто ты, Нежный, кротче ивы?

3

Чтоб тебя понимать, я под иву родную уйду,
Я укроюсь под тихую иву.
Над зеркальной рекой я застыну в безгласном бреду.
Сердце, быть ли мне живу?

Быть ли живу, иль мертву, — не все ли, не все ли равно!
Лишь исполнить свое назначенье.
Быть на глинистом срыве, упасть на глубокое дно,
Видеть молча теченье.

После верхних ветров замечтаться в прозрачной среде.
Никакого не ведать порыва.
И смотреть, как в Воде серебрится Звезда, и к Звезде
Наклоняется ива.

КРУГОВОЙ ВЕРТЕП

Я в лесу, бродя, увидел тайный склеп.
Постучал неосторожно в тот вертеп.

Вышли духи. Говорят: Зачем стучал?
В круговом вертепе каждый мирно спал.

Встали духи, и глядят светло и зло.
Восемь было их, змеиное число.
Окружил меня враждебный этот хор.
С ним навеки неразлучен я с тех пор.

В чаще бродим мы, должны блуждать мы в ней.
Зацепляемся за все шипы ветвей.
Ходим всюду, но решением судеб
Каждый вечер мы приходим в круглый склеп.

И опять, едва забрезжит, мы идем.
Мы повторным устремляемся путем.
В миге зрячий, в сутках вечно взор наш слеп.
В круг вступив, мы возвращаемся в вертеп.

Что я, где я, все равно мне. Я устал.
Я давно кукушку слушать перестал.
Где б я ни был, не пройдешь, кружась, вертеп.
Много ль жить мне, мало ль жить, предел
мой — склеп.

ПРИЧАСТИЕ НОЧИ

Полюбите слезы, в вас воскреснет смех.
Прикоснитесь боли, удалится грех.
Помолитесь Ночи, вам сверкнет Заря,
С светлым, с темным сердцем светом говоря.
Прикоснитесь к Миру мыслию своей,
На касанье мысли — поцелуй лучей.
Поцелуй безгласный просиявших глаз,
Посмотревших ясно из души на вас.
Причаститесь боли, это верный путь,
Чтоб на вольной воле глубоко вздохнуть.

СВЕТ ПРОРВАВШИЙСЯ

1

...Он упадал прорвавшимся лучом,
Он уводил в неведомые дали,
И я грустил, не ведая о чем,
И я любил влияние печали,
И плакали безгорестно глаза...

2

...Над скалистою страной,
Над пространством бледных вод,
Где с широкою волной
Мысль в созвучии живет,
Где химерная скала
Громоздится над скалой,
Словно знак былого зла,
Мертвый крик вражды былой...

3

...Хоть я любил тот край, там не было полян,
Знакомых с детства нам пленительных прогалин,
И потому, когда вечерний шел туман,
Я лунною мечтой был призрачно печален,
И уносился вдаль...

4

...Чей облик страшный надо мной?
Кто был убит здесь под Луной?
Кентавр? Поморский царь? Дракон?
Ты сон каких былых времен?
Чей меткий так был зол удар,
Что ты застыл в оковах чар?
Так в смертный миг ты жить хотел,
Что тело между мертвых тел,

Чрез сотни лет, свой лик былой
Хранит, взнесенный ввысь скалой...

5

...Упоительные тени,
С чем, о, с чем я вас сравню?
Звездоцветные сирени,
Вам ли сердцем изменю?
Где б я ни был, кто б я ни был,
Но во мне другой есть я.
Вал морской в безмерном прибыл,
Но не молкнет звон ручья...

6

...Он журчит, он журчит,
Ни на миг не замолчит,
Переменится, вздохнет,
Замутит хрустальный вид,
Но теченьем светлых вод
Снова быстро заблестит,
Водный стебель шелестит,
И опять мечта поет,
Камень встанет, — он пробит,
Миг и час уходят в год,
Где-то глыбы пирамид,
Где-то буря, гром гремит,
Кто-то ранен и убит,
Смерть зовет.
И безмерна тишина,
Как безмерен был тот гул,
В рунном облаке Луна
Говорит, что мир уснул,
Сердце спит,
Но воздушная струна,
Но теченье тонких вод,
Неуклонное, звучит,
И по разному зовет,
И журчит,
И журчит...

7

...Непобедимое отчаянье покоя,
Неустранимое виденье мертвых скал,
Молчанье Зодчего, который, башню строя,
Вознес стремительность, но сам с высот упал.

Среди лазурности, которой нет предела,
Среди журчания тончайших голосов,
Узор разорванный, изломанное тело,
И нескончаемость безжалостных часов.

Среди Всемирности, собой же устрашенной,
Над телом близкий дух застыл в оковах сна,
И в беспредельности, в лазурности бездонной,
Неумолимая жестокая Луна...

НАШ ТАНЕЦ

Nasz taniec, nasz taniec...
Przybyszewsky[1]

Наш танец, наш танец — есть дикая пляска,
Смерть и любовь.
Качанье, завязка — шептанье, развязка,
Наш танец, наш танец, когда ж ты устанешь, и будет
безмолвие вновь?
Несказанность слов, неизношенность чувства, теченье
мгновений без скрипа минут,
Цветов нераскрытость, замкнутые очи, красивость ресниц
и отсутствие пут.
Завесы бесшумные бархатной Ночи, бездонность затонов,
и свежесть глубин,
И тихая, тихая нежность, нежнее, чем стоны свирели и плач
мандолин.
Наш танец, наш танец — от края до края, наш вал
сновиденный — небесная твердь,
Любовь нас уводит, — о, злая, о, злая! — и манит нас добрая,
добрая Смерть.

---

[1] Наш танец, наш танец... *Пшибышевский* (*польск.*)

ОСЕНЬ

Осень. Мертвый простор. Углубленные грустные дали.
Завершительный ропот, шуршащих листвою, ветров.
Для чего не со мной ты, о, друг мой, в ночах, в их печали?
Столько звезд в них сияет, в предчувствии зимних снегов.

Я сижу у окна. Чуть дрожат беспокойные ставни.
И в трубе, без конца, без конца, звуки чьей-то мольбы,
На лице у меня поцелуй, — о, вчерашний, недавний.
По лесам и полям протянулась дорога Судьбы.

Далеко, далеко, по давнишней пробитой дороге,
Заливаясь, поет колокольчик, и тройка бежит.
Старый дом опустел. Кто-то бледный стоит на пороге.
Этот плачущий — кто он? Ах, лист пожелтевший шуршит.

Этот лист, этот лист... Он сорвался, летит, упадает...
Бьются ветки в окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпеть. Кто же там так безумно рыдает?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Сам с собой — и себя отвергая?
Колокольчик вернись. С привиденьями страшно мне быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Немая!
Непостижность Судьбы: — Расставаться, страдать, и любить.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ВОЗДУХ

Какая грусть в прозрачности Небес,
В бездонности с единственной Звездою.
Изваян, отодвинут в Вечность лес,
Удвоенный глубокою водою.

Из края в край уходит длинный путь.
Хрустальный воздух холоден, без ласки.
О, Май, ужель ты был когда-нибудь?
Весь мир — печаль застывшей бледной сказки.

ПРОЩАЙ

Мне жаль. Бледнеют лепестки.
Мне жаль. Кругом все меньше света.
Я вижу, в зеркале реки
Печаль в туманности одета.

Зажглась Вечерняя Звезда,
И сколько слез в ее мерцаньях.
Прощай. Бездонно. Навсегда.
Застынь звездой в своих рыданьях.

ПОЛЯ ВЕЧЕРНИЕ

Поля вечерние. Печальные закаты.
Холодность бледная осенних облаков.
В грустящей памяти виденья тесно сжаты.
Созданья дней иных и невозвратных снов.

Тихонько сетуя, печалясь, и тоскуя,
Беззвучно шепчутся поблекшие мечты.
И словно чудится прощальность поцелуя
В туманном шествии вечерней темноты.

СТВОРКИ РАКОВИН

Створки раковин я вижу на песке.
В створках раковинок кто-то жил когда-то.
Чайка белая мелькнула вдалеке.
— Помнишь брата?

Чайка, помнишь? Чайка, помнишь? — Нет пути
Речь вести со всем кругом, что так люблю я.
Лишь одно могу — узоры слов сплести
Из стихов и поцелуя.

НЕ ПОГАСАЙ

Не погасай, она сказала,
Твой свет восторг. Не погасай. —
О, нашей власти слишком мало,
Чтоб не уйти в закатный край.

Закат алеет нежной кровью,
И стынет в бездне голубой.
Не плачь, припавши к изголовью.
Я умер, пусть. Я был с тобой.

ТЕЛЕСНОСТЬ

О, храм из белых облаков,
    Из темных туч, и тучек рдяных,
Зачем порваться ты готов,
Не просияв и двух часов,
    Пока я медлю тут в туманах?

Я ждал, я долго ждал и ждал,
    Моля мучительно бездонность,
Чтоб долог неба заблистал,
Чтоб белым он и алым стал,
    Чтоб, наконец, зажглась червонность.

Она в небесности зажглась,
    Она телесностью блестела,
Но вот звезда, и день погас,
Глядит душа из грустных глаз,
    И мир — как раненое тело.

ВОЗГЛАС БОЛИ

Я возглас боли, я крик тоски.
Я камень, павший на дно реки.

Я тайный стебель подводных трав,
Я бледный облик речных купав.

Я легкий призрак меж двух миров.
Я сказка взоров. Я взгляд без слов.

Я знак заветный, и лишь со мной
Ты скажешь сердцем: «Есть мир иной».

ЖИВОМУ ОТ ВЕЧНО ЖИВОГО

Я по Земле прошел всей полнотой захвата
Приливно-рвущейся волны.
Душа других людей всегда в условьях сжата,
Я безусловно верил в сны.

Я закрывал глаза, я опускал ресницы,
Я в глубь души своей глядел.
Я лунно-спящим шел, и узкий край темницы
В безмерной обращал предел.

И больше нет меня. Я схоронен навеки.
Но ты, неведомый мне брат,
Пойми, и будь как я, и будешь ты как реки,
Как в море впавший водопад.

ЗВЕЗДА К ЗВЕЗДЕ

О, Млечный Путь, о, Млечный Путь,
Поймем ли мы когда-нибудь,
Что только пламенный поток
От безразличности далек.

О, сколько звезд, тех грез-невест.
От Скорпиона — в Южный Крест,
Чрез символ Арго — в Орион,
И дальше, дальше — в вечный сон.

Звезда к звезде, звезда с звездой,
Поток всемирно-молодой.
Дорога душ, дорога птиц,
Дай быть мне там, где нет границ.

БЕЛЫЙ ЗВОН

1

Бледный лик одной Звезды
Чуть мерцает, чуть горит.
Месяц светел гладь воды
Колыхает, серебрит.

Я не знаю, что со мной,
Не пойму я, что светлей:
Бледный лик Звезды одной,
Или Месяц в снах лучей.

2

Наступает тишина.
Приходи побыть со мной,
Ангел Смерти, Ангел Сна,
В лике бабочки ночной.

Дай прощальный поцелуй,
Разлучи меня с тоской,
В ровный ропот сонных струй
Вбрось и вздох последний мой.

Без упрека, без мольбы,
Проскользнем мы над Землей,
Ангел Смерти, дух Судьбы,
Мы уйдем с тобой домой.

3

Хорошо скользить с тобой,
В легком звоне примиренья,

Над уснувшею Землей,
Как безгласное виденье.

Ночью вольно дышит грудь.
И звездится цвет сирени.
Кротко светит Млечный Путь.
Тихой Вечности ступени.

Млеет сумрак голубой,
Чуть колышутся растенья.
Улетает птичий рой,
В белом свете восхожденья.

Ниспадают лепестки,
И звезда порой сорвется.
Свет Белеющей Реки
Белым звоном отдается.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ

Я давно полюбил мою душу,
Я замкнул ее в светлый свой дом,
И ее тишины не нарушу,
Хоть не сдержан в блужданьи своем.

Я брожу меж людей только телом,
Я хожу между них лишь как тень.
В сладострастьи замру онемелом,
Как охваченный страхом олень.

И как яркий встаю пред толпою,
И как жалкий склонюсь под грозой.
Над фиалкой стою голубою,
Напою все растенья росой.

И душа моя в доме скучает,
Моего возвращения ждет,
И слезами свой лик расцвечает,
И потерян алмазностям счет.

И душа так жалеет, жалеет
О моем бесконечном пути,
Но покинуть чертог свой не смеет,
И не смею я к ней подойти.

ОДЕЖДА ДУШИ

Как бы из ризы своея,
Душа блестящая моя,
В глубинный час, в предпервый час,
С борьбой великой извлеклась
Из тела сонного.
И стала подле, и глядит,
Каков у этой ризы вид,
И жаль ей тела своего,
Но бросить надобно его,
Для сна бездонного.

Над тихой полночью лугов
Блуждают сонмы огоньков,
Горят ночные мотыльки,
Полеты их недалеки,
Близь тела сонного.
Но ты, душа, но ты, душа,
Из тела к вольности спеша,
Не медли здесь, и в путь иной
Умчись надземной вышиной,
Для сна бездонного.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

Хрустальные звоны, кристальность, уклоны,
Дрожания света в мельканьях теней.
Какие в вас храмы? Какие амвоны?
В какой литургии горенье свечей?

Хрустальные звоны полей запредельных,
И гор, и озер, что мы видим во сне,

В лучах бесконечных, в лучах колыбельных,
При матовой снежно-вершинной Луне.

Хрустальные звоны, побудьте со мною,
Влиянье виденья, меня не покинь.
Да буду всегда я, там в сердце, с Луною,
С красивой Луною небесных пустынь.

КОСОГОР

Как я пришел на крутой косогор?
Как отошел от всего?
Лунностью полон небесный простор,
Вольно, воздушно, мертво.

Тихие, вечные волны морей,
Волны морей голубых.
Сердце, молчи, засыпай поскорей,
В лунности песен немых.

Свет лиловатый застывших цветов
Зыбко слагает венцы.
Вещая сказка молчащих волчцов,
Мертвые дремлют волчцы.

ЭТО ЛИ?

Это ли смерть? Или сон? Или счастие?
Рокот безмерный органного пения.
Тайна великих затонов бесстрастия.
Мление вольное. Сладость забвения.

Окна цветные застыли от холода,
Льдяные, встали воздушной преградою,
Было ли? Умерло? Было ли молодо?
Было ли, стало ли новой отрадою?

Краски огнями горят необманными,
Сказки закрыли холодную твердь.
Сердце рыданьями дышит органными.
Это ли смерть?

УСНИ

Дымящихся светильников предсмертные огни,
Дрожащие, скользящие, последние. Усни.

Мерцающие лилии, пришедший к цели путь,
Пройденности, бездонности грозившие. Забудь.

Развязана запутанность, окончен счет с людьми,
Предсказанность безмолвия идет к тебе. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезл свечи,
В безгласности горения сожги слова. Молчи.

Возвышенные лилии расцветом смотрят вниз,
И ждут в благоговейности последнего. Молись.

Ни шопота, ни ропота, в зеркальном прошлом дни,
Подходит Ночь бесслезная, вся звездная. Взгляни.

ЗВЕЗДНОЕ ТЕЛО

Страстное тело, звездное тело, звездное тело, астральное,
Где же ты было? Чем ты горело? Что ж ты такое печальное.
Звездное тело, с кем целовалось? Где лепестки
сладострастные?
Море шумело, Солнце смеялось, искристы полосы властные.

Чудо-дороги. К свету от света. Звезды в ночах караванами.
Очи и очи. Губы с губами, пьяными, жадно-румяными.

Гроздья сияний, дрожи и смеха. Слиты все выси с низинами.
Сердце у сердца. Светлое эхо. Дальше путями змеиными.

К свету от света. Радость одета мглою — игрой многопенною,
Песни поются, и песня пропета, век ли ей быть неизменною?
Час предрассветный. Мы у предела. Ночь так кротка
в непреклонности.
Страстное тело, звездное тело, мирно потонем в бездонности.

МАЙЯ

ЦВЕТОК ЛИЛОВАТЫЙ

Цветок лиловатый светло расцветал,
Когда я тебя повстречал на пути.
Цветочная длинная чаша-бокал,
В которую может пчела заползти.

Тихонько касаясь цветных лепестков,
Дрожала в луче золотистом пчела.
Два духа слились в расширеньи зрачков,
Душа, отвечая, с душою была.

Я быстро, забвенно тебя целовал.
И красочно пела, в мечтаньи звеня,
Цветочная длинная чаша-бокал,
В причастии Солнца, Любви, и Огня.

ЯРОВИТ

Я бог Яровит, я весенний, и ярый,
Я с бранным щитом рассеваю удары,
Я бог твой, и я зажигаю пожары
Среди облаков грозовых.
Я тот, кто леса одевает листвою,
Кто кроет луга и поля муравою,
Кто молнией яркой и травкой живою
Пугает и нежит живых.

Я бог Светловзор, распаленный и буйный,
Я в вихрях являюсь, в грозе многоструйной,
В цветах, в колокольчиках, буйный я, буйный,
Я в хохотах, взрывах огня.
Я бог Яровит, а иначе Ярило,
Я бог твой, веселая вешняя сила.
Желай, чтобы мысль твоя бога любила,
Тот счастлив, кто любит меня.

МИРОВАЯ КРАСОТА

Царь-Огонь с Водой-Царицей —
Мировая Красота.
Служит День им белолицый,
Ночью нежит темнота,
Полумгла с Луной-Девицей.
Им подножье — три кита.

Беспредельность Океана
Учит ум лелеять ширь.
Превращает в сад Морана
Свой кладбищенский пустырь.
В серебристостях тумана
Рдеет камень Алатырь.

По лесной глухой дорожке
Изумрудный вьется Змей.
Там избушка курьи ножки.
Там Яга, и там Кощей.
Там Царьки крутые рожки,
Там Жар-Птица, жизнь очей.

Серый волк горит глазами,
Земляники куст измят.
Плачут девушки ночами,
Днем у них же светел взгляд.
Царь сияет в вечном храме,
А Царицу реки мчат.

Мир двойной, и мир единый,
Будто грех, а нет греха.
Пред немеркнущей картиной
Литургия снов тиха.
Пламень в Книге Голубиной,
Пенье стройного стиха.

ИЗ СТРАНЫ КВЕТЦАЛЬКОАТЛЯ

Братья мыслей, вновь я с вами, я, проплывший океаны,
Я прошедший срывы, скаты голых скал и снежных гор,
Гордый жаждою увидеть вечно-солнечные страны,
Я принес для звучных песен новый красочный убор.

Я спою вам, час за часом, слыша вой и свист метели,
О величии надменном вулканических вершин,
Я спою вам о колибри, я спою нежней свирели,
О стране, где с гор порфирных смотрит кактус-исполин.

О стране, где в чаще леса расцветают орхидеи,
Где полями завладели глянцевитости агав,
Где проходят ягуары, где шуршат под пальмой змеи,
Где гремят цикады к Солнцу, меж гигантских пышных трав.

О стране, где мир созвездий предстает иным узором,
Где сияет каждый вечер, символ жизни, Южный Крест,
Где высоко, в странном небе, опрокинуто пред взором
Семизвездье Скандинавов, Ursa Major льдяных мест.

Слыша северных метелей стоны, бреды, вскрики, шумы,
В час радений наших зимних, при мерцании свечей,
Я вас вброшу в дождь цветочный из владений Монтесумы,
Из страны Кветцалькоатля, из страны крылатых змей.

МОЛИТВА К СОЛНЦУ

Солнце, Солнце, ты Бог!
Безумцы гласят, будто ты есть небесное тело,
Будто ты только лик Божества.

Напрасны слова,
Прекрасна лишь страсть без предела,
Лишь счастье, лишь дрожь сладострастья, лишь сердце,
горение, вздох.
О, Солнце, ты яростный Бог!
О, Солнце, ты ласковый Бог!

Ты сжигаешь степные пространства,
Зажигаешь всех смуглых людей,
Ты горишь, и лучисто твое постоянство,
Бледноликого жарко пьянишь вовлеченьем в легенду
страстей,
Ты горишь, ты горишь без конца,
Ты поешь, и рождаются струны.
И поют, и колдуют сердца,
И красиво блаженство лица,
И влюбленность есть праздник души, праздник свадьбы,
сверкающе-юный.

Солнце, о, Солнце, ты Бог золотой.
Дай чарования снова и снова,
Хмеля еще, горячо-золотого,
Дай мне упиться твоею мечтой.
Солнце, я твой, все прошел я обманы,
Все миновал я круги,
Солнце, возьми меня в горния страны,
Солнце, сожги!

У МАЙСКИХ РАЗВАЛИН

Еще не погасла Луна,
Но светит румянцем рассвет.
И ярко Венера видна,
Царица блестящих планет.

Созданья великих веков,
Застыли руины Уксмаль.
Воздушны края облаков,
Безбрежна пустынная даль.

Здесь жили когда-то цари,
Здесь были жрецы пирамид.
Смотри, о, мечтанье, смотри,
Здесь жемчуг легенды горит.

Здесь чудится памятный стих
О сне, что в столетьях исчез.
Пропел, и, изваян, затих,
Под тройственным светом Небес.

В безгласьи седеющих плит
Узорные думы молчат.
И только немолчно звучит
Стоустое пенье цикад.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА

Kat yacunah ma ya ma ya.
Майские письмена

В Паленке, меж руин, где Майская царица
Велела изваять бессмертные слова,
Я грезил в яркий зной, и мне приснилась птица
Тех дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, с хвостом нарядно-длинным,
Как грезы — крылышки, ее зовут Кветцаль.
Она живет как сон, в горах, в лесу пустынном,
Чуть взглянешь на нее — в душе поет печаль.

Красива птица та, в ней вешний цвет наряда,
В ней тонко-нежно все, в ней сказочен весь вид.
Но как колодец — грусть ее немого взгляда,
И чуть ей скажешь что — сейчас же улетит.

Я грезил. Сколько лет, веков, тысячелетий,
Сказать бы я не мог — и для чего считать?

Мне мнилось, меж могил, резвясь, играют дети,
И изумруд Кветцаль не устает блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Из края в край Земли, волной росла трава.
Вдруг дрогнул изумруд, и на стенном узоре
Прочел я скрытые в ваянии слова: —

«О, ты грядущих дней! Коль ум твой разумеет,
Ты спросишь: Кто мы? — Кто? Спроси зарю, поля,
Волну, раскаты бурь, и шум ветров, что веет,
Леса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы — Земля!»

ОРХИДЕЯ

Я был в тропических лесах,
Я ждал увидеть орхидеи.
О, эти стебли точно змеи,
Печать греха на лепестках.

Того, что здесь грехом зовется,
Во мгле мещанствующих дней.
О, гроздья жадных орхидей,
Я видел, как ваш стебель вьется.

В переплетенности стволов
Друг друга душащих растений,
Среди пьянящих испарений,
Я рвал любовный цвет грехов.

Склонясь над чашей поцелуйной,
В раскатном рокоте цикад,
Вдыхал я тонкий сладкий яд.
Лелейно-зыбкий, многоструйный.

Как будто чей-то нежный рот,
Нежней, чем бред влюбленной феи,
Вот этот запах орхидеи
Пьянит, пьянит, и волю пьет.

ЗЕРКАЛО

Я зеркало ликов земных
И собственной жизни бездонной.
Я все вовлекаю в свой стих,
Что взглянет в затон углубленный.

Я властно маню в глубину,
Где каждый воздушно-удвоен,
Где все причащаются сну,
Где даже уродливый строен.

Тяжелая поступь живых,
Пред глубью меняясь, слабеет.
Радение сил неземных
Незримо, но явственно реет.

Душа ощущает: «Тону»,
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запевшему в вечности хору.

ЗМЕИНОЕ ОТРОДЬЕ

У Тифона на плечах
Сто голов дракона.
Много блесков в их очах,
Дышит рев, и дышит страх,
На плечах Тифона.

Чу, мычания быка,
Свист стрелы летящей,
Глотка львиная громка,
Пес рычит исподтишка.
Вот завыл, грозящий.

С оживленных этих плеч
Все Тифону видно,
Столкновенье вражьих встреч,

Он ведет с женою речь,
Слушает Ехидна.

Горго-сын к нему склонен,
Соучастник в хоре.
И шуршит семья Горгон,
Двестиглазый лик Дракон.
Свисты змей на море.

НА ПИРАМИДЕ УКСМАЛЬ

Свободна воля человека,
Разгульно бешенство страстей.
Спроси безумного Ацтека,
Спроси о цвете орхидей.

О том, как много вспышек жадных
Среди тропических лесов.
О жатвах мира, странных, страдных,
Под гром небесных голосов,

Непостижимые изломы
В сердцах жрецов и палачей,
Разрывы, молнии, и громы,
И кровь, хмельная от лучей.

И кровь, и кровь, своя, чужая,
На высях стройных пирамид.
Где, светоч бездн, доныне, злая
Агава, хищный цвет, горит.

ПОД ТЕНЬЮ КРЫЛЬЕВ

Весьма давно, Отцы людей
В Стране Зеленых Елей были,
Весьма давно, на утре дней,
Смуглились лица всех от пыли.

Ваuанэлева был вождем,
Людей сплотил он в диком крае,
Он Белым-Белым был Орлом,
Он был владыкой целой стаи.

Они пришли на Остров Змей,
И отдохнули там на склонах,
Весьма давно, на утре дней,
Пришли на Остров Змей Зеленых.

И каждый был бесстрашный муж,
И зорок был, и чуток каждый,
То было Братство Дружных Душ,
Проворных душ, томимых жаждой.

Вапанэлева первым был,
Но в Небе скрылся Белокрылый,
За ним царем был Колливил,
Красиволикий, мощь над силой.

И Змеи с жалами пришли
Нагроможденьем изумруда,
Но растоптал их всех в пыли,
Свершил Красиволикий чудо.

Но так как Небо — красота,
Красиволикий скрылся в тучах.
И сонмы к нам иных Могучих
Спустились с горного хребта.

Янотови, Свершитель правый,
И Птица Снежная, Чилиль,
И много их, венчанных славой,
И много их, чье имя — быль.

Когда владыки отходили.
Царя сменял достойный царь,
Черед давала сила силе,
И было вновь, как было встарь.

Восточный край был Краем Рыбы,
Закатный край был Край Озер,
И все мельчайшие изгибы
В горах и в Море видел взор.

Малейший звук был жив для слуха,
Считались дальние шаги,
К родной земле прижавши ухо,
Мы точно знали, где враги.

Под тенью крыльев мы ходили,
Средь говоривших нам стеблей.
Тот сон горел в великой были,
Весьма давно, в потоке дней.

КОЛДУН

Тяжел он не был, но высок,
Был полон дум он безответных,
И звался между Красноцветных,
Колдун, глядящий на Восток.

Он не писал узорных строк,
Он не чертил гиероглифов,
Ни много он оставил мифов,
Колдун, глядевший на Восток.

И он теперь от нас далек,
Но, если возникает тайна,
Мы знаем, был он не случайно,
Колдун, глядевший на Восток.

И если молвишь ты намек,
В котором сердце сердца дышит,
Он здесь, мы знаем, нас он слышит,
Колдун, глядящий на Восток.

ВОЖДИ КРАСНОЦВЕТНЫХ

Один звался — Любимый,
Он строил города,
Другой был — Скрытый в дымы,
А третий был — Звезда.

Глядящий прозорливо,
Могучий Волк племен,
При нем взростала нива.
Хотя был хищник он.

Немая Память, Цельный,
Ныряющий до дна,
Зеленоглаз Свирельный,
Знамена-имена.

Лазоревая Птица,
Захватистая Рысь,
Весельщик вод, Зарница,
Как Боги вы сошлись.

Ступающий безгласно,
Поющая Змея,
Вы, мыслившие страстно,
Вы, ласка бытия.

ПЕРИСТЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Колибри, малая Жар-Птица,
Рожденье Воздуха и грез,
Крылато-быстрая зарница
Цветная лакомка мимоз.

Ты нежный перстень, ожерелье,
Перистый венчик, золотой,
На свадьбе вольного веселья
С воздушно-пряною мечтой.

Колибри, малая Жар-Птица,
Ты фея в царстве орхидей,
Ты Мексиканская царица,
И ты сильнее всех царей.

Промчались битвенные шумы,
И рой царей исчерпан весь,
И нет Аптекам Монтесумы,
А ты, Колибри, здесь как здесь.

МЕКСИКАНСКИЙ ВЕЧЕР

Заснул Чапультепек, роскошный парк Ацтеков,
Растоптанных в борьбе за красные цветы.
Затих напрасный шум повторных человеков.
Созвездья дружные сияют с высоты.

О чем ты думаешь, печальница немая,
Ты, переплывшая Атлантику со мной,
Ты, встретившая дни единственного Мая,
Как Море луч Луны — ласкающей волной.

Мы здесь с тобой одни, нам ближе тень Кортеса,
Чем призраки друзей в туманностях Земли.
К нам зовы не дойдут из Северного леса,
Все, нам привычное, растаяло вдали.

Воспоминания, что призрачно-угрюмы,
Да не восстанут вновь из-за громады вод.
Здесь агуэгуэтль, любимец Монтесумы,
Своей седой листвой сложился в мирный свод.

Воздушный ветерок в ветвях шуршит напевно,
Уйдем от наших дум, всецело, в наши сны.
Вечерней Мексики лучистая царевна,
Венера манит нас с прозрачной вышины.

Богиня с прядями волос лучисто-длинных,
Венера влюблена по-прежнему в любовь,

И шлет нам светлый зов из тучек паутинных: —
Горите, вы вдвоем, любите вновь и вновь.

А Ицтаксигуатль, венчанная снегами,
И Попокатепетль, в уборе из снегов,
Свой горный и земной возносят лик пред нами: —
Любите, вы вдвоем, доверьтесь власти снов.

ДОВРЕМЕННАЯ

1

Ты любишь только верные слова,
Ты видишь только вечные сиянья,
Живешь, как первозданная листва,
Как первых трав роса и трепетанья.

В твоих глазах глубинный изумруд
Волны, узнавшей зыбь и высь впервые.
Ты с нами, здесь, ты светишься, вот тут,
Но между нами бездны вековые.

2

Помню, как ты в первый раз
В нашем зримом мне предстала.
Это был вечерний час,
Разделяли люди нас,
Но от глаз до дальних глаз
Вдруг незримость проблистала.

С кем тогда я говорил?
Я не помню. С безымянным.
Вдруг в душе я ощутил
Точно дальний звон кадил,
Ум внезапно схвачен был
Угаданьем слишком странным.

Я как в сказке поднял взор,
Я, глядя, застыл как в сказке.

Прост и строг, был твой убор,
Вмиг я вспомнил храм и хор,
Наша встреча — с давних пор,
Решена в иной завязке.

Помню, помню, лик Луны,
Над садами Атлантиды;
Остров Верных; помню сны
Той Халдейской вышины;
Лабиринты, крутизны;
Строгость траурной Изиды.

Где-то, где-то — сердце, где? —
В этом, вмиг живом. Когда-то,
Звезды плыли по воде,
Но, одной молясь Звезде,
Мы расстались, чтоб везде
Было сердце болью сжато.

И дрожала в нас тоска,
И в безмерности печали,
Умирали мы века,
Сохла, вновь была река —
Где ты? Как ты далека!
Где ты? — Глаз глаза искали.

И обманностью светясь,
Многократно погасая,
Жил из века в век алмаз,
Но Звезда связала нас: —
Ты моя на этот раз!
Твой! — Порвалась цепь ночная.

Это я тебя убил
На высоком теокалли.
Я убит тобою был
В битве равных вечных сил.
Жизни цвет над тьмой могил,
Все я вижу, как в кристалле!

ЛЮБОВЬ

Ты непостижная — как сон,
Моя любовь, любовь.
Твой голос эхом повторен,
И вновь к любви — любовь.

Я не могу в душе найти
Сравнений для очей,
Что стали звездами в пути,
И манят в мир лучей.

Я не могу постичь очей,
Исчерпать этот взгляд,
В них излучение ночей,
В них звезды говорят.

В них океанская волна,
Фиалки цвет лесной.
Глубин небесных тишина,
Что спит — перед грозой.

В них зов к морям без берегов,
И без пути назад,
Напевность рун в стране врагов.
Светящийся агат.

В них глубь таинственных криниц,
Где спит неспетый стих,
В них рой веков, в них крылья птиц,
И взмах ресниц густых.

В них тайный свет со всех могил,
В них всей Земли стезя.
Но что бы я ни говорил,
Их рассказать нельзя.

И что бы я ни помянул,
В душе прорвется вновь,

Как бы снегов нагорных гул,
        Любовь — одна Любовь.

ЗМЕИНОЕ ЧИСЛО

Восемь лучистых планет,
Дважды четыре явив,
Да расцветивши и нет,
В змейный сложились извив.

Как он певуче-красив,
Как разноцветно-хорош.
Сколько желтеющих нив.
Как зазвездилася рожь.

Восемь, тебя не поймешь,
Можно тебя лишь любить.
Правда ли ты или ложь,
Звездно ты выткало нить.

Восемь, себя сохранить
Вечность велит мне, жезлом.
Душу велит опьянить,
Этим змеиным числом.

Восемь бессмертных планет,
Два и четыре явив,
Тьму показали и свет,
Бурю стихий расцветив.

Как он змеино-красив,
Этот узывчивый хор,
В звеньях растущий порыв,
Встречных страстей разговор.

Все сочетавши в узор,
В полный баюканья плен,
Жемчуг бросают в простор
Восемь поющих сирен.

Счастье и сладость измен,
В рдении вечно-живом,
Замок без кровли и стен,
Сжатый змеиным числом.

РОЗЫ

Я видел много красных роз,
    И роз воздушно-алых.
И Солнце много раз зажглось
    В моей мечте, в опалах.
В опальной лунной глубине,
    В душе, где вечный иней.
И много раз был дорог мне
    Цвет Неба темно-синий.

Я видел много алых роз,
    И роз нагорно-белых.
И много ликов пронеслось
    В уме, в его пределах.
Мне дорог ум, как вечный клад,
    Как полнота объема.
Но робко ласки в нем журчат,
    И груб в нем голос грома.

Не раз в душе вставал вопрос,
    Зачем я вечно в тайнах: —
От белых роз до черных роз,
    И желтых, нежно-чайных.
Но только в Индии святой
    Все понял я впервые: —
Там полдень — вечно золотой,
    Там розы — голубые.

ВОЗЗВАНЬЕ К БОГАМ

Бог Голубого Покрова,
С опушкой из белых снегов,

Океан, поведай мне слово,
Таящее сказку веков.

Богиня Одежд Изумрудных,
Праматерь кошмарных дней,
Колдунья снов безрассудных,
Земля, говори же ясней.

Бог Одежд Златоцветных,
Немеркнущий желтый цвет,
Радость дней безответных,
Солнце, дай мне ответ.

Богиня Одежд Опальных,
Колдунья бледных теней,
Ведунья рун изначальных,
Луна, будь бледней, но нежней.

Богиня Волос Лучистых,
Царица двойной высоты,
Венера, из далей сквозистых
Скажи, где тайник Красоты.

Так с болью, от века до века,
Я к Богам и Богиням взывал.
Но, смеясь над мольбой Человека,
Потоплял меня плещущий чал.

Земля мне волчцы расстилала.
И вонзались мне в руки шипы.
И опять возникало начало,
Бесконечность пустынной тропы.

И блуждала преступная сила,
И не раз меня Солнце сожгло,
И Луна меня обольстила,
Завлекла, хоть светила светло.

Лишь одна мне осталась Богиня,
Царица двойной высоты,
Венера, и с нею пустыня,
И ужас одной Красоты.

БАГРЯНЕЦ

Что тебе, мечтанье, надо,
Чтоб от будней отдохнуть?
— Лишь не это. Что-нибудь.
В чуждых странах дальний путь.
Многоцветность. Колорадо.
Гор пурпуровых узор,
С их нежданностью уступов.
Вид — о, вид хотя бы трупов,
Лишь не братьев с давних пор.
Пусть хотя б тигриный взор,
Но не добрый взор участья,
Утомивший как ненастье,
Как осенних капель хор.
Вновь, как в детстве, ведать счастье,
Что в Природе ты один,
И как яркие запястья,
Как касанья сладострастья,
Чуять цвет иных долин,
Гордость красочных растений,
Цвет багряных сновидений,
Вспышку Майи, Колорин.

ЖЕНЩИНА-ЗМЕЯ

Меж всех цветов цветок найдется,
Что лучшим кажется цветком.
Меж песен — вещая поется,
Меж вскриков — Небо знает гром.
Есть Витцлипохтли меж Богами,
Он самый страшный Бог над нами,
Мечом он бьет, и жжет огнем.

Среди цветов есть цвет агавы,
И сок его есть пьяность сил,
Тот сок, исполненный отравы,
Кветцалькоатля опьянил.
И меж огней есть дивно-синий,
И меж Богинь — с одной Богиней
Наш дух не тщетно связан был.

Как между птиц есть лебедь белый,
Так Цигуакоатль, Змея,
Придя в Ацтекские пределы,
Являла белость бытия,
Ее движенья были нежны,
Ее одежды были снежны,
Ее воздушность — как ничья.

Но, если только в темной ночи
Вставал тот нежно-белый свет,
Восторг кого-то был короче,
И кто-то знал, что счастья нет.
И кто-то был в переполохе,
И проносились в высях вздохи,
Как будто мчался Призрак Бед.

И каждый знал, что час урочный
Закончил целый ряд судьбин.
И плакал воздух полуночный,
И души плакали низин.
То Цигуакоатль летела,
Змея, чье нежно было тело,
Она же — Матерь, Тонантцин.

И где всего сильней шумели
Порыв и стоны бытия,
Там находили, в колыбели,
В пеленках, острие копья.
И это было как святыня,
И знали, вот, была Богиня,
Была здесь Женщина-Змея.

ТЕЦКАТЛИПОКА

Тецкатлипока, Бог, нигде
Не возникающий для взгляда,
Хотя он шествует везде,
На Небесах, в исподах Ада,
И по Земле, и до Воде.
Глядящий пристально, и стройный,
Не гнется в край добра, ни зла,
Но, жизнь любя, он любит войны,
И хочет, чтоб жила стрела.
И потому он дух раздора,
И он дразнитель двух сторон,
Чтоб блеском вспыхнувшего взора
Был миг текущий озарен.
Чтоб трепетало пламя гнева,
Чтоб в звуках бранного напева
Был стук мечей, и свист копья.
Чтобы рыдала звонко дева
Над красным цветом Бытия.

ТЛАЛОК

Тлалок, Тлалок,
Стада привлек,
Стада туманов сбил и спутал.
Небесный свод был пуст, широк,
Но встало облачко, намек,
И тучей весь он мир облек,
И он грозой весь мир окутал,
И у цветов, румянясь, рты
Раскрылись жаркие от жажды,
И пили жадные цветы,
И был в блестящих брызгах каждый,
Был в страсти красочный цветок,
Был в счастьи каждый лепесток, —
И, влажный, в молниях смеялся,
Отважный, в мире быстро мчался,
В лугах и в Небе расцвечался
Тлалок, Тлалок.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ

Изумрудно-перистый Змей,
Изумрудно-перистый,
Рождающий дождь голосистый.
Сверкание ценных камней,
Пролетающий в роще сквозистой,
Среди засиявших ветвей,
Веселый, росистый,
Змей!

Обвивающий звеньями рвущейся тучи,
Необъятный, весь небосклон,
Властелин четырех сторон,
Затемняющий горные кручи,
Озаряющий молнией их,
Крестообразным огнем.
Смехом секунд огневых,
Смехом, звучащим как гром,
Рождающий между ветвей
Шелесты, шорох, и звон,
Властелин четырех сторон,
Изумрудно-перистый Змей!

Мировой Чародей,
Возжеланьем своим
Ты на Север, на Юг,
На Восток и Закат,
Заковавши их в круг,
Чарованье пошлешь, в темных тучах агат
Загорится — и чу,
Полновесные капли, в их пляске гремят,
Точно выслал ты в мир саранчу,
Веселятся все страны,
Обсидианы,
Заостренных в разрывах, густых облаков
Разъялись в сверканьи лазурно-зеленом
Под звеньями Змея, который летит
небосклоном.

Мировой Чародей,
Дуновеньем своим
Ты дорогу метешь для Богов Воды,
И скопив облака, их сгустивши как дым,
Одеваешься в яркость Вечерней Звезды,
Возвещаешь слиянье двух светов земных,
Изумрудно-перистый, зеленый,
Ты поешь лучезарным дрожанием стих,
И на вешние склоны
Вечер спускается, нежен и тих,
Ночи рождаются дальние звоны,
Дня завершаются ропоты, шопоты, сказки огней и теней,
Светится жемчуг, зеркальность, затоны,
Зыби отшедшего Дня все темней,
Ночь все ясней от небесных огней,
Бог лучезарный двойного начала,
Бог проплывает в озерах опала,
Змей!

ОН КОТОРЫЙ

Он, который опрокинул
Свой лучистый лик,
Он, который мир раздвинул,
В час как к Ночи День поник,
Он, который мир Пустыни,
Мир Небес, где вечно, ныне,
Вечно тонет каждый крик,
Превратил во храм глубокий,
В свод святыни звездоокой,
Взором пристальным проник,
Он, что в шапке звездочета
Ясно видит Верх и Низ,
Он, всемирный, звездный Кто-то,
Перед кем миры зажглись,
Он, волшебный, он, который
Видит глубь, и видит взоры,
Глянул. Тише. Глянь. Молись.

ГОЛУБАЯ ЗМЕЯ

Голубая Змея с золотой чешуей.
Для чего ты волнуешь меня?
Почему ты как Море владеешь Землей,
И кругом предстаешь как Эфир мировой,
С бесконечной игрою Огня?

Почему, для чего, Голубая Змея,
Ты горишь миллионами глаз?
Почему бесконечная сказка твоя,
Эти звенья, горенье, и мгла Бытия
Удушают, возжаждавших, нас?

Мы едва захотим, Голубая Змея,
Как желанью ты ставишь предел.
Зашуршит, загорится твоя чешуя,
И окончилось — Мы, или Он, или Я,
Ты костер зажигаешь из тел.

Голубая Змея с золотой чешуей,
Я еще не забыл Вавилон.
Не забыл теокалли с кровавою мглой
Над родимой моею, над Майской землей,
Где возлюблен был сердцем Дракон.

Я еще не забыл ни Египет родной,
Ни подсолнечник вечный, Китай.
Ни того, как я в Индии, мучим Судьбой,
Лотос Будды взрастил, мой расцвет голубой,
Чтоб взойти в нетревожимый Рай.

Голубая змея с золотой чешуей,
Я тревожиться буду всегда.
Но зачем я тебе, о, Дракон мировой?
Или ты лишь тогда и бываешь живой,
Как во мне океаном — Беда?

ЗОЛОТО-МОРЕ

Есть Золото-Море.
На Золоте-Море,
Которое молча горит,
Есть Золото-Древо.
Оно одиноко
В безбрежном гореньи стоит.

На Золоте-Древе
Есть Золото-Птица,
Но когти железны у ней.
И рвет она в клочья
Того, кто ей нелюб,
Меж красных и желтых огней.

Есть Золото-Море.
На Золоте-Море,
Бел Камень, белея, стоит.
На Камне, на белом,
Сидит Красна Дева,
А Море безбрежно горит.

На Золоте-Море,
Под Камнем, под белым,
Подъяты железны врата.
Сидит Красна Дева,
Под нею — глубины,
Под камнем ее — темнота.

И Золото-Море
Сверкает безбрежно,
Но в глубь опускается труп.
То Красная Дева
В бездонности топит
Того, кто ей вправду был люб.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ-ВОТАН

Созвездье Южного Креста
Сияло надо мной.
Была воздушна темнота
С шумящею волной.

Усумасинтою я плыл,
Могучею рекой,
Несущий свежесть влажных сил,
Как все, в простор морской.

Усумасинтою я плыл,
Рекою Майских стран,
Где сотни лет назад скользил
В своей ладье Вотан.

То был таинственный пришлец.
Строитель Пирамид.
Остаток их, его венец,
Сном длительности спит.

То был возлюбленник волны,
Чье имя влажно — Атль.
Пророк, в зеркальность вливший сны,
Дракон Кветцалькоатль.

Он научил чужих людей,
Кветцалькоатль-Вотан,
Что пламень ласковых лучей
Живым для жизни дан.

Что на уступах Пирамид
Не кровь цвести должна.
И вот на выси твердых плит
Вошла в цветах Весна.

Душистость красочных цветов
И благовонный дым

И звучный зов напевных слов
Навеки слиты с ним.

Он был, прошел, он жил, любил,
Среди лесистых мест,
Оставив символ вешних сил,
Равносторонний крест.

Ушел, но вторит высота,
Над тишью Майских стран,
Созвездьем Южного Креста,
Что здесь прошел — Вотан.

БОГ ЦВЕТОВ

Мы не видим корней у цветов,
Видим только одни лепестки.
И не знаем их медленных снов,
Их тягучей и долгой тоски.

И не надо нам видеть его,
Сокровенного таинства тьмы.
Нужно видеть одно торжество,
Пред которым так счастливы мы.

Бог Цветов, ты великий поэт,
Ты нас вводишь легко в Красоту.
Слава тайне, скрывающей след,
Слава розам и грезам в цвету!

ОН ГЛЯДЕЛ

Он глядел в глубинность вод,
Он глядел в немые зыби,
Где возможно жить лишь рыбе,
Где надземный не живет.
Он глядел в лазурность вод,
И она являла чудо,

Доходя до изумруда.
Что цветет, и вот, плывет.
Он глядел на дно. Оттуда
Восходила тайно власть,
И звала туда упасть.
Там была сокровищ груда,
Рой там чудился теней
Потонувших кораблей.
Он глядел. Зрачки чернели.
Расширялся малый круг.
Колдовала страсть. И вдруг,
Словно пел напев свирели.
Добровольно, тот, кто смел,
Как чужою волей кинут,
Опускался в глубь, в предел,
Где, мерцая, рыбы стынут,
Тот тонул. А он гдядел.
Расширенными глазами
Он смотрел в подвижность струй.
В них как будто голосами
Кто-то жил, и поцелуй
Там горел, дрожа огнями.
С драгоценными камнями
Утонувший выплывал.
С огнецветом, с жемчугами,
С аметистом, жил опал.
Он глядел, как тот смеялся
Над подарками зыбей.
Но душой не с ним сливался, —
С ликом мертвых кораблей.
И в глазах его, как в чуде,
Что-то было там вдали,
Веял парус, плыли люди,
Убегали корабли.
Путь до них обозначался
Через глубь его очей.
О, недаром меж людей,
Он недаром назывался
Открывателем путей.

ГРЕБЕЦ

На главе его смарагдовый венец.
Песнь потаенная

Мне привиделся корабль, на корабле сидел гребец,
На главе его златистой был смарагдовый венец.
И в руках своих он белых не держал совсем весла,
Но волна в волну втекала, и волна его несла.
А в руках гребца, так видел я, лазоревый был цвет,
Этот цвет произрастеньем был не наших зим и лет.
Он с руки своей на руку перекидывал его,
Переманивал он души в круг влиянья своего.
В круг сияния смарагда и лазоревых цветов,
Изменявших нежной чарой синеву без берегов.
С снеговыми парусами тот корабль по морю плыл,
И как будто с каждым мигом в Солнце больше было сил,
Будто Солнцу было любо разгораться без конца,
Было любо синю Морю уносить в простор гребца.

Книга X

ХОРОВОД ВРЕМЕН

Всегласность

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Посвящаю эти строки матери моей
Вере Николаевне Лебедевой-Бальмонт,
Чей предок был
Монгольский Князь
Белый Лебедь Золотой Орды

1

Конь к коню. Гремит копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
В лете коршуна не тронь.

Да и лебедя не трогай,
Белый Лебедь заклюет.
Гей, дорога! Их у Бога
Столько, столько — звездный счет.

2

Мы оттуда, и туда, все туда,
От снегов до летней пыли, от цветов до льда.

Мы там были, вот мы здесь, вечно здесь,
Степь как плугами мы взрыли, взяли округ весь.

Мы здесь были, что то там, что вон там?
Глянем в чары, нам пожары светят по ночам.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши — долы, наши — реки, села, города.

3

Для чего же и дан нам размах крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.

Для того, чтобы воздух от свиста крыл
Был виденьем крылатых сил.

И закроем мы Месяц толпой своей,
Пролетим, он блеснет светлей.
И на миг мы у Солнца изменим вид,
Станет ярче небесный щит.

От звезды серебра до другой звезды —
Наш полет Золотой Орды.
И как будто за нами бежит бурун,
Гул серебряно-звонких струн.

От червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цветы всегда,
Золотая живет Орда.

4

Конь и птица — неразрывны,
Конь и птица — быстрый бег.
Как вдали костры призывны!
Поспешаем на ночлег.

У костров чернеют тени,
Приготовлена еда.
В быстром беге изменений
Мы найдем ее всегда.

Нагруженные обозы —
В ожидании немом.
Без вещательной угрозы,
Что нам нужно, мы возьмем.

Тени ночи в ночь и прянут,
А костры оставят нам.
Если ж биться с нами станут,
Смерть нещадная теням.

Дети Солнца, мы приходим,
Чтобы алый цвет расцвел,
Быстрый счет мы с миром сводим,
Вводим волю в произвол.

Там где были разделенья
Заблудившихся племен,
Входим мы как цельность пенья,
Как один прибойный звон.

Кто послал нас? Нам безвестно.
Тот, кто выслал саранчу,
И велел дома, где тесно,
Поджигать своим «Хочу».

Что ведет нас? Воля кары,
Измененье вещества.
Наряжаяся в пожары,
Ночь светла и ночь жива.

А потом? Потом недвижность
В должный час убитых тел,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршун пролетел.

Прилетел и сел на крыше,
Чтобы каркать для людей.
А свободнее, а выше —
Стая белых лебедей.

5

Ночь осенняя темна, уж так темна,
Закатилась круторогая Луна.

Не видать ее, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звездных есть лучей.

Вон, раскинулись узором круговым,
Звезды, звезды, многозвездный белый дым.

Упадают. В ночь осеннюю с Небес
Не один светильник радостный исчез.

Упадают. Почему, зачем, куда?
Вот, была звезда. И где она, звезда?

Воссияла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звездой.

А Дорога-Путь, Дорога душ горит.
Говорит душе. А что же говорит?

Или только вот, что есть Дорога птиц?
Мне уж мало убеганий без границ.

Мне уж мало взять костры, разбить обоз,
Мне уж скучно от росы повторных слез.

Мне уж хочется двух звездных близких глаз,
И покоя в лебедино-тихий час.

Где ж найду их? Где, желанная, она?
Ночь безлунная темна, уж как темна.

Где же? Где же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Светят звезды, не просветят в мире тьму.

Упадают. За чредою череда.
Вот, была звезда. А где она, звезда?

6

— Где же ты? Тебя мы ищем.
Завтра к новому летим.

— Быть без отдыха — быть нищими.
Что мне новый дым и дым!

— Гей, ты шутишь? Или — или —
Оковаться захотел?

— Лебедь белый хочет лилий,
Коршун хочет мертвых тел.

— А не ты ли красовался
В нашей стае лучше всех?

— В утре — день был, мрак качался.
Не смеюсь, коль замер смех.

— Гей, зачахнешь здесь в затоне.
Белый Лебедь, улетим!

— Лучше в собственном быть стоне,
Чем грозой идти к другим.

— Гей, за степи! Бросим, кинем!
Белый Лебедь изменил. —

Скрылись стаи в утре синем.
В Небе синем — звон кадил.

7

— Полоняночка, не плачь.
Светоглазочка, засмейся.
Ну, засмейся, змейкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только б счастья
Поле счастья — без межи.

О, светлянка, поцелуй!
Дай мне сказку поцелуя!
Лебедь хочет жить ликуя,
Белый с белой в брызгах струй.

Поплывем, — не утоплю.
Возлетим, — коснусь крылами.
Выше. К Солнцу! Солнце с нами!
— Лебедь... Белый... Мой... Люблю...

8

Опрокинулись реки, озера, затоны хрустальные,
В просветленность Небес, где несчетности Млечных Путей.
Светят в ночи веселые, в мертвые ночи, в печальные,
Разновольность людей обращают в слиянность ночей.

И горят, и горят. Были вихрями, стали кадилами.
Стали бездной свечей в крутозданности храмов ночных.
Морем белых цветов. Стали стаями птиц, белокрылыми.
И, срываясь, поют, что внизу загорятся как стих.

Упадают с высот, словно мед, предугаданный пчелами.
Из невидимых сот за звездой упадает звезда.
В души к малым взойдут. Запоют, да пребудут веселыми.
И горят как цветы. И горит Золотая Орда.

1908. Ночи Зимние
Долина Берез

ТРИНАДЦАТЬ ЛУН

I
ЯНВАРЬ

Славянский Просинец, в сосульках весь, Январь,
Как будто Новый Год, как будто смотрит в старь,
Поставлен Декабрем, и словно вправду царь.

Морозит, и казнит, и носит горностай,
Пощады от него в лесу не ожидай,
А все же знает сам, что будет Март и Май.

Хотя у Января и долог белый зуб,
Хоть золотом лучей по-старчески он скуп,
Труби в метель-трубу, — что толку в ревах труб?

Едва Январь вошел в хрустальный свой дворец, —
Раскрыла чуточку Весна цветной ларец,
И стали дни расти и петь Зиме конец.

Поют они, поют, и луч на них блеснет,
Поют они, что вот снежинкам спутан счет,
Что льды-то хороши, а тает все ж и лед.

И слушает Январь, бледнеет, побелел,
Синеет, весь застыл, увидел свой предел,
Так, Просинец, синей, конец тебе приспел.

II
ФЕВРАЛЬ

Февраль — Сечень, Февраль — печаль,
Короткий день, а дня нам жаль,
Короткий день, и длится ночь.
Тут как менять? Тут как помочь?

Февраль, он круг, Февраль, он лют,
Ему лишь ветры стих поют.
Сечет он снегом лица нам,
Сечет он зиму пополам.

Февраль — предатель. Бойся тот,
Кому Февраль теплом дохнет.
Он греет час, в обманах дней,
Чтоб ночью было холодней.

III
МАРТ

Март капризный, Март безумный, Итальянцы говорят,
Месяц тот, что пред Апрелем — так его, боясь, крестят.

Стонут мартовские кошки, в нашем сердце и на крыше,
И сказать нам невозможно, где свирепее, где тише.

Март у матери взял шубу — продал мех на третий день,
Март неверный, Март смеется, Март рыдает, свет и тень.

Март ворчит как старый старец, Март лепечет как ребенок,
Март приходит львом могучим, а уходит как ягненок.

Входит в кровь и в сновиденья, влажным делает наш взгляд,
Март безумный, Март безумный, Итальянцы говорят.

IV
АПРЕЛЬ

Апрель — разымчивый Цветень,
Апрель — сплошной Егорьев день,
В упорной схватке свет и тень.

Пучинный месяц, жив прилив,
Разлив широк, поток красив,
От мига — час для новых нив.

Последних льдинок тонкий звон,
Прилет крылатых завершен,
Поют и вьют, вступают в сон.

Но все ж, хоть много снов зажглось,
Двенадцать раз седой Мороз
Посеребрит луга, откос.

И будет рыжая Луна,
Врагиня грез, она страшна,
Цветам в ней ржавчина одна

Но если холод — лиходей.
Егорий есть в разливе дней,
Защита трав, полей, зверей.

На белом ездит он коне,
И щит его в живом огне,
Седло в цветочной пелене.

Он появляется в лесах,
Весь в красном золоте, в звездах,
Златые кудри — в жемчугах.

И зверю он дает наказ,
Пчеле велит, чтобы зажглась,
Покинув улей в ранний час.

Егорий едет — слышишь гром?
Егорий рушил водоем,
Егорий, песнь тебе поем.

V
МАЙ

Май, Май,
Светлый рай,
Обнимай да не замай.
Май, Май,
Цветничок,
В роще светленький лужок.

Май, Май,
Свежий сон,
Колокольцев нежный звон.
Ландыш здесь,
И ландыш тут,
Это ландыши поют.

Май, Май,
Нежный весь,
Шопот там, и смехи здесь.
Как струна,
Из ветвей,
Звонко кличет соловей.

Май, Май,
Ты — Весна,
Ты — окошко для зерни.
Вдруг пошлешь
Даже снег,
На часок, для больших нег.

Май, Май,
Ты хорош,
Не забыл ни цвет, ни рожь.
Май, Май,

Ты — уста,
Трепет тела, красота.

Май, Май,
В коноплю,
В лен влагаешь ты «Люблю».
Сказок рай,
Урожай,
Поцелуй нас, Май, Май.

VI
ИЮНЬ

Июнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просветленная.
Кто родится в Июне, никак одному не сумеет помочь:
В душе его век будет греза влюбленная,
Душа его будет бессонная.

В зеленом Июне цветут все цветы,
Густеет осока прохладными свитками,
Белеет купава, как стынущий лик чистоты,
Дрема навевает вещательность сонной мечты,
О маленьком счастьи безмолвную речь с маргаритками
Ведет незабудка, и шепчет: «Припомнишь ли ты?»
Цветет и влюбляет ночная фиалка пахучая,
И рдеют сердечки гвоздик луговых.
Кто в Июне войдет в этот мир, каждый цвет, его
сладостно мучая,
Будет сердцу внушать, что любить нужно их,
Эти сны, лепестки, и душа его станет певучая,
Расцвеченная, жгучая.

И в Июне, в Иванову ночь.
Он искать будет папорот-цвет,
На вопрос невозможный — желанный ответ,
На вопрос, что, мелькнув, уж не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Даст, быть может, огонь златоцветный ему,

Чтоб удвоить, за мигом сияния, тьму,
Чтоб в единственный час,
Где минута с минутой — как искра спаленная,
Тайный папорот-цвет, излучившись, погас,
Чтоб в душе его песнь задрожала стозвонная,
Чтоб душа его стала бессонная.

VII
ИЮЛЬ

Июль — верхушка Лета,
В полях, в сердцах — страда.
В цвету — все волны света,
Цветет — сама вода.

Цветет все ярко-ярко,
Расплавлен самый день,
Все дышит жарко-жарко,
Жужжит, и жжет слепень.

В Июле хоть разденься,
Не станет холодней.
Гроза, вскипи и вспенься,
Спусти дождей с цепей.

Так ноют ноги, руки.
О, Лета перелом,
Мне легче эти муки,
Когда я с кем вдвоем.

Сияй же мне, зарница,
И молнией мне будь,
Лети же в сердце, птица,
Открой мне в Вечность грудь.

Греми же, колесница
Венчанного Ильи,
Окутай, огневица,
Все помыслы мои.

VIII
АВГУСТ

Зарничник, Зарев, Ленорост,
Дожать, вспахать, посеять,
Пожары сел, паденье звезд,
Пожары листьев, звездный мост.
Куда? И что лелеять?

Серпы нагреты, а свежей,
Чем было там, в Июле,
Все песни спеты, и слышней,
Чем песня, крики журавлей.
Вон, в Небе потонули.

Усекновение главы
Великого Предтечи,
Успенье, Спасы, все ли вы
Собрали все с стеблей травы,
И все ль свершились встречи?

Нам много ль яблоков дано.
Орехов, урожая?
Копейка, хлеб, закром, гумно,
И снова брошено зерно,
И озимь — вот, живая.

Но были ласточки — и нет,
Цветок пылал — и где же?
Он в листьях, в мертвых — пламецвет,
Стригут овец, и Год одет,
Но реже Солнце, реже.

IX
СЕНТЯБРЬ

Вовсе Лето проводили,
И как будто легче нам,
Все скосили, в полной силе,
Все пожали, по домам.

Ветерки от полуночи
Попрохладней понеслись,
Это Осень смотрит в очи,
Эй Сентябрь, не холодись.

Хоть готовы нам кафтаны,
И дрова для всех печей,
Ты в ползучие туманы
Луч последний свой пролей.

Ишь, послушал. Бабье лето.
Две недели есть тепла.
Паутинки в море света,
Даль прозрачная светла,

Золотые в сердце слитки,
Шутит Маем седина,
Взгляды, первые засидки,
Ты откуда, песнь, слышна?

Не рябина ли запела,
Что краснеет красота?
Или отдых после дела?
Или Вздвиженье Креста?

Уж не знаем, только праздник,
В Небе, в сердце, золотой.
Эй Сентябрь, да ты проказник,
Ну, всесветник бабий, спой.

X

ОКТЯБРЬ

Снег неверный, листопад.
Светлой Осени закат,
Пьяный Свадебник, оброк,
Закругляющийся срок.

Кто дожил до Октября,
Поработал он не зря,

В Октябре, как в Марте, в нас
Живо сердце, ум погас.

В Октябре-то, примечай.
Хоть и грязь, а словно Май,
Вот как сваты будут здесь
Путь означится мне весь.

Земляники в Октябре
Не ищи ты по заре,
А рябина — есть, горька,
Да сладка в руках дружка.

Не ищи ты и цветов.
По зазимью, на Покров,
Да уж есть один цветок,
Мне дружок сказал намек.

Посылает он, Покров,
Девке — снов, земле — снегов,
Землю выбелит он тут,
Четко, в церковь поведут.

Белка сменит шерсть, — чиста,
Скручен лен, — дождусь холста,
Необлыжною зимой,
Знаю, милый, будешь мой.

XI
НОЯБРЬ

Божий кузнец,
Дороги и реки кует,
Зиме изо льда он готовит ларец,
Алмазы вбивает в холодный венец,
Рассыпавши снег, разукрасивши лед,
Звонко кует.
Белая кузница — мир,
Весь оковал,
В иней не раз и не два одевал

Поле и лес,
Кличет метели на пир,
Смотрит на яркие звезды Небес,
Словно и им он дороги мостит,
Звезды по снегу, и звезды вон там,
Думает, думает, вдруг засвистит,
Мчится, летит, по лесам, по кустам,
Снова — ковать, и гвоздит, и гвоздит,
Гроб, что ли, нам?
Саваном белым в ночах шелестит,
Искрится белая смерть по снегам.

XII
ДЕКАБРЬ

Все покрыл белоснежным убором,
Завершил круговратности сил,
Вместе с звездами ходить дозором,
Не забыл ли чего? Не забыл.

Усыпил мертвецов по могилам,
Почивайте до лучшего дня,
И виденьем скользит белокрылым,
И проходит цепями звеня.

За Зелеными Святками в Белых
Он ведет приговорную речь,
Предстает в зеркалах помертвелых,
В заклинаньи колдующих встреч.

И гадает, пугает, гадая,
И счастливит, вопрос угадав,
И меняется сказка седая
Над забвеньем загрезивших трав.

Достигает кратчайшего света,
И с ночами ведет хоровод,
Повернет вместе с Солнцем на Лето,
С Новым счастьем, Земля, Новый Год.

XIII
ТРИНАДЦАТЫЙ

А кто же тот Тринадцатый?
Он опрокинул счет?
А кто же тот Тринадцатый?
— Я ваш отец, я Год.

Не я ли вам в кружении
Дал ведать бытие,
В различном выявлении
Различное свое?

И дал в цветы вам — снежности,
И дал в снега — цветы,
Свирель печали — в нежности,
И звезд для темноты

Не я ли дал сливаться вам
Из круга в круг другой,
Не я ли дал сплетаться вам
Как радугой — дугой?

Не я ль вам дал свободными
Сквозь три и десять быть,
Со днями хороводными
Сквозь нечет чет любить? —

Тринадцатый да славится,
Им весь оправдан счет!
В века веков да явится
Венчанным мудрый Год!

Да славится Тринадцатый,
Кем жив наш хоровод!
Да славится Тринадцатый,
Круговозвратный Год!

1907. Ночи Осенние
Soulac-sur-Mer
Villa Ave Maria

МАЙЯ

I
ИГРАТЬ

Играть на скрипке людских рыданий,
На тайной флейте своих же болей,
И быть воздушным как миг свиданий,
И нежным — нежным как цвет магнолий.

А после? После — не существует,
Всегда есть только — теперь, сейчас,
Мгновенье вечно благовествует,
Секунда — атом, живой алмаз.

Мы расцветаем, мы отцветаем,
Без сожаленья, когда не мыслим,
И мы страдаем, и мы рыдаем,
Когда считаем, когда мы числим.

Касайся флейты, играй на скрипке,
Укрась алмазом вверху смычок,
Сплети в гирлянду свои ошибок,
И кинь, и в пляску, в намек, в прыжок.

II
ЕГИПЕТ

Заснула земля.
Фиал переполненный выпит.

Задремавшие Боги ушли в Небосвод,
Гребцы корабля,
На котором Египет
Сквозь Вечность скользит по зеркальности Нильских вод.

Ушли Фараоны.
Их нарядные мумии спят,
Пред глазами людей восхищенными.
Все пирные звоны
Сменились напевом цикад.
Лишь звезды блестят и блестят над песками, самумом
взметенными.

И Сфинкс все глядит.
И Сфинкс все есть Сфинкс неразгаданный.
В зыби веков, что бегут и бегут вперебой.
И вкруг пирамид
Жизнь живет, вешний воздух весь ладанный,
Нил течет, и папируса нет, но лотос расцвел голубой.

III
ОАХАКА

Жасминный сон в саду мимозном
И многоразно цветовом,
Под Небом бездным, Небом звездным.
Где много дружных звезд вдвоем.

Весенний сад акаций белых,
И апельсиновых ветвей.
Помедли, Ночь, в своих пределах,
О, тише, тише, ветер, вей.

Мы здесь в стране, где, в Смерть вступая.
Кветцалькоатль вошел в костер,
А с краю Моря, золотая,
Звезда взошла, и пел ей хор.

Перистый Змей, он сжег все тело,
Но сердце в пламени — живет,
И до верховного предела.
Восходит в синий Небосвод.

И там гора есть мировая,
На ней верхи — как города,
На ней все Небо, отдыхая,
Глядит, как светится звезда.

На той черте, где слиты вместе
Земля и Небо и Вода,
Как в храм идет жених к невесте,
В лазурной тьме идет звезда.

И нежный — нежный, паутинный,
Доходит свет в весенний сад,
Покров лучей, и сон жасминный,
Сплетенный Вечностью обряд.

IV
ЦВЕТОК ЦВЕТКУ

Цветок цветку, с пчелой звенящей,
Шлет золотистую пыльцу.
И к отдаленному концу,
Над обнаженностью и чащей,
Несется, с бабочкой летящей,
Пахучесть дум, двойной расцвет,
Восторг цветенья, светлый след,
Воздушность пляски в зыби струйной,
Дух благовонья поцелуйный.

Не так ли я тебе пишу
Мое воздушное посланье,
Которой — сердцем я дышу,
К которой — в сердце я дышу,

С которой тонкое слиянье
Мне обещает мотылек
Моих цветисто-струнных строк,
Качанье лунного дыханья,
Дабы возник медвяный сок,
Жасминный дух благоуханья.

V
ПЕСНЬ ЗВЕЗДЫ

С первым солнцем, с первой песней вешнего дрозда
У меня в душе запела звонкая звезда.

— Как, звезда? Но звезды светят, вовсе не поют. —
О, поют, лишь только в сердце песне дай приют.

Ты услышишь и увидишь, что с вечерней мглой
Звезды тихо запевают в тверди голубой.

И меж тем как Ночь проходит в синей высоте,
Песнь Созвездий звонче, громче в тонкой красоте.

Звонких громов, тонких звонов вышина полна,
Там серебряное море, глубина без дна.

Там безбрежность ожерельных, звездных волн поет,
От звезды к Созвездью нежность, сладкая как мед.

От звезды к звезде стремленье — в бриллиантах петь,
Лунным камнем засветиться, паутинить сеть.

Паутинить паутинки тех тончайших снов,
Для которых в наших взорах пир всегда готов.

Погляди же, ближе, ближе, здесь в мои глаза.
Ты не видишь как поет там звездно бирюза?

Ночь весеннюю я слушал до утра звезду,
И душа открылась Солнцу, и тому дрозду.

И душа открылась сердцу, твоему, любовь.
О, скорей на звездный праздник сердце приготовь.

VI
ЛАНДЫШИ

Ландыши вы белоснежные,
Не соты ль вы лунных пчел?
В шестигранные келейки нежные
Заоблачный сон вошел.

Вы сладостно, радостно дышите,
Душистый лелея сон.
Звоните тихонько, и слышите,
Лишь вы тот слышите звон.

Нет, не только. До самого звездного
Неба, где Полночь — бледна,
Где как будто бы в чарах морозного
Сияния светит Луна, —

Уходит напевами вольными
Колокольный ваш призрачный звон,
Над тенями берез тонкоствольными,
Призывая на свой амвон.

Проникаясь душисто молебнами,
Вплоть до лунных звоните вы сел,
И звонами тонко-хвалебными
Ответствуют сонмы пчел.

С Луною пчелы прощаются,
И вниз скользят по струне,
В ландыши внутрь помещаются,
И тихонько жужжат к Луне.

Вон видишь, в дома шестигранные,
В снежистость, в душистость вошли,
Золотистые, малые, странные,
Их не слышно в цветочной пыли.

Но не слышно лишь нам. Все ж в волнении,
Если ночью близь ландышей мы,
Словно в пеньи мы, в мленьи, в молении
Белозвонной мглы — полутьмы.

VII
ЛИШЬ БОГ

Лишь Бог — творец, лишь Бог — всезрящий,
Лишь Бог — над вихрями планет,
За ними, в них, везде, в грозящей
Провальной мгле, и в травке спящей,
В орле, и в ласточке летящей,
Лишь Бог — поэт.

Гремите, солнечные струны,
Звените, лютни бледных лун,
Пропойте «Бог» в морях, буруны,
Запомним все, пока мы юны,
Начальный звук венчальной руны:
Лишь Бог — колдун.

VIII
ДЛЯ ЧЕГО?

— Для чего нам Солнце засветилось сегодня?
— Для радости зрения лика Господня.
— Для чего же оно горело вчера?
— Для радости зрения лика Господня.
— А завтра зачем? — Чтоб воскликнуть: Пора!
Будем в радости зрения лика Господня.

IX
ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Poiché vivo per te sólo.[1]

Люблю тебя, люблю как в первый час,
Как в первый миг внезапной нашей встречи.
Люблю тебя. Тобою я зажглась.
В моей душе немолкнущие речи.
И как мою любовь я назову?
Восторгом ли? Мученьем ли? Борьбою?
Ей нет конца, покуда я живу,
Затем что я живу одним тобою.

X
СТРУННОСТЬ

Oh quanto ti amo.[2]

Завершены часы священных оргий.
Я знал. Любил. Безумствую. Люблю.
Застыв, как тень, в паническом восторге,
Биения моих терзаний длю.

Благоговейно, гимнами хорала,
Во мне поет бессмертная любовь.
Не говори, что блеска в жизни мало.
Благослови. Люби. Не прекословь.

XI
РАССВЕТ

С первым птичьим криком Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
В озере все Небо отражалось,
Полночь в безглагольном отразилась.

---

[1] Поскольку я живу только для Вас (*итал.*).
[2] Ах, как я тебя люблю (*итал.*).

Тихая, в безгласном задержалась,
Капли звезд из звездного ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звездное качнула коромысло,
Капля с Неба свеялась к Земле,
И одна былинка шевельнулась,
Изменив серебряные числа,
Вся сребристость в числах пошатнулась,
Птицу разбудив в росистой мгле.

Вскликнула, и с легким этим свистом
Целый замок рушился молчанья,
И раздался всюду тонкий звон.
Птичий хор напевом голосистым
Двинул звуковые колебанья,
Шевельнул затоном серебристым,
И румянец бросил в небосклон.

XII
АУ

Твой нежный смех был сказкою изменчивою.
Он звал, как в сон зовет свирельный звон.
И вот венком, стихом тебя увенчиваю,
Уйдем, бежим, вдвоем, на горный склон.
Но где же ты? Лишь звон вершин позванивает.
Цветку цветок средь дня зажег свечу.
И чей-то смех все в глубь меня заманивает.
Пою, ищу, «Ау! ау!» кричу.

XIII
МАЙЯ

Я тебя восхваляю, о, Майя живая,
Трепетом струн.
Ты свой круг завершаешь, в сияньях вступая
В тринадцать Лун.

Ты везде со мною, где любовь огневая
Мне шепчет: Ты юн.
Ожерелье сплетешь, но жемчужины, тая,
Льются в бурун.
И буря хохочет, как ведьма седая,
Как злой колдун.
И буря разъялась, ты вновь голубая,
О, Майя, ты снова идешь, круговая,
В тринадцать Лун.

1908. Апрельские Зори. Птичьи голоса
Долина Берез

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

I
ГОЛУБАЯ ПТИЦА

Я живу в дворце, чье имя — Царство Мая.
Прилетает к окнам Птица голубая,
Крылья у нее и перья — цвета дней,
Цвета голубых пространственных зыбей.
И поет та Птица. Говорит про время.
Мне как будто капли падают на темя.
Будто синих молний жгут меня лучи.
Дождь ли раскаленный? Не могу понять я.
Но, закрыв глаза, колдую я: — Молчи.
Вот, кому-то снова я раскрыл объятья.
Губы, в поцелуе, шепчут: — Навсегда.
Взоры, приоткрывшись, мечут блеск заклятья.
Изумрудны листья. Говорит вода.
Исчезает в далях Птица голубая.
И другие птицы плещут в Царстве Мая.

II
ИДУНА

Там, где древо мировое,
Там, где ясень Игдразил,
Слышно пение живое,
И как будто звон кадил.

Это — пение Идуны,
И когда ты невзначай,
Проходя, услышишь руны,
Вложишь в струны вечный Май.

Это — пение Идуны,
На узорчатых ветвях,
Там, где яблоки — как луны,
И как солнца в облаках.

Это — пение Идуны,
Чей напев — рожденье струй,
Чьи глаза, лазурно-юны,
Необманный поцелуй.

Кто, любя расцветы в мире,
К Игдразилу подойдет,
Тот увидит лик валькирий,
Изопьет душистый мед.

Кто с Луной и с Солнцем в мысли
От зари и до зари,
Глянь, здесь яблоки нависли,
Встань, целуй, люби, бери.

Это — пение Идуны,
Верь в согласный звон кадил,
Дым от жертв и возглас юный
Вечно в Небо доходил.

III
ЛЕН

Лен две недели цветет.
Спеет четыре недели,
На седьмую же семя летит.
Лен — голубой небосвод,
Лен — во влюбленном Апреле
Звон предрассветной свирели,

В лунной ночи сталактит.
Лен — голубой он и белый,
Это есть два,
Лен в мировые уходит пределы,
Всюду сияет его синева,
Это четыре,
Ибо четыре есть таинства в Мире,
Север и Юг и Восток и Закат,
Белый и черный и красный и злат,
Если ж в пещеру мою, где горит
Лунное множество плит,
Если в пещеру
Лен поглядит,
Вот, мы исполнили меру,
Семь засветилось, живет сталактит.
Семя летит,
Светится нежная бледность лица,
Весь осиян голубой небосвод,
Девять в нем лун, —
Чтоб дополнился счет.
Лен две недели цветет,
Им же не будет конца.

IV

ВЕНЧАННЫЕ

В саду проходит юный,
С ним рядом молодая.
В ветвях звенят им струны,
Ручей, с камней спадая,
Поет, поет, поет,
В цветах им светлый мед.
Невеста — Полночь Мая,
Жених, он кто? Узнай.
Он День, а может, Май?

На нем одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба так согласны,

Взаимности покорны.
Целует он ее,
«Ты все, ты все мое».
Ее мечты узорны,
Как бриллиант она
В оправе черной сна.

Жених — светловолосый,
Глаза его — зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ее — затоны,
В них светлая печаль,
Прозрачней, чем хрусталь.
В саду проходят звоны,
Поют цветы, дыша:
«Влюбленность хороша».

Весь Май процеловались,
В Июнь зашли, не зная,
Заря с зарей встречались,
Любовников встречая.
И свет вошел во тьму,
И все отдав ему,
Бледнея, Полночь Мая
С Июньским нежным днем
Растаяла огнем.

V
СЕМИК

Семицкая неделя — зеленая, русальная,
Часы Зеленых Святок, во всем году единые,
В душе тоскует сказка, влюбленная, печальная.
И быстро разрешится в те ночи воробьиные.
Вот девушки. Куда они? Лесной мечтой дышать.
Вот девушки. Куда они? Кукушку провожать.
Семик, четверг зеленый, березка завита.
О чем же ты тоскуешь, стыдливая мечта?

Влечет река во влажность, течет река хрустальная.
О, девушки, куда вы? Русалки защекочут вас.
А если не войдете, прощай мечта венчальная.
О, девушки, куда вы? Русалки захохочут вас.
Войдешь в реку, забудешься, утонешь ты в воде.
Уйдешь от вод, и сон уйдет, и нет его нигде.
О, девушка, войди в хрусталь, но в воды травку кинь,
Спасет тебя одна трава, печаль, печаль, полынь.

VI

ТЕЛО ИГРАЕТ

Тело играет,
Душа глядит.
Тело в лугах незабудки сбирает,
Тело уходит в скит.
Маки срывает, меняет свой вид,
В страшности, в страстности входит, взирает.
В полдни и в ночи себя убирает,
Выхватит нож,
Скажет — хорош.
Сплетет, заплетет без конца поцелуи.
Брызнет — огни. И огни хороши.
Вечные струи.
Все ж у души
Взора оно не смутит.
Вот оно снова, по пыльной дороге, на Храм собирает.
Тело играет,
Душа глядит.

VII

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Могучий рог, изогнутый и полный,
Пьянящим медом — предо мной.
Я пью, я пью, живительные волны
Умчали душу под Луной.

О, Царь-Девица, Лебедь вековая,
Как искрометен этот мед.
Он стар, он стар, и потому, живая,
Волна в душе моей течет.

И этот рог, что ты, о, Царь-Девица,
Мне поднесла, становится жезлом.
И я царю, и ты горишь, зарница,
Мы будем молнией вдвоем.

И этот рог, что ты, о, Царь-Девица,
Мне поднесла, становится рулем.
И мы скользим, летит двойная птица,
И мы плывем, и мы плывем.

VIII
ЦВЕТ НОЧНОЙ

В мозг мой, в зрение, и в слух
Влился нежный женский дух.
И в душе расцвет цветка,
Имя — девичья тоска.

Этот, ласковый цветок
Между травок одинок.
Как вечерний слышен звон,
Голубой и белый он.

А как Ночь на высоте
Звезды мчит к одной черте,
Он, меняясь каждый час,
Смотрит глубью жадных глаз.

То засветится как трут,
То блеснет как изумруд,
То ласкательно-лучист
Задрожит как аметист.

В малом домике пожар,
В храме свечи — Божий дар.

Опрокинувшись в воде,
Кличет в глубь звезда к звезде.

В спадах вод хрустальный звон,
Целый лес заворожен.
В безглагольности озер
Звездно-зыбкий разговор.

А как Ночь на высоте
Отойдет к своей черте,
На прогалине лесной
Расцветает цвет иной.

Он как рдяность нежных ран,
Застыдился, он румян,
Он горит, не хочет ждать,
Хочет вовсе красным стать.

IX
ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Лунный камень, тихий пламень, тихий пламень, не простой,
То прозрачный, то туманный, сребротканный, золотой.
То скользящий, словно в чаще луч-фонарик светляка,
То грозящий, словно в чаще ждет колдун исподтишка.
То как тайна Океана, что, седой, бессмертно-юн,
То как ранний свет тумана, то как звоны дальних струн.
То как раковина Моря, что как будто бы горит,
А как будто не для глаза, а для слуха говорит.
То как змейный свет опала, то как сказка жемчугов,
Как церковный звук хорала в час спасенья от врагов.
То как верба в ночь ущерба, или в первый миг серпа,
Лунный камень, струнный пламень, от тебя в тайник тропа.

X
МАЗУРКА

Я видел, как ты танцевала мазурку,
Легко ты скользила в волне звуковой,

И вдруг я увидел — Снегурку — Снегурку,
Растаяла — тучкой летит пред Луной.

Не Солнце пресветлый твой лик озаряло,
Лучи серебристой Луны,
И было воздушно твое покрывало,
И бледные пели в свирельностях сны.

XI
ВСЕЗВЕЗДНОСТЬ

Я хотел бы быть последним между первыми вождями,
Я держал бы стремя Богу, видя сонмы звезд над нами,
Я служил бы как невольник тем, в которых все — свобода,
Я бы каплей, каплей вспыхнул в пресеченьи Небосвода.

XII
ПО БЛЕДНОЙ ДОЛИНЕ

По бледной долине приходят, уходят, проходят несчетные
духи,
Там юноши, взрослые, малые дети, и старцы идут, и старухи.

С Востока на Запад, с Заката к Востоку, и снова на Запад
с Востока,
Приходят, уходят, и ходят, и бродят, не знают ни часа,
ни срока.

Встречаясь, качают они головами, и шепчут о благости Бога,
И все, проходя, проиграют цепями, и вечно, и вечно дорога.

И вдруг от Востока на Запад прольется разливное красное
пламя,
Один усмехнется, другой ужаснется, но каждый почувствует
знамя.

И вдруг от Заката к Востоку вернется и злато, и бархат,
и алость,
И духи считают, колдуют, гадают, пока не сомнет их
усталость.

Тогда, бесконечно взывая о мести, о чести, о славе, о чарах,
Несчетные духи, согбенно, проходят, как тени, в безмерных
пожарах.

По бледной долине, в пустыне, как в сплине, доныне
безумствуют духи.
И юноши седы, и дряхлые дети, и юны, меж старцев, старухи.

XIII
ЦАРИ СИЯНЬЯ

...Цари сиянья отошли,
Они разгневались на это.
И, старым, нет нам больше света,
Он только там, вверху, вдали.

Лазурные престолы пусты,
Всецельность превратилась в топь,
В периодическую дробь,
И мраки Ада цепко-густы.

Когда ж окончится наш срок,
И снова будут дни младые,
И снова стебли золотые
Взнесут лазоревый цветок?

XIV
ОДИНОЧЕСТВО

Я боялся людей, презирал, ненавидел их,
Через это прошел я, и рубеж навсегда перешел,

Как могу их винить, если Рок мировой всех обидел их?
Я один, но безгневно над темными шествиями зол.

Здравствуй, еще и еще, Одиночество,
Я зажег тебе тихую вечернюю свечу,

И немые, как лампада, тайные пророчества
Я качаю в душе, и молчу.

XV
ПТИЦА

И птица от меня летела по Вселенной,
Когда я замолчал на темной высоте.
Внизу крутился вал, дробился, многопевный,
И птица от меня летела по Вселенной,
Непобедимая в крылатой красоте.

Мелькали корабли, как тени в тусклом свете,
Поднявши стержни мачт и зыбя паруса.
На каждом корабле бледнели старцы-дети,
И всюду брат с сестрой, сквозь сон тысячелетий,
Играли в поцелуй, в цветке была оса.

Все было сказано. Кто хочет, будет пленный.
Кто хочет, примет страх чрез Царскую Печать,
И будет враг Земли, и будет враг Вселенной.
Но вал к скале придет, и брызнет сказкой пенной.
И буду я стоять. И думать. И молчать.

1907. Maizo pazzo. С высокой башни
Париж. Пасси

ПЛЯСКА ЗНОЯ

I
ОН

Хотя он похож на Огонь, он незрим.
Он был, когда не было жалобы: — «Было».
Века перед ним — как молитвенный дым.
А Солнце и Звезды и Месяц — кадила.

Он смотрит в сердца замолчавших людей,
Где страшные вдруг восстают вереницы.
В зрачках он у тигров, в улыбках детей,
И в малом он горле распевшейся птицы.

II
МЕСТО МОЕ

Место мое — на пороге мгновенья,
Дело мое — беспрерывное пенье,
Сердце мое — из огня,
Люди, любите меня.

Счастье мое — в светловзорной измене,
Сказка моя — и в глубинах, и в пене,
Голос мой манит, звеня,
Звезды, любите меня.

III
ПО МОРСКОМУ

В Море, с Морем, по морскому,
Только грому помолясь,
Я баюкаю истому,
Радость знать перунный час.

Было, будет только это,
Радость лета и весны,
Брызги взрывчатого света
С бурно-взрытой вышины.

Радость молний преломленных,
Пир стозвонных павших плит,
Алый храм в морях бездонных,
И в пожаре — Световит.

IV
МИНУТКА

Дать,
Взять,
Угадать.
То как друг,
А то как тать.
Вечно дева,
Вечно мать,
Звук напева,
Луч мечты,
Крылья молний,
Это ты.

V
АТОМ

Атом — Ангел, вспышка в Море,
Человека не хочу,

Я огонь в немом узоре,
Лучший возглас в разговоре,
В мире битв — молюсь мечу.

Дай мне вечность — опрокину,
Я есмь я, и каждый — я,
Не хочу входить в картину
Как черта, и, вольный, стыну,
Но моя мечта — моя.

VI
ОТ АТОМА

От атома — до человека,
От человека — до богов,
И в долгий век Мельхиседека
От звона мигов и часов.

От неподвижности — в самумы
Взметенно-зоркой быстроты,
От тиши — в грохоты и шумы,
В разломы цельной красоты.

Да будет. Это все приемлю.
Отец мой — Ум, и Воля — мать,
Но я слепил из точек землю,
Чтоб снова точки разметать.

VII
АТОМЫ ВРЕМЕНИ

Мы в извивных
Вспевах взрывных,
Мы втекаем в Да и Нет.
Мы в Безликом
Лик за ликом,
Иней звуков, прах примет.

Мы свеченье,
Зыбь теченья
В Океане мировом.
Дрожь в намеке,
Малость, строки,
Буквы в рунах, песнь в немом.

Мы забытость,
Глянцевитость
Всеокружного жерла.
Миг живем мы.
Но поем мы,
И звучат колокола.

Мы снежинки,
Паутинки,
В капле влаги — миллион.
Он рыдает,
Не считает.
Но творим мы Небосклон.

Он смеется,
В тайнах вьется,
Все же знаем мы, кто Он.
В лик — от лика,
В песнь — от крика,
В хороводности Времен.

VIII
НАЧЕРТАНИЯ

Круговой полет планет,
Их сплетенья в темноте,
Полосой идущий свет
Метеоров и комет,
Ужасающих примет
В говорящей пустоте.

Это все — мои черты,
Начертанья вещих рун,

Это — я, я это — ты,
Чтоб над бездной пустоты
Были звездные цветы
В нескончаемости струн.

IX
ОГНЕННАЯ ЖАТВА

Клокочет огненное море,
Горят зловещие румянцы,
На Солнце рушатся в просторе
Вскипанья чувств, протуберанцы.

Что в Солнце в этот миг боролось?
Узнать ли нам, теням пожара!
Но в нем горел гигантский колос,
Свершилась жатвенная чара.

X
СУХОЙ ПЕРУН

Сухой туман, когда цветенье нив —
Проклятье дней, хлебов плохой налив.
У нив зарницы даже — на счету,
Сухой Перун — сжигает рожь в цвету.

Сухой Перун — роняет в травы ржу,
И чахнет цвет, что радовал межу.
Перун желает молний — из зарниц,
Небесных — должен он пьянить девиц.

XI
ПОЛОНЯННИК

— Почему ты, дух свирельный,
Вечно носишься, кружишься,

Ни на миг не отдохнешь?
На качели ты метельной,
Вправо, влево, к дали мчишься.
— Я — плененный. — Это что ж?
— Надо мной обряд крещенья
До святого завершенья
Не был доведен.
Потому что поп был пьяный,
Был он рваный и румяный.
Опрокинул свечи он.
Разукрасил крест цветами,
Говорит: «Веселье с нами.
Благовестье бытия».
И вина он налил в воду:
«Это душам даст погоду».
А погода, это — я.
— Что же дальше? — Я — влюбленный,
Дрожью звуков полоненный,
В брызгах, в прихотях Огня.
Раб себя, страстей свободных,
Полонянник Чернородных,
Носят Дьяволы меня.
Посижу — и вдруг соскучусь,
Погляжу — совсем измучусь.
Где я? Что я? Запою.
Все по-новому о старом.
Все бы дальше, все бы к чарам.
Вею, рею, вею, вью.

XII
МАК

Кто маки срывает,
Тот гром вызывает,
В Брабанте сказали мне так.
И вот почему я
Весь вздрогну, ликуя,
Дрожу, заприметивши мак.

XIII
ДВЕ РЕЧИ

Есть обиходная речь,
Это — слова,
Которыми жизнь в ежедневном теченьи жива.
А для единственных встреч
Двух озарившихся душ, или тел,
Есть и другая, напевная речь.
Ветер ее нам однажды пропел,
Видя в лесу,
Между трав,
Как в просветленности нежных забав
Любовь целовала красу,
Ветер ее прихотливо пропел,
И закружился, и прочь улетел.
В этот же час
Сад был от яблонь влюбляюще бел,
И по Земле, в отдаленный предел
Сказка любви понеслась,
В трепете белых, и всяких цветков,
В пении птиц, и людей, и громов.

XIV
СТРЕЛА

Говорят — полюби человеков.
Хорошо. Только как же мне быть?
Ведь родителей должно мне чтить и любить?
Кто ж древнее — Атлантов, Ацтеков,
Ассириян, Халдеев, Варягов, Славян?
Коль закон — так закон. Нам он дан.
Человеков люблю — в ипостаси их древней,
Глаза были ярче у них, и речи напевней,
В их голосе слышался говор морей,
Луной серебрились их струны,
О богах и героях вещали им руны,
И клинопись им возвещала о мощи великих царей.
Но руны, и клинопись — стрелы,
Острия,

Бьющего метко, копья.
Уходите же вы, что в желаниях бледных не смелы,
Человеки, в свои удалитесь пределы.
Лук дрожит. Догони их, вестунья моя.

XV
ПЕРЕВАЛ

Справа — горы, слева — горы,
Справа, снизу, там узоры
Задремавших сел.
Слева — кручи, слева — тучи,
Слева слышен зов певучий,
То прорвался ключ гремучий,
И завел,
Мысль повел он по извивам,
В беге срывном и счастливом
Пляшет он по склонам скал,
Вот запал,
Вот юркнул,
В царстве камня потонул,
Снова, ящерицей, глянул,
Залукавил, промелькнул,
Снова скрытности оставил,
Вырос, поднял целый гул,
Закурчавил
Гребни скал,
И от сел,
Миновавши перевал,
Влево — влево он ушел,
И рокочет, не устал,
И от выси в самый дол
Свеже-брызжущую влагу лентой светлою провел.

XVI
НЕБЕСНЫЙ БЫК

На золотых рогах
Небесного быка,

В снежистых облаках,
Где вечная река, —
В лазури высоты,
Слились живым венком
Багряные цветы
Над сумрачным быком.
Возрадовался бык,
Возликовал, стеня,
Любить он не привык
Без громного огня.
Он гулко возопил,
И прокатился гром,
Как будто омут сил
Взыграл своим жерлом.
Прорвались облака,
Небесный глянул луч,
Три сотни для быка
Коров стоят вокруг.
И в празднике огня
До каждой есть прыжок,
И каждая, стеня,
Любовный знает срок.
И сладостен разрыв
От острия любви,
И много влажных нив
В заоблачной крови.
А к вечеру вдали
Зажглась в выси звезда.
И на ночлег пошли
Небесные стада.

XVII
ВЕДОГОНЬ

У каждого есть ведогонь.
Когда ты заснешь, он встает,
В крылах его дышит полет,
Осмотрится, дунет, идет,
Окреп, улетает, не тронь.

Он волен, когда мы во сне.
И разный нам видится сон.
Вот птица, лазурь, небосклон,
Не мы это видим, а он,
И тонем мы с ним в вышине.

Вот ветер бежит по цветам.
Красивый с красивой, их два,
Бессмертная сказка жива.
Целует. И дышит трава.
Заснувшим так сладко устам.

Вот ссора, чудовищный вид.
С ножом ведогони, беда,
Открылась и льется руда,
Ты спишь, ты уснул навсегда.
Смотри. Ведогонь твой убить.

XVIII
ЕДИНО-РАЗНЫЙ

Мы вносимы
В светы, в дымы,
Мы крутимы
Без конца.
В светозарный
Гром ударный,
В мрак сердец и в свет лица.

Но покуда
Есть Иуда,
Есть и чудо
Для людей.
Светлый мститель,
Искупитель
Омрачающих страстей.

И покуда
Нам отсюда

Изумруда
Светит свет,
Мчит нас белый
Бог — в пределы
Красных солнц и всех планет.

XIX
СЕМЬ

Из дыханья — камень красный,
Из воздушного — ужасный
По громоздкости бесстрастной.

А из камня, из забвенья,
Из земли, отяжеленья —
Изумрудное растенье.

Из растенья, из ночлега
Тайно-жаркого побега —
Зверь, взглянуть — так это нега.

А из зверя, встал из зверя, —
То богатство, иль потеря, —
Человек, всебожность меря.

Из него, из человека, —
То силач, или калека, —
Бог растет в века из века.

Бог встает, за богом боги,
Бесконечные дороги,
Многи мраки, звезды многи.

Это — шесть, но семь — священно,
Выше бога, неизменно,
Что на Вечном — в миге пенно.

XX
ВСЕБОЖИЕ

В водах есть рыбы, — и боги есть рыб.
В воздухе птицы, — есть боги крылаты.
В травах свернулась змея вперегиб, —
Вещий есть Змей, бог любви, хоть проклятый.
Боги лесные — как волки глядят.
Боги ночные — как враны.
Боги дневные — как солнечный взгляд,
Боги бесчасья — слепые туманы.
Люди всегда о богах говорят,
Им отдают все несчетные страны.
Сами богами над Миром мы здесь
Будем, — он наш будет весь!

XXI
ВЫЗОВ

Бряцать на кимвалах — умерших религий,
Вериги носить — отошедших веков,
И вечно быть в букве, и вечно быть в книге, —
Довольно. Я в бунте. Довольно оков.
Я только оставлю, там в сердце лелея,
Зелено-Перистого Змея себе,
Волшебного Фея, цветистого Змея, —
И вызов бросаю Судьбе!

XXII
ПЕСНИ БЕСОВСКИЕ

Песни бесовские, песни приязные,
Мысли мирские, плесканья, плясания,
Были вы прокляты, звезды алмазные,
Подслеповатость гнала вас в изгнание!
Гнали вас, пляски Весны хороводные,

Вот и загнали в леса изумрудные,
Любо скликаться вам, птицы свободные.
Сколь вы прелестные, сколь многочудные!

XXIII
ДЖЭЛАЛЬЭДДИН РУМИ

Тот, кто знает силу пляски,
В том, как в вихре, светит Бог,
Ибо смерть он знает в ласке.
Алла — гу!
В дальнем, в близком, в вышнем, в низком,
В миге Вечность, в буре вздох,
Знает он любви смертельность.
Алла — гу!

1907. Золотой Сентябрь. Зеленый Океан
Souiac-sur-Mer
Villa Ave Maria

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА

Посвящаю мое видение
бессмертной памяти провидца наших дней,
Словацкого

Tu król, co jękiem harf zwyciężyć nniema
I głośniej grać... niż mrący ludzie jęczą.
Słowacki

1. БАЮ

Я только знал, в те дни, в те дни единственные,
Когда был юн, я знал лишь звоны струн,
Лишь орлий крик, огни, и сны таинственные,
Поцеловать, и вбросить в девять лун.
Найдя цветок, сорвать его с медлительностью,
Чтоб взять слегка с цветка цветочный сок,
И вдруг уйти, пленивши ослепительностью,
Чтоб жил в другом намек, всегда намек.
И в чем была та сила-чаровательница,
Что мне дала такой изведать путь?
Не знаю, нет. Привет тебе, ласкательница,
Ты пела мне: Заставь их всех уснуть.
Баюкал я своими колыбельностями,
Качал мечту, качели хороши.
Из грёзы — жизнь, с обрывками и с цельностями,
«Баю» любви, к душе «баю» души.

2. ЭТО БЫЛО

...Это было, это было, и не будет вновь,
Потому что только Сила говорит: «Мой час готов!»
Потому что даже дети — детства лишены,
И в войну играют в детской, слыша резкий свист Войны.
Все, что было затаенно, выявилось вдруг,

Гнойность злоб, обид, и гнета, расширяющийся круг.
  Там, вовне, готовят пушки, шепчется лиддит,
Здесь, под тенью перекладин пляшет пляску динамит.
  Обезумевшие братья — злейшие враги.
Револьвер, кинжал, и петля. Мсти за месть. И грабь. И жги.
  О, безумны те, что шутят силою Огня.
Бойтесь жизни больше казни, раз убийство шутка дня.
  Подождите! Бой неравен. Пресеките нить.
Лучше быть сто раз убитым, чем хоть раз один убить.
  Подождите! Претерпите пытку до конца.
Я клянусь вам: будет праздник Озаренного Лица.
  Но в то время как я спорю с вихрями времен,
От расстрелов и пожаров стал весь красный небосклон.
  И в то время как на ниве в маках вся межа,
Мальчик мой принес из детской два блестящие ножа.

3. ПЕСНЯ ОРЛИНАЯ

Я долго медлил и внимал
Напевам вышнего орла.
Луна была как бы опал,
Лик Солнца был воздушно-ал,
Как будто кровью истекал,
И кровь уж бледною была.
То не был день. Ни день, ни ночь.
Я был на бархатном лугу.
О, пой, орел! Пророчь, пророчь!
Пропой: Все было так точь-в-точь,
В века умчавшиеся прочь,
На Сумерийском берегу.

На многобожном берегу,
В затоне стран, в реке времен,
Где враг был волчьи рад врагу,
И пел кроваво: «Все могу!»
И кедры высей гнул в дугу,
Чтоб был отстроен Вавилон.

Смотри, орел, мы тоже здесь
Воздвигли тридцать этажей.

Мы Шар Земной сковали весь,
У вышних туч мы сбили спесь,
Над Шаром шар пустили днесь,
Превыше свиста всех стрижей.

Смотри, достигнем и тебя.
Орел певучий и седой.
Воздушный флот идет, губя
Тех, кто в лелеяньи себя
Слабее нас. Гляди: дробя,
Мы взрыв бросаем золотой.

Кто смел восстать на наше Мы,
И наше обмежить Хочу?
Внизу там были воинств тьмы,
Но мы прошли быстрей Чумы,
Из вашей облачной сумы
Им выслав пламя — саранчу.

Над Шаром — шар. Весь Шар земной
Единой Воле подчинен.
Еще немного, и с Луной
Мы многоцветной пеленой
Оплетемся в шар один, двойной,
И дальше, в Звездный Небосклон!

Так пел я, клекоту внемля,
Что раздавался с высоты.
Вдруг, словно якорь с корабля,
Орел упал. И вольно, для
Полет, парит — и где Земля!
Я с ним. — Ну, что же, видишь ты?

Я видел. Чем я дальше плыл,
Тем больше таял круг Земли,
Земля была среди светил
Как бы кадило меж кадил,
Меж точек точка, свет могил,
Земные Чары все ушли.

Но, удаляясь от Земли,
Я не приблизился к Луне,
И Звезды Неба шли и шли,
Звезда к звезде, стада вдали,
В снежисто-блещущей пыли,
В недосягаемом Огне.

И вдруг я вскрикнул в звездной мгле,
И вдруг упал орел седой.
Я был в воздушном корабле, —
Лежу разбитый на Земле.
Орлиный дух познав в Орле,
Кому ж скажу я: «Песню спой!»

4. КОМЕТА

По яйцевидному пути
Летит могучая комета.
О чем хлопочет пляской света?
Что нужно в мире ей найти?

Рисует вытянутый круг,
Свершает эллипс трехгодичный,
И вновь придет стезей обычной,
Но опрокинется на Юг.

Она встает уж много лет,
Свой путь уклончивый проводит,
Из неизвестного приходит,
И вновь ее надолго нет.

Как слабый лик туманных звезд,
Она в начале появленья —
Всего лишь дымное виденье,
В ней нет ядра, чуть тлеет хвост.

Но ближе к Солнцу, — и не та,
Уж лик горит, уж свет не дробен,
И миллионы верст способен
Тянуться грозный след хвоста.

Густеет яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета светится сердито,
Сплошной пожар — ее нутро.

Сопротивляется эфир
Ее крылатости в пространстве,
Но Солнце в огненном убранстве
К себе зовет ее на пир.

К себе зовет ее, прядет
Вселенски-светлые дороги,
И луны, в страсти — крутороги,
Ведут венчальный хоровод.

Верховная пылает даль,
Все уменьшается орбита.
В Жар-Птицу Ночи — воля влита
Все уже скручивать спираль.

Пол-Неба обнял рдяный хвост,
Еще пронзенья и червонца,
И взрывность рухнется на Солнце,
Средь ужасающихся звезд.

1908. Ночи Зимние
Беркендаль

В БЕЛОЙ СТРАНЕ

Псалом Безмолвия свершается сгорая,
Горит закатами пустыня ледяная.
Разъявшаяся ширь загрезивших стихий,
Безгласность ясная Полярных Литургий.

Над морем Белизны багряная завеса,
Здесь царство хрусталей, здесь нет полей и леса.
Ряд белых алтарей, глядящих в Небо, льдов,
Всходящая мольба, без просьб, Псалом, без слов.

В БЕЛОЙ СТРАНЕ

Небо, и снег, и Луна,
Самая хижина — снег.
Вечность в минуте — одна,
Не различается бег.

Там в отдалении лед,
Целый застыл Океан.
Дней отмечать ли мне счет?
В днях не ночной ли туман?

Ночь, это — бледная сень,
День — запоздавшая ночь.
Скрылся последний одень,
Дьявол умчал его прочь.

Впрочем, о чем это я?
Много в запасе еды.
Трапеза трижды моя
Между звезды и звезды.

Слушай, как воет пурга,
Ешь в троекратности жир,
Жди, не идет ли цинга,
Вот завершенный твой мир.

Жирного плотно поев,
Снегом очисти свой рот.
Нового снега посев
С белою тучей идет.

Вызвать на бой мне пургу?
Выйти до области льдов?
Крепко зажав острогу,
Ждать толстолапых врагов?

В белой холодной стране
Белый огромный медведь.
Месяц горит в вышине,
Круглая мертвая медь.

Вот, я наметил врага,
Вот, он лежит предо мной,
Меч мой в ночи — острога,
Путь мой означен — Луной.

Шкуру с медведя сорву!
Все же не будет теплей.
С зверем я зверем живу,
Сытой утробой моей.

Вот, возвращусь я сейчас
В тесную душность юрты.
Словно покойника глаз
Месяц глядит с высоты.

Стала потише пурга,
Все ж наметает мой след.
Тонет в пушинках нога,
В этом мне радости нет.

Впрочем, кому же следы
В этой пустыне искать?
Снег, и пространство, и льды,
Снежная льдяная гладь.

Я беспредельно один,
Тонут слова на лету.
Жди умножения льдин,
Дьяволы смотрят в юрту.

* * *

Я из бедной страны.
— Кто сказал? Кто сказал? —
Я из бедной страны.
Лета нет. Нет весны.
День мой мал.

Ты из пышной страны.
— Кто сказал? Кто сказал? —
Ты из пышной страны.
Нежны чары Луны.
Свежи снежные сны.
Жив кристалл.

Шесть безумных смертей.
— Кто сказал? Кто сказал? —
Шесть безумных смертей,
Шесть тридцатостей дней,
Шесть безумных ночей.
Я устал.

Шесть негаснущих дней.
— Кто сказал? Кто сказал? —

Шесть негаснущих дней,
Шестью тридцать огней,
Шесть костров, все светлей.
Вот, ты ал!

— А потом? Что потом?
— Кто сказал? — Я сказал. —
— Ты, с горячим лицом? —
— Я, вещун. Что потом? —
— Смерть с венцом. — Смерть с концом?
Я упал.

* * *

Явились, вот, один, другой,
И третий, и четвертый.
Их не ударишь острогой,
Не ткнуть рукой, не пнуть ногой,
Здесь лишь глядеть на мертвый рой,
Здесь тени распростерты.

Их пронизая острием,
Не досягнешь ни мало.
Не отступают пред мечом,
Они во всем, они ни в чем,
И каждый смотрит палачом,
Твердя: Конец — начало.

Четвертый, пятый, и шестой,
Седьмой, восьмой для круга.
Тринадцать их передо мной,
Темнеют, зыбясь пеленой,
Вне чисел вьются под Луной,
От Севера до Юга.

Восток захвачен и Закат,
И верх и низ — все в мире.
Везде на тень наткнется взгляд,
Грозящий призрачностью Ад,

Три измеренья, говорят,
Они твердят — четыре.

Замкнись, — недостоверна дверь,
Проходят через стены.
Смешались — завтра и теперь,
И верь себе или не верь,
Кругом — тысячеглазый зверь,
Поток с мерцаньем пены.

Какой-бы маленький предмет
Ни встал передо мною,
За ним зловещий тенесвет,
За ним, пред ним ползучий след,
Бесплотный дух, что мглой одет,
И оживлен Луною.

Замкнулся наглухо в юрте,
Но ждать недолго буду.
Какой-то шопот в духоте,
И чей-то хохот в темноте,
Пришли, сошлись, густеют — те,
Со мной, во мне, повсюду.

* * *

Тюлень. Пингвин. Глупыш.
Снега. Мерцанье. Тишь.

Ищи. Хоть целый день.
Глупыш. Пингвин. Тюлень.

Пройди. Весь снег до льдин.
Тюлень. Глупыш. Пингвин.

И сам я отупел.
Слепит простор. Он бел.

И сам я стал как зверь.
Все дни одно — Теперь.

Гляжу, перед собой.
Сижу, слепой, тупой.

Себя не различишь.
Снега. Мерцанье. Тишь.

* * *

Белоглазые пингвины,
Сумасшедший птичий дом.
Брюхом белы, черны спины,
И как будто мыслят ртом.

Уж не молятся ли Богу,
Чтобы пищи он послал?
Нужно ж есть хоть понемногу,
А живот у них немал.

Вверх поднявши клюв прожорный,
Позабыл летать пингвин,
Брюхом белый, задом черный,
Растолстевший господин.

С неизвестной мглой не споря,
Угол взяв за целый мир,
Получает ренту с моря
И с земли двойной банкир.

Вместо крыльев, культи — руки,
Пища — снизу, что ж летать.
С Небом лучше быть в разлуке,
Близко, низко, тишь да гладь.

Паралитики для лета,
Отреклись в своем крыле

От небесного намета,
Чтобы ползать по земле.

На прибрежи, в числах цельный,
Раздаваясь в даль и в ширь,
Многобрюшный, многотельный,
Сытый птичий монастырь.

Вон проходят над волнами
Чернобелою толпой,
И культяпыми крылами
Помавают пред собой.

Вон, напыжившись, яруют.
Два и два, откинув лбы,
Шеи шеями целуют,
Привставая на дыбы.

Предполярное виденье,
Альбатрос наоборот,
Птица — земность, отупенье,
Птица — глупость, птица — скот.

* * *

— Дьявол, кто ты? — Ветер, Ветер.
— Что ты ищешь? — Я свищу.
— Что ты ищешь? — Долю, волю.
Вьюсь, свиваюсь, трепещу.
Возрастаю в вихре свиста.
Замираю, чуть шепчу.
Медлю там, где степь цветиста.
Моровую язву мчу.
— Дьявол, Дьявол, для чего же
Ты цветы смешал с чумой?
— Иль не все одно и то же?
Мчать что мчится — праздник мой.
И ужели не пригоже
Цвет цветет разъятых ран?

Красен мак, и язва — тоже.
Я — прохожий чрез туман.
— Ты — жестокий! Дьявол, Дьявол!
— Зззить! — Качнулася Луна. —
— Стой! — Куда там! Скрылся Дьявол.
Полночь. Сумрак. Тишина.

* * *

Если б мне хотя вина,
Этой огненной воды!
Был бы бочкой я без дна
От звезды и до звезды!

Я бы выпил за снега,
Раз в снегах мне жить дано.
Я бы выпил за врага,
Раз сражаться суждено.

Я бы выпил за себя,
Раз родился я такой.
Винный кузов теребя,
Упивался б день деньской.

А теперь? Я пью лишь кровь,
Да густой, как деготь, жир,
Чтоб идти за зверем вновь,
Обеспечить скучный пир.

Я пьянею лишь тогда,
Как от лунной темноты
И от ветра, иногда,
Мерно пляшет дверь юрты.

И ручной пингвин в тиши
Трется об ноги мои,
И змеиности души
Я качаю в забытьи.

* * *

Я нашел, как развеять мне скуку,
Как быть светлым мне в муке моей.
Я от Ветра разведал науку
Быть веселым в напеве скорбей.

Запою, заведу, загуторю,
Сам с собой без конца говорю.
Не позорно ль быть преданным горю?
Можно в сердце затеять зарю.

Всю равнину от края до края
Я прошел в этом царстве снегов.
И певучие руны слагая,
Заносил их на снежный покров.

И пройдя по зеркальности синей,
Начертал я заклятья на льду,
Опушил их серебряный иней,
Заманил в заговор я звезду.

Проиграло мне хором Молчанье
Безглагольную песню свою.
Из снегов предо мной изваянья,
Я в них жизнь заклинаньем впою.

Этим Месяцем желтым, ущербным,
Покачнувшим златые рога,
Сохранившимся прутиком вербным,
Я велю вам: Живите, снега.

Оживляются странные лики,
Много созданных снежных людей.
Если б было немного брусники,
Я б раскрасил в них пламя страстей.

Подожду, как совсем покраснеет,
Пред ущербом последним, Луна.

Капли три она крови мне свеет,
Я их вброшу, в их сердце, до два.

* * *

Снежные люди устроены,
Снежные боги при них.
Люди, как каста, утроены,
Бог — дополнительный стих.

Месяцем боги отмечены,
Кровью ущербной Луны,
В членах они изувечены,
Быть как отдельность должны.

Те, — как болезнью слоновою
Важно распучив живот, —
С алчностью смотрят суровою,
Мир это пища им в рот.

Те, развернув семипалые
Руки, по тысяче рук,
Зубы оскалили алые, —
Надо почтенья вокруг.

Те, разукрасившись блестками, —
Женская будет статья, —
Вместе с мужчинами — тезками
Славят восторг бытия.

Груди у них поразвешаны
Вроде как будто лозы,
Взоры глядящих утешены,
Даже до нежной слезы.

Дальше герои вельможные,
Палица в каждой руке,
Это — столпы придорожные,
Дамбы в великой реке.

Если без них, так разъедется
Влага в чрезмерный разлив,
Лоб здесь у каждого медится,
Каждый охранно красив.

Дальше — со лбом убегающим,
Это советники все,
Взором мерцают мигающим
В мудрой и хитрой красе.

Зная, что столь предпочтителен
Зад пред неверным крылом,
Их хоровод умилителен,
Каждый мешок здесь мешком.

Дальше — фигуры медвежия,
Храбрости бравый оплот,
Кровью помазаны, свежия.
Сильные, добрый народ.

Я освятил их заклятьями,
Кровью своей окропил,
Будьте здесь слитными братьями,
Связью устойных стропил.

Я освятил их напевами,
Кровью и птиц и зверей,
Будьте как юноши с девами,
В страсти любовной своей.

Я освятил их гаданьями,
Кровью ущербной Луны,
Будьте моими созданьями,
Будьте, хочу, вы должны.

Я прохожу в этом множестве.
Кровью я лики кроплю,
Царствуйте здесь в многобожестве,
Каждого я полюблю.

Будут вам жертвы багряные,
Алости снова и вновь,
Капли кроплю я румяные,
Чару влагаю я в кровь.

* * *

Я из белой страны.
— Кто сказал? Кто сказал? —
Я из белой страны,
Я из белой страны.

* * *

Прежде, видя, как снежинки
В воздухе летают,
Говорил я: серебринки,
Говорил: с цветов пушинки,
Стаи фей летают.

И конечно. Ведь красивы.
Ишь как шелушатся.
Заплетаются в извивы,
И летят, как хлопья ивы,
Пухом вниз ложатся.

Да постой. Не так уж глуп я.
Знаю те алмазы.
Да, узнал. Не так уж туп я.
Это — кожа, это — струпья
Моровой Проказы.

Там на Севере, седая,
И еще на Юге,
Спит Проказа мировая,
И скребется, восставая,
На Полярном круге.

Позевает, поскребется,
Налущит лохмотий,
Глянет, плюнет, и ругнется,
Туча на небе сберется,
Тут на повороте.

На углу ворот Полярных,
Ведьминому сказу
Послушая, в клубах парных
Накопила снов угарных,
Понесла заразу.

На зеленые поляны
Дунет, все повянет.
Заморозила туманы,
Бросит между трав изъяны,
Мертвый узел стянет.

И посыплет, и засеет,
С краю и до краю.
Цепенение навеет,
Заметелит, завладеет,
Брежу, засыпаю.

* * *

В западне я у врага.
Где же быть мне? Здесь в юрте?
В этой душной тесноте?
Или выйти на снега?
Как выходят на луга?
Там теснее в пустоте,
В безграничности того,
Что едино и мертво.
Я вольнее между стен,
Где хоть тени перемен,
Где хоть это для меня: —
Тихий треск и скок Огня.
На равнине я мертвец

В безграничности гробниц.
Где начало есть конец
В одноцветном без границ.
Там я в вольности — скелет,
Здесь я в тесности — живой.
Мной зажженный — дышит свет
В этой келье гробовой.
Только выйду, видно мне,
Что со мною никого.
Здесь же в жарком полусне
Оживает вещество.
Я подушку обниму,
Я с покрышкой говорю.
И шепчу я в полутьму
К неизвестному, ему.
Мне отрадней и вольней
Закрывать свои глаза,
Обращаясь мыслью к ней,
Чьи глаза как бирюза.
С непостижной говорю,
Распаляюсь и горю,
В теле есть такой огонь,
Что уж вот я не один.
Ветер взвыл. Ну, что ж, трезвонь,
Но меня в тиши не тронь,
Здесь не царство диких льдин.
Здесь хоть в грезе, я ловлю
Чье-то нежное «Люблю»,
Хоть в гробу, но властелин.

* * *

Я узнал сегодня ночью,
Что воочью, что воочью
Вещи все — живые.
Я зажег огонь, и думы
Думал, думал. Ветра шумы
Доходили до меня,
Круговые.

Я глядел на скок Огня.
Сине-красную он пляску
Начинал и изменял,
Взявши желтую окраску.
Зачинал иную сказку,
Становился снова ал,
В дым бежал, в седые дымы,
Перемешивался с ними,
Прогонял их от себя,
Бил их прутьями цветными,
Языками расписными,
Пламецветности дробя,
Сам собою обольщался,
Голубою клятвой клялся,
Что нельзя же не любя
Так неистово метаться,
Так несдержанно гореть,
Был как золото, как медь,
Фиолетово мерцая,
Начинал тихонько петь,
Вился, дымы обнимая,
Снова дыму пел: Не тронь,
Нет, не тронь, ведь я Огонь.
Золотился реже, реже,
Загрязнялся чаще, чаще.
И на шкуре я медвежьей
Размышлял, что я пропащий,
Что когда-то я весной
Был с любимою женой.
Проходил по вешней чаще,
Каждый листик был алмаз,
Каждый цветик нежил нас,
О, я помню, как коснулся
Я губами нежных губ,
Как невольно усмехнулся
Я на свежесть поцелуя,
Каждый, к зубу льнущий, зуб,
Каждый нежный белый зуб
Мне любовно улыбнулся,
Жил в отдельности ликуя.

О, я помню как меня
Тонкий ток пронзил огня,
Как я сжал ее, и ало
Улыбалася заря,
И лесная тишь качала,
Без конца, и без начала,
Двух влюбленных, в ком, горя,
Было счастье обниматься,
Так, вот так, прижать, прижаться,
Так, вот так... Постой, постой,
Что такое, что такое,
Что такое здесь со мной?
Я лежу в палящем зное
С изумительной женой!
На медвежьей был я шкуре,
А теперь — в объятьях чьих?
В поцелуйной дикой буре,
Мне Огонь поет свой стих,
Я в истомности касаний,
Я целую, я дрожу,
Я в сияньи, я в тумане,
Кто со мной, не услежу,
Что со мной, не расскажу,
Я вступил в огонь горячий,
Телом я вошел в весну,
Я захлебываюсь в плаче,
В сладком хохоте стону,
И кругом, с Огнем качаясь,
Расцвечаясь в красоте,
Отраженьями встречаясь,
Пляшут вещи все в юрте,
Пляшет утварь, пляшут стены.
Сумрак шепчется живой,
Все в дрожаньи перемены
Поцелуй есть теневой,
К огневому средоточью,
Словно шабаш круговой,
Всех вещей стянулся рой.
Это видел я воочью,
Нынче ночью, нынче ночью,
И теперь уж я — другой.

* * *

Что там в складках волчьей шубы?
Что-то есть там? Кто-то скрыт?
Усмехнувшиеся губы?
Кто-то молча говорит?

Мне подмигивает. Вижу.
Осовелые глаза.
А! проклятый! Ненавижу!
Тощий дьявол и коза.

Закривившаяся морда,
Полусломаны рога.
А при этом смотрит гордо,
Словно — вот, мол, съем врага.

Шевельнул я краем шубы.
Надоело. Уходи.
Снова тут. Оскалил зубы.
Хвост означил позади.

Ну, чего ты? Говори же.
Раз пришел, так для чего?
Ухмыльнулся. Смотрит ближе.
Видно, хочет своего.

А чего, ему известно.
Вправо, влево он мигнул.
Встали тени, так, что тесно.
В голове, как в улье, гул.

Расползлись, как черви, лики,
Копошатся и глядят.
Хоть ручные, все же дики,
И косят неверный взгляд.

Полузвери, полурыбы,
Птицезмеи, жадный рот.

Дивных стран живые глыбы,
И на них бесовский скот.

Диво — пастбище видений
Распаленного ума.
Кто вы, тени? Что вы, тени?
Ваша матерь — Смерть сама?

Луг ваш — дух умалишенный?
Тощий Дьявол — ваш пастух?
Язвы памяти бессонной,
Саранчою полный слух!

* * *

Вновь ушел, и вновь пришел.
Чей же это произвол
Гонит внутрь, и прочь, во вне,
И велит кружиться мне?

Там в клети — ручной медведь,
Здесь в юрте — ручной пингвин.
Что же, песню им пропеть:
Сжальтесь, звери, я один?

Тут еще — ручной тюлень.
Что ли, с ним поговорить?
Я, мол, видывал сирень,
Я умею нектар пить.

Тоже был, мол, кое-где,
Тоже я не кто-нибудь,
Обратя свой взор — к звезде,
Начинал свой дальний путь.

А не выгорело, — что ж,
Приходи сюда другой.

Посмотрю я, как пойдешь
По безбрежности морской.

Посмотрю я, как дойдешь
До величья белых льдин,
Как мечта увидит ложь
Ею тканых паутин.

Это Полюс? Может, да.
А быть может, что и нет.
Полюс наш в душе всегда,
В первозданности примет.

Вот примета: Поцелуй.
Вот примета: Вздох — люблю.
Вот примета: Взрывность струй.
Зов русалки: Утоплю.

Вот примета: Долгий взгляд.
Сердце к сердцу. Полюс — здесь.
Ты же шел — всегда назад,
Проходя простор свой весь.

Ты лишь думал, что вперед
Уходил и уходил.
И ушел. В бесцельном. Вот.
В безглагольности светил.

* * *

Какая ночь! Все звезды. Полны числа.
Узоры дум, что мыслятся не здесь.
Качается златое коромысло,
И влагой звездной мир обрызган весь.

В сияньи свеч, округлую равнину
Повсюду купол ночи обступил,
В раскинутом величии я стыну.
О, атом пытки в торжестве светил.

* * *

Я вспомнил что-то из того,
Что было некогда моим,
Теперь же — призрак, ничего,
Отшедший звук, ушедший дым.

Я был у моего окна,
В каком-то сладостном бреду,
А голубая вышина
Зажгла Вечернюю Звезду.

И вдруг я понял, что звено
Есть между вышнею и мной,
Что темный с светлой есть одно,
Что я земной и неземной.

И так душа была жива,
Как в Мае пляска светлых дев,
Душой — в одно слиявши два,
Я пел вселенский свой напев.

* * *

В мое окно глядит Вечерняя Звезда.
[Она же Утренняя].
Вокруг меня шумят ночные города.
[Они же утренние].
В моей душе навек слились и Нет и Да.
[И Да и Нет — их нет].

В моей груди дрожит благоговейный вздох.
[В нем и проклятие].
Вокруг моих гробниц седой и цепкий мох.
[Он и с расцветами].
Со мною говорят и Сатана и Бог.
[Их двое, я один].

* * *

О, паденье росы, при рождении дня,
Ветром навеянное!
Дар дивящихся трав, добровольная дань,
Ночью надуманная!

О, паденье дождя, на продольность долин,
Облаком свеянное!
О, рождение слез, в день единый из дней,
Веденье свидевшихся!

* * *

Зачем, звено с звеном свивая,
Сюда спустился светлый сон,
Звуча зурной, струной, свирелью,
Струя струю светлей зари?

Свевая сказки сонных листьев,
И в свисты свежий ветер влив,
Зачем влагает в слух — их слитность,
Зачем зовет, зачем, зачем?

За слоем слой снега в подлунной,
Пришла весна, весна ушла,
Зачем же светлый звон свирели,
Весло в волне зачем, зачем?

Шутя, блестя, шурша, как шалость,
Зачем тот шепот — шелк пришел,
Свирели счастья в саркофаге
Зачем, зачем, зачем, зачем?

* * *

Где же я?
Где же я?
Веет, сеет Небо снег.
Где же я?

Если б плыть.
Если б плыть!
Можно б встретить тихий брег,
Если б плыть!

Я в цепях.
Я в цепях!
Тело бело, мысли лед.
Я в цепях.

Не привстать.
Не привстать!
Не стряхнуть мертвящий гнет.
Не привстать!

Время нет.
Время нет!
Время было и прошло!
Время нет.

Белый свет.
Белый свет.
Где же я? Дрожит крыло!
Белый свет!

* * *

Не могу я быть в юрте,
Не могу уж, не могу.
Захлебнулся я в мечте,
Эти мысли, те, и те,
Вечно мысли стерегу.
Быть в измысленной черте
Не могу уж, не могу.

Не могу в юрте я быть,
Зрячий филин — и слепой.
Самого себя любить,
Душу в малости дробить,

Чтоб себя же обступить
Все собой, самим собой.

В Белый Мир пойду теперь,
Белый Ад хочу избыть,
Распахну я настежь дверь,
Быть с собою — то не быть.
Белый Мир, вступаю в бой,
С Белым Дьяволом, с тобой.
Белой Смерти я вкусил,
Столько, столько, что не счесть.
И вкушу еще, до тла.
Вот, ты есть и ты не есть,
Ты скорее лишь была.

Не считая капель сил,
И глядя на ток светил,
Я узор мечты плету,
Я бросаю свой уют,
Зажигаю я юрту,
Языки Огня поют.
Белый Мир, в последний бой
Выхожу теперь — с тобой,
Ты не сможешь победить,
И в тебе найду я нить
В сказку Жизни Голубой.

* * *

А воистину ли там,
Где обрублен лед водой,
А воистину ли там
Праздник жизни золотой?

Не приснилось ли мечте,
Что когда-то был я там?
Не приснилось ли мечте,
Рай и Ева и Адам?

Это вымыслы мои,
Чтобы спрятать круглый путь?
Это вымыслы мои,
Чтоб в снегах не потонуть?

Это хитрость пред собой,
Не скружиться на кругу?
Это хитрость пред собой,
Жить хоть как-нибудь в снегу?

А коль я наоборот,
Или тот же вечный круг?
А коль я наоборот,
Или вечно я сам-друг?

А коль я на перебег,
Не достигну ль я себя?
А коль я на перебег,
Или тот же вечный снег?

А коль я направо — так — ?
Что-то спуталось во мне.
А коль я налево — так — ?
Все тропинки я смешал.

Снова впрямь на перебег,
Там, быть может, новый путь?
Снова впрямь на перебег,
Есть тут лед, не только снег.

Ну, а если я пойду
Без оглядки вдаль по льду?
Ну, а если все вперед,
Может, что-нибудь найду?

Вплоть до синей до воды
Если я пройду все льды?
Ой, как скользко! Гладкий лед!
Нет ни смерти, ни беды.

Вплоть до влаги я дойду,
К синей влаге припаду,
Что там? Лишь не снег, не лед!
Что-нибудь, но там найду!

* * *

Вызвездило. Месяц в дымке скрыт.
Спрятал он во мгле свои рога.
Сумрачно. Но бледный снег горит.
Внутренним огнем горят снега.

В призрачности белой я слежу,
Сколько их, тех звездных паутин.
Как бы сплесть из них мне мережу?
В Вечном я. Один, один, один.

* * *

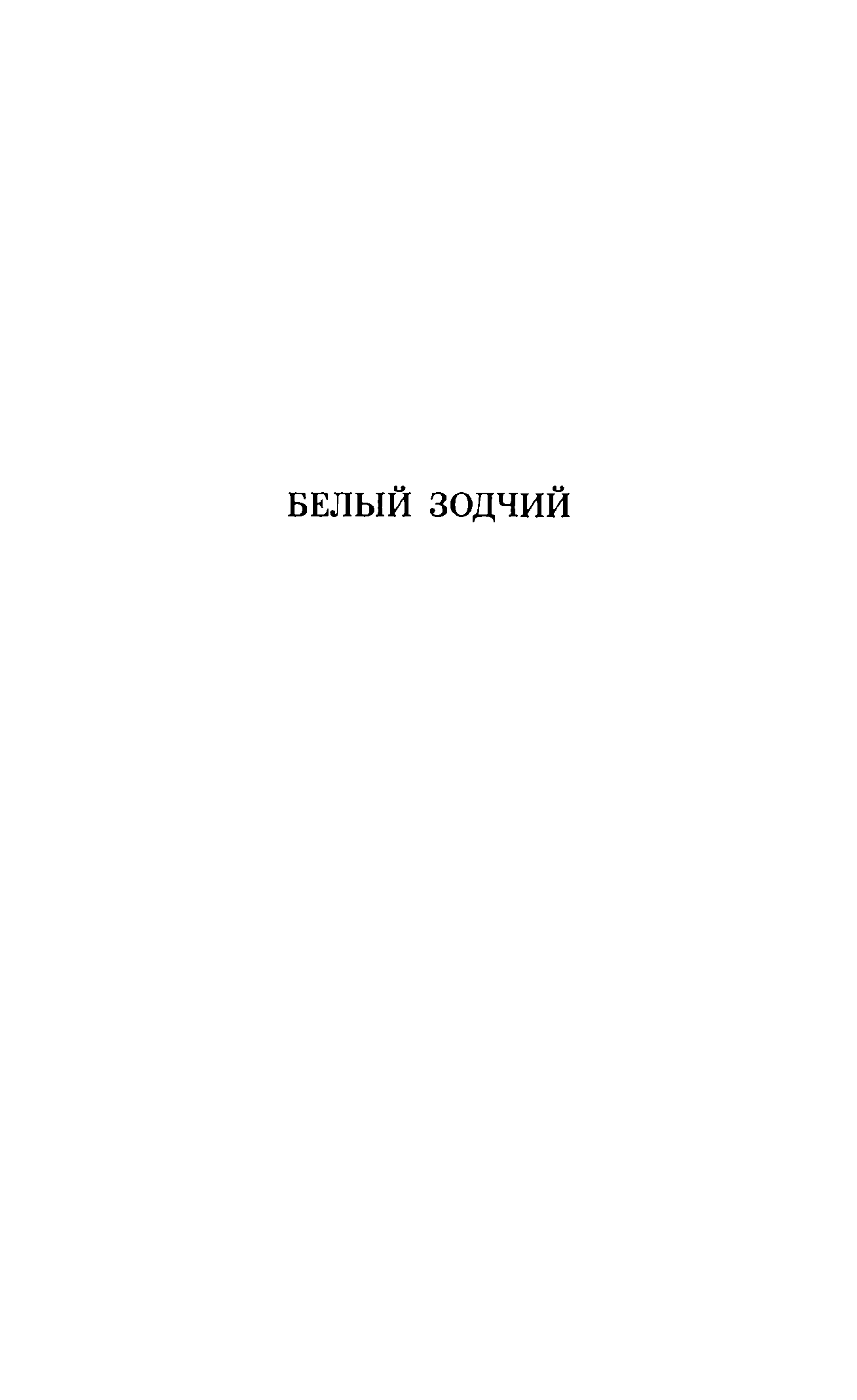
Я из белой страны.
— Кто сказал? Кто сказал? —
Я из белой страны.
На иную межу.
Я из белой страны
Ухожу.

* * *

Морской леопард — он не тронул меня,
Полярный медведь — он не тронул меня,
Лежали моржи и глядели,
И словно сосульки застывшей метели
Белели у них клыки.
Тюлени толпами — прощайте навек,
Прощайте пингвины, отродье калек,
Уходит, уходит от вас человек,
Уходит.

Вверху огоньки, и внизу огоньки,
Вверху звездомлечность Великой Реки
Узорные волны проводит.
И всполохи встали в цветистом бреду,
Сгорают.
А тут, на звенящем и призрачном льду,
Ответные звезды играют.
Свершилось. Звезду увидала звезда.
На льды голубая заходит вода.
Иду!

1908. Ночи Зимние. Белое Утро
Долина Берез

БЕЛЫЙ ЗОДЧИЙ

ЗЛАТЫЕ ВЕДРА

Пение Влаги — Земля. Первая песня — Огонь. Главная песня есть Воздух. Вставная песня есть Солнце. Песня последняя — Небо. Чти пятикратность в Дожде.

Упанишады

ЗЛАТЫЕ ВЕДРА

Любя полдневное светило,
Умножь свой день в полночный час,
Златое устреми кормило
Меж миллионов звездных глаз.
  Овейся пылью метеоров,
  Забудь заботы позади,
  И между многозвездных хоров
  Свой путь намеченный веди.
Вкруг солнц, по эллипсам продольным
И по законченным кругам,
Своим взнесеньем, летом вольным,
Являя многогроздный храм, —
  Сверкают помыслы Пространства,
  Самовопрос, самоответ,
  Самосвеченье постоянства,
  Толпы серебряных планет.
Созвездно-взвешенные мысли,
Глядят в колодец темноты,
На равновесном коромысле
Златые ведра льют мечты.
  Переплеснуло изобилье,
  Алмазы-грезы чертят путь,
  Раскрой звездящиеся крылья,
  Вбирай ночную свежесть в грудь.
Осеребрив свои полеты,

Упейся влагой золотой,
Тебя не спросят в безднах: «Кто ты?»
На праздник звезд лети звездой.

ИГРА

Тешься. Я игра игромая.
Нить в станке рукой ведомая.
Верься. Я игра играния.
В рдяных жерлах миг сгорания.
Серый камень внес в хоромы я.
Желтый тес скрепляю в здание.
Тес — пахучий,
Тот — гремучий,
Тес — из леса,
Тот — из гор.
Что нам холод!
Жив наш молот.
Где завеса?
Жив топор.
Камень — пламень
Онемевший.
Древо — сева
Ход зардевший.
В жизни — двое,
В смерти — два.
Дно — живое,
Синева.
Дно у чаши
Небосвод.
Жизни наши
Хоровод.
Дно у чаши
Опрокинь.
Что есть краше
Сна пустынь?
В дно у чаши
Загляни.
Мысли наши

Там — огни.
Дно у чаши
Звездосвод.
Жизни наши
Хоровод.
Вот топор лежит у лестницы.
В Небе ласточки нам вестницы.
Он лежит спокойно с молотом.
Оживил лазурь я золотом.
Я загадка. Различай меня.
Я лампадка. Засвечай меня.
Я — тяжелый.
Я — как пчелы.
Я — движенье
Острия.
Что есть краше?
Небо — наше.
Наше — пенье
Бытия.

БУБЕНЧИКИ

Качается, качается
Бубенчик золотой.
Душа моя встречается
С давнишнею мечтой.

Как будто изначальная
Означилась струя.
Прозрачная, хрустальная,
Поет мечта моя.

Бубенчики весенние
На сказочном лугу.
Душа моя все пленнее,
Быть вольным не могу.

В неволе я сияющей,
Бубенчики поют.

Я тающий, мечтающий,
В душе один уют.

Она в немом цветении
В играющем огне,
И кто-то в отдалении
Родной спешит ко мне.

Мерцающие венчики
Мне льют медвяный яд.
И слышу я, бубенчики
За лесом там звенят.

КУПАЛЬНИЦЫ

Вам первое место, купальницы,
  В моем первозданном саду.
Вы зорь золотых усыпальницы.
  Зовете. Глядите. Иду.

Вы малые солнца болотные,
  Вы свечи на свежем лугу.
Кадила вы нежно-дремотные.
  От детства ваш лик берегу.

Чуть глянете, вы уже маните,
  Чуть вспыхнете, вами горишь.
Весну возвещать не устанете,
  Зажжете осеннюю тишь.

Вы дышете, сон свой колышете,
  Зарю возвращая заре.
И исповедь нежную слышите,
  Что сладко любить в Сентябре.

УТРО

Светлый, бодро
Утро встреть.

Звонки ведра, —
В них не медь.

В них не злато, —
Серебро.
Путь возврата —
Лишь в Добро.

Путь возврата —
От зари
До заката —
Янтари.

Зерна четок,
Семена.
Тем, кто кроток,
Жизнь дана.

В блесках связность
Хрусталей.
Всю алмазность
Щедро лей.

Вылив людям
Полноту,
Мы отбудем
За черту.

Из иного, —
Взяты сном, —
Золотого
Там испьем.

И дождями
Бросив мост,
Будем сами
В сонмах звезд.

АЛТАРЬ

Разбросала в глубинностях Неба рука неземного Художника
Это пиршество пламенных зорь, перламутровых зорь
и златых,
Изумрудных, опаловых снов, и, воздвигши алтарь
для всебожника,
Возжигает в душе песнопенья, и волны слагаются в стих.

Далеко, широко, высоко, далеко, глубоко, в бесконечности,
И таинственно-близко, вот тут, загорелась и светит свеча,
Человек человеку шепнул, что чрез Бога достигнет он
Вечности,
Человек восприял Красоту, и молитва его горяча.

СИРИУС

Ослепительный, как Солнце, южный Сириус горит,
Правит воинством окрестным звезд столпившихся кругом.
Я душой слагаю плиты светлоцветных пирамид.
Тишь в ночи, но в глуби Моря спит, до часа, тайный гром.

И как будто в Океане, там в глубокой глубине,
Чары таинства свершились, и выходят из громад,
В звездной свите, Фараоны, чьи венцы горят в огне,
Чьим воленьем звезды Мира о Египте говорят.

В НОЧАХ

Далеко от минутных разговоров и споров,
Я следил за теченьем хороводных светил.
Там, где храмы возникли лучше наших соборов,
Там, где звезды качает в вековечности Нил.

И казалось мне странным, что живу я на свете,
Что я снова и снова в преходящем бреду.
И с высокого Неба, в переплеске столетий,
Закликали созвездья — в хоровод свой — звезду.

НОЧНЫЕ ВОЛШЕБСТВА

Я взял полумесяцы, месяцы, и самые круглые луны,
И самый утонченный серп, и самый заполненный диск,
И в звоны вложил многозвездия, и молнии вбросил
в буруны,
И вот я в Пустыне стою, застывший в ночи обелиск.

Заклятьем ночного кудесника взметнул я до звезд
песнопенья,
Но брызги напевов земных едва досягнули до них,
От грани до грани Пустынности дрожит звуковое свеченье,
Но вечно, пока человек, я только оборванный стих.

ИЗВИВ

Если гирляндой гремучей
В Небе ты молнии свяжешь,
Если ты властен над тучей,
Ты Громовержец тогда.

Все же ты, снова и снова,
Нам никогда не расскажешь,
Есть ли без боли живого,
В Небе златая звезда.

ПУСТЫНЯ

Ни зверей, ни змей, ни птиц,
Ни манящих глаз растений.
Прах песчаный без границ,
Облачков случайных тени.

И ползучий шелест-шум
Угрожает: — Здесь могила.
То — воронкой встал самум,
То — бесовское сверлило.

Лишь верблюжьи черепа,
Знак томлений каравана,
Говорят, что есть тропа,
Выход к жизни из дурмана.

СТЕПНОЙ ВЕТЕР

Ветер жгучий и сухой
Налетает от Востока.
У него как уголь око
Желтый лик, весь облик злой.
Одевается он мглой,
Убирается песками,
Издевается над нами,
Гасит Солнце, и с Луной
Разговор ведет степной.

Где-то липа шепчет к липе,
Вздрогнет в лад узорный клен.
Здесь простор со всех сторон,
На песчаной пересыпи
Только духу внятный звон: —
Не былинка до былинки,
А песчинка до песчинки,
Здесь растенья не растут,
Лишь пески узор плетут.

Ходит ветер, жжет и сушит,
Мысли в жаркой полутьме,
Ходит ветер, мучит души,
Тайну будит он в уме.
Говорит о невозвратном,
Завлекая за курган,
К песням воли, к людям ратным,
Что раскинули свой стан
В посмеянье вражьих стран.
Желтоликий, хмурит брови,
Закрутил воронкой прах,

Повесть битвы, сказку крови
Ворошит в седых песках.
Льнет к земле как к изголовью,
Зноем носится в степи.
Поделись своею кровью,
Степь нам красной окропи!
Вот в песок, шуршаний сухо,
Нож я, в замысле моем,
Вверх втыкаю лезвием.
Уж уважу злого духа!
Вместе песню мы споем.
Кто-то мчится, шепчет глухо,
Дышет жаром, и глаза
Норовит засыпать прахом,
Укусил огнем и страхом,
Развернулся как гроза,
Разметался, умалился,
С малой горстью праха слился,
Сеет, сеет свой посев,
Очи — свечки, смерчем взвился,
Взвизгнул, острый нож задев.
И умчался, спешный, зыбкий,
Прочь за степи, в печь свою.
Я ж смотрю, со злой улыбкой,
Как течет по лезвию
Кровь, что кровь зажгла мою.

СЕРДЦЕ

— Сердце капризное, что тебе нужно?
С миром зачем бы не жить тебе дружно?
Хочешь, заря заблестит тебе ало?
— Нет, я хочу, чтоб сияла жемчужно.
— Хочешь покоя? — Мне этого мало.
— Хочешь, чтоб ты хоть на миг задремало?
— Нет, чтобы буря раскинулась вьюжно.
— Сердце, твое поведение — злое.
— Знаю, но я уж от века такое.

ТАМ

Батюшка шатер,
Матушка ладья.
Гей, коня скорей,
Будет веселей,
Отдохнет весло.
Хочешь пить, так пей,
В разуме светло.
Знал я весь простор,
Снова с вами я,
Матушка ладья,
Батюшка шатер.
Порешите спор,
Для житья-бытья.

Небом дан шатер,
Влагою — ладья.
С Месяцем ночным
Дней уходит дым.
Снова по степям,
По горам крутым.
Счастье там, вон там.
Твой маяк — твой взор,
Даль — жена твоя.
Уплывай, ладья,
Догорай, шатер.
Батюшка шатер,
Матушка ладья.

СДВИГ

Парус, вздутый знак крыла
Буревестника седого.
Море — вольностей, суша — зла,
Влага — смелых снов основа.

Мачта, вкрепленный упруг,
Лик упрямого стремленья.

Глянь на Север, глянь на Юг,
Взяв стрелу, люби пронзенье.

В глубь идущее весло,
Брызги с весел, всплеск веселый.
Мысли кружатся светло,
Как над лугом вешним пчелы.

Лодка, рыбина морей,
Ходкий дом, без связы дома.
Ветер с Севера, скорей,
То изжито, что знакомо.

Ветер дружный, поспешай,
От усилья вздулись жилы,
Здравствуй, Море, вечный Май,
Мир вам, дальния могилы.

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Мой праздник Жизни, праздник ласки —
В году, конечно, высокосном.
Я ладаном овеян росным,
Родился я в лазурной сказке.
Я в нескончаемой завязке
Непостижимостей Судьбы.
Я тот, кто шествует без маски,
За мной — свершители борьбы,
Мои взнесенья и паденья,
Мой сложный знак освобожденья, —
В играньи праздничной трубы.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Неужели четверть века
Что-нибудь,
Для такого человека,
Пред которым дальний путь!

О, неправда! Это шутка.
Разве я работник? Нет!
Я лишь сердцем, вне рассудка,
Жил — как птица, как поэт,
Я по снегу первопутка
Разбросал, смеясь, свой след.
Я порою тоже строю
Скрепы нежного гнезда.
Но всегда лечу мечтою
В неизвестное Туда.
Все же, милых покидая,
Милых в сердце я храню,
Сердцем им не изменю.
Память — горница златая,
Верь крылатым — и Огню!

НА СТАРЫХ КАНАТАХ

На старых канатах, изведавших бурю и брызги соленой волны,
Сижу я, гляжу я, а Солнце нисходит на скатах своей вышины,
Одетое в пурпур, в светлейший, чем Тирский, добытый царям, багрянец,
Оно поспешает, в разлитии блесков, дать вечеру пышный конец.
И темные мачты, и серый мой парус, и след по воде от руля,
Облиты гореньем, в пожаре минуты, торопящей бег корабля,
По водам, покрывшим отроги Лемурий, и башни былых Атлантид,
Багряное Солнце, в кипении лавы, в сверканьи мгновенья, горит.

ЧАСТЬЮ-ЧАСТИЦЕЙ

Частью-частицей морей и ветров и ночей и рассветов
Стал я в ветрах, вечерах, и морях, и рассветах, и снах.

Сердце у волн и у зорь, в багряницу и в солнце одетых,
Просит ответов, и белою чайкой мелькает в волнах.
Частью-частицей морей, вечеров, и ветров, и закатов
Стал я в морях, и ночах, и ветрах, и закатах златых.
Хочется рифм, и созвучий неверных, ошибкой богатых,
Взлетов и скатов, чтоб лился и бился весь брызжущий стих.

ЛИШЬ

Я с бакланом,
Быстрым, черным,
По морям лечу.

Я туманом,
Бесповторным,
Бью уют лучу.

И лучами,
И волною,
Я пленен равно.

Лишь очами,
Только мною,
Миру жить дано.

ЛЕТУЧИЯ

Что пенно мелькает
Над пеной волны?
Что там возникает,
Как быстрые сны?

Летучия рыбки,
Как стаи стрекоз,
Как лепеты скрипки,
Как трепеты грез.

ДУРМАН

В моем саду цветет дурман,
И амариллис-белладонна.
В нем воздух странно полупьян,
В нем разум мыслит полусонно.
Поет мечтанье многозвонно: —
«Из дальних стран, из дальних стран,
Я к вам пришел, цветы влюбленья,
Мне новолунной ночью дан
Миг чарованья, усыпленья,
Здесь самый воздух точно пенье,
И у деревьев женский стан.
Непрерываемость забвенья!»

ТОНКИЙ БИСЕР

Тонкий бисер капелек росистых
На растеньи с множеством кистей.
В небесах лазурно-свеже-чистых
Тихий смех оконченных дождей.

Сердце-уводящая улыбка,
Хризолит ликующий разлит.
И вдали, за садом, чья-то скрипка
О далеких-близких говорит.

МАГЕЙ-АГАВА

Я магей восхвалю на гремучем тамтаме.
    Встрепенулся напев — переклички струя.
Он зовется магей — за горами-морями,
    И агавою — там, где отчизна моя.
Каждый лист — мощный меч, и с двумя остриями,
    И с насечкою игл на черте острия.
Хищный помысл блеснул, весь в иззубренной раме,
    То растенье — напев, а напев это — Я.

ЛУННЫЙ КЛАД

От волны к волне вспененной
Перекатный перехват.
Вечер лунный, тихозвонный,
В сердце тайный светит клад.

Я внимаю наклоненный
Говорливостям волны.
Вечер, грезой озаренный,
Слышит тайну глубины.

Зов доходит заглушенный,
В водных пропастях курган.
Взрывом прошлым погруженный
В безграничный Океан.

Многогласный гул сплетенный
В лунном свете внятен мне.
От потопших — вознесенный,
От глубинных — к вышине.

В ОКЕАНЕ

Солнце опять утонуло в Океане за влажною далью,
Облака — золотые твердыни, облачка — острова синевы.

Вспыхнули ризы лазури, расцвеченною тают вуалью,
Головни отгоревших пожарищ, и обрывки горящей травы.

Это сгорело пол-мира, и окуталось в мантию тленья,
В Небесах даже смерть по-другому, — кто сгорел, тот
мгновенно воскрес.

Пламени Вечери тайной, вся душа в торжестве преломленья,
И дрожат проступившие звезды, в вознесении синих Небес.

СО МНОЮ

Лунно окутанный, Солнцем одетый,
Верю в приметы, и знаю ответы.

Звездно обвенчанный с бездной ночною,
Всюду присутствую, будь же со мною.

Если ты спросишь мечтой тонкострунной,
Путь покажу тебе вольный и лунный.

Если натянешь ты струны сильнее,
Путь тебе дам я лазурного змея.

Будешь на Севере, будешь на Юге,
С Солнцем двусветным, в законченном круге.

Сердцем обнимешь росинку и горы,
Будут твои всеобъятными взоры.

Будь же со мною, крещу я Луною,
В солнечных зорях все тайны открою.

ЖЕМЧУЖИНА

Посмотри, в просторах матовых потухающей зари
Есть жемчужинка, которая засветилась изнутри.
Это — та лампада вечная, неразлучная со мной,
Что горит звездой Вечернею над изогнутой Луной.

Ах, от острого и нежного, тонко-белого Серпа
К дням минувшим означается еле зримая тропа.
Вижу тихую я детскую, луч лампады в пляске снов,
И грядущее мерещится — там — как нитка жемчугов.

В ДЫМКЕ

Флейты звук, зоревой, голубой,
Так по детскому ласковомалый, —

Барабана глухой перебой, —
Звук литавр, торжествующе-алый, —
Сонно-знойные звуки зурны, —
И дремотность баюканий няни, —
Вы во мне, многозвонные сны,
В золотистом дрожащем тумане.

ТАЛИСМАН

В сердце дремлет талисман,
Точно дальний ропот Моря, —
Я звездою осиян,
Я живу с Судьбой не споря.

Я внимаю каждый час
Не словам людей случайным,
В сердце слушаю рассказ,
Где сияют тайны тайнам.

Потому среди людей
Я всегда лучом отмечен, —
Полюс мыслей и страстей,
Верный в верном, верным встречен.

НА ГРАНИ

Я держу себя на грани
Обольстительных безумий,
В нежно-радужном тумане,
Между волн, в поющем шуме.

В гуле тающих веселий,
Бросив мысль во власть зарницы,
Я в лазурной колыбели,
Я в чертоге Райской птицы.

МУЗЫКА

Когда и правая и левая рука
Чрез волшебство поют на клавишах двуцветных,
И звездною росой обрызгана тоска,
И колокольчики журчат в мечтах рассветных, —

Тогда священна ты, — ты не одна из нас,
А ты как Солнда луч в движении тумана,
И голос сердца ты, и листьев ты рассказ,
И в роще дремлющей идущая Диана.

Всего острей поет в тебе одна струна,
Чрез грезу Шумана и зыбкий стон Шопена.
Безумие Луны! И вся ты — как Луна,
Когда вскипит волна, но падает как пена.

СТРАСТЬ

Страстью зачался мир,
Страсть — в ясновиденьи глаз,
Страсть — в многозвонности лир,
В страсти — костер для нас!

Страсть — волшебство слепоты,
Не боящейся в пропасть упасть,
Страсть это ждущая ты,
Славьте слепую страсть!

ТОНКИЙ СТЕБЕЛЬ

Ты вся — воплощенье поющей струны,
И есть в тебе отсвет Луны,
Ты — звонкая.
Но также ты — тихий смолкающий звон,
И мнится, безгрешно влюблен
В ребенка я.

Я тонкое тело твое полюбил,
Как свет и бряцанье кадил,
Взнесенное.
Но жду я, чтоб, детскость свою потеряв,
Ты стала — травинка меж трав,
Зажженная.

ДЕВУШКЕ

Тебя я видел малою травинкой,
С тобой играл несильный луч весны.
Чуть выставясь над ослабевшей льдинкой,
Тянулась ты, желая вышины.

Тебя я видел стеблем истонченным,
Для бледных снов сполна ушедшим в рост.
Но кубком грез, еще не расцвеченным,
Земной звездой была ты между звезд.

И вот мечты, как в сонном улье пчелы,
Раскроют завтра к Солнцу лепесток.
И я увижу нежащий, тяжелый,
Склонившийся, желающий цветок.

ПЧЕЛЫ НЕ ЗНАЮТ

Пчелы не знают, что люди придут,
Что им и мир этот весь.
Мед благовонный, он близко, он тут,
Воск светлоцветный, он здесь.

В ветре качается лик ячменя,
Вздыбился волос его.
Дух его пьяный безумит меня,
Он же не знал ничего.

Ветер плясал для себя самого,
Всюду цветилась пыльца.

Ветер, он знает, я верю в него,
Жить я хочу без конца.

ВЕСЬ КРУГ

В первичной светлой влаге
Мерцание ресничек,
Невидимых глазам.
В ковре сплетенной ряски
Бесчисленность хотенья,
Зеленый цвет огня.

Исполнены отваги
Журчанья ранних птичек,
Скользящих по ветвям.
И ласковые глазки,
Твои, мое стремленье,
Лампады для меня.

Раскрылось Мирозданье,
Тяжелое алоэ,
И лотосы цветут.
Плывут гиппопотамы,
Летят в лазури птицы,
Веселье без конца.

Ты — радость и страданье,
И мы — одно и двое,
Мы сердцем — там и тут.
Мы выстроили храмы,
И звездные ресницы
К нам тянутся в сердца.

РАДУГА

Ты встала меж мною и Солнцем,
Ты стала моим Новолуньем,
Я вижу сияющий призрак,
В глазах многозвездится сон,

Персты в ослепительных кольцах,
В душе перегудные струны,
Одежды твои словно ризы,
Люблю я, цветочно влюблен.

С тобою весной быть и летом,
И в осени быть многоспелой,
А Серп загорится ущербный,
Мы вместе изменим мечты.
Хочу я быть бабочкой светлой,
Хочу я быть птичкой запевшей,
Хочу быть сережкой на вербе,
А верба душистая — ты.

ЗВЕЗДНАЯ

Она была бледна, как звездные снега,
Она была нежна, как осень золотая,
На шее у нея мерцали жемчуга,
В ней греза дней жила, как лед, что спит не тая.

И то она была колдунья молодая,
И то была волной, что точит берега,
Всегда с собой одна, для каждого другая,
Забудет каждый с ней и друга и врага.

Улыбка у нея, скользя неуловимо,
Зарею нежила румяные уста, —
Глядишь, и с ней ли ты? Глядишь, она не та?

Живут созданья так из облачного дыма,
Так в ветре млеет зыбь весенняго листа,
Так Млечный Путь для нас горит неисследимо.

НАД ЧЕРТОЙ

Расцветилась ограда
Над последней чертой.

Красный лист винограда,
Клена лист золотой.
Нет зеленого сада
Над сафирной водой.

Лишь тяжелого бора
Зеленчак темноцвет,
До ложбин косогора,
С незапамятных лет,
В ту же краску убора
Многохвойно одет.

ПРЕСТОЛ МОЛНИИ

Я был листок,
Гонимый бурей.
Был в пляске ног
Блаженных гурий.

Я был как гром,
Огнем одетый.
Был водоем,
Грозой пропетый.

Как луч к лучу,
Я мчался к чуду.
И все лечу!
И чем я буду?

НА БАШНЕ

После лютиков весною,
Чуть зима падет на крыши,
Вновь себе я мыслью строго
Замок строгий, выше, выше.

Там, на башне одинокой,
Жду под Солнцем смерти света,

Говорю я с Тьмой стоокой,
Жду от Полночи ответа.

После ласковых блужданий,
Между легких горных склонов,
Я опять хочу рыданий
Человеческих циклонов.

И тогда мне знать отрада,
Что придет еще Аттила,
Что жива страстей громада,
И не вычерпана сила.

СТАЛЬ

Упружить сталь. Ковач, познай металлы,
Чтоб гнулось и прямилось лезвие.
Тогда, взмахнув мечом, отметь: — «Мое!»
Тебе уступят Римляне и Галлы.

Построй дракон, Варяг. Ищи Валгаллы.
Кто хочет дали, тот пройдет ее.
В чужих морях узнает забытье.
Увидит лесовидные кораллы.

Сигурд, будь смел. Сигурд, сразн врага.
Перед тобою карлики и гномы.
Пусть плуги на полях быком влекомы.

Но клад — тебе. Раздвинув берега,
Сожги дома, амбары, и стога.
Тебе — моря, и, в злате молний, громы.

В ГОСТИНОЙ

Я в гостиной стоял, меж нарядных, утонченных,
Между умных, играющих в чувства людей.

Средь живых мертвецов, меж романов оконченных,
Я вскричал всей душой потрясенной своей: —

«Есть ли где еще звери в могучем количестве?
Есть ли тигр королевский и смелые львы?
Есть ли где бегемот, в безмятежном величестве
Как коряга встающей из вод головы?»

СОН

Мой сон, хотя он снился мне как сон,
Был зрением, был чтением страницы,
Где, четкими строками закреплен,
Я жил, а дни мелькали как зарницы.

Там ростом в три сажени были птицы,
Сто красок изливал хамелеон.
Нет, тысячу. Существ живых станицы
Не ведали, что есть для черт закон.

Хвосты у жаб, — хвостаты были жабы, —
Внезапно превращались в жадный рот.
В боках тюленьих видел я ухабы.

Все становилось вдруг наоборот.
И даже мухи не были там слабы.
И даже счастлив каждый был урод.

МАУИ

В те дни, как не росла еще кокоа,
        Змеящаяся пальма островов,
Когда яйцо могучей птицы моа
        Вмещало емкость двух людских голов,
Жил Мауи, первотворец Самоа,
        Певец, колдун, рыбак, и зверолов.

Из песен было только эхо гула
        Морских валов, а из волшебств — огонь,

Лишь рыба-меч да кит да зверь-акула
Давали радость ловли и погонь,
Земля еще потока не плеснула,
В котором носорог и тигр и конь.

Тот Мауи был младший в мире, третий,
Два брата было с ним еще везде,
Огромные, беспечные, как дети,
Они плескались с Мауи в воде,
Крюки имели, но не знали сети,
И удили в размерной череде.

Вот солнцеликий Ра свой крюк закинул
И тянет он канат всей силой плеч,
Он брата Ру, второго, опрокинул,
Тот, ветроликий, хочет остеречь,
«Пусти свой крюк!», но Ра всей мощью двинул,
И выудил со смехом рыбу-меч.

Прошло с полгода. Удит Ру, ветрило,
Закинут крюк туда, где темнота.
Вот дрогнуло, пол-моря зарябило,
Не вытащит ли он сейчас кита?
Тянул, тянул, в руках двоилась сила,
Лишь плеск поймал акульего хвоста.

И минул год. Тринадцать лун проплыли.
А Мауи все время колдовал.
И против братьев укрепился в силе,
Велит — и ляжет самый пенный вал.
Пока два брата рыб морских ловили,
На дне морском он тайны открывал.

Закинул крюк он со всего размаха,
И потянул напруженный канат.
Вот дрогнула в глубинах черепаха,
Пловучая громада из громад,
И Ра, и Ру глядят, дрожат от страха, —
То остров был, кораллов круг и скат.

И с той поры плывет в морях каноа,
Певцы поют, и любят рыбаки.
Во мгле земли — скелеты мощных моа,
На небе — ток звездящейся Реки.
За знойным Солнцем нежится Самоа,
И в мелководьи бродят огоньки.

СЛОВО ПЕЩЕРНОГО ЖИТЕЛЯ

В дни как жил я жизнью горца, —
Покидая тайный грот,
Я с обветренных высот
Увидал Драконоборца.
Я шамана вопросил: —
«Как зовется этот храбрый?»
Тот сказал: «У рыбы жабры,
У людей же — звон кадил.
У небесных пташек — крылья,
У зверей свирепый лик.
Этот храбрый мой двойник,
Он сражает без усилья.
Мысль всегда, узнав конец,
Хочет внешнего, отметин.
Этот призрак беспредметен,
Если ж хочешь, то — Боец».
Я ушел в свою пещеру,
Осудив его ответ.
Через двадцать сотен лет,
Как годам познал я меру,
Снова бросив тайный грот,
Глянул оком я дозорца,
И опять Драконоборца
Увидал с своих высот.
Тут я спрашивал сатира,
Как зовется он, — и сей
Мне ответствовал: «Персей,
Меткоруб во славу мира,
Убиватель он Горгон».
Кто-то вдруг вскричал в восторге:

«Лжет Сатир. Боец — Георгий».
И пошел по миру звон.
Воздух горний, воздух дольний
Фимиамный принял чад,
Слышу гномики бренчат,
Гул идет от колокольни.
В ульях бунт: украден воск.
Я ушел в свою пещеру,
Всяк свою да знает веру,
Из костей сосу я мозг.
А кухонные остатки
Я скопляю, как предмет
Изысканий дальних лет.
Знаю, игры мысли сладки.
Лет две тысячи пройдет,
И опять я оком горца
Поищу Драконоборца: —
Не означен масок счет.

ГОБЕЛЭН

1

Мгла замглила даль долины,
Воздух курится, как дым,
Тают тучи-исполины,
Солнце кажется седым,

Полинялый, умягченный,
Взятый мглою в светлый плен,
Целый мир глядит замгленный,
Как старинный гобелэн.

2

Старик высокий,
Он самый главный,
Он одноокий,
То Один славный.

С древнейших пор он
Любил туманы.
Летал как Ворон
В иные страны.

Он был на Юге,
И на Закате.
Но лучше вьюги,
Родней быть в хате.

Он был в Пустыне,
И на Востоке.
Навек отныне
Те сны далеки.

С тем людом Ворон
Совсем несроден,
И снова Тор он,
И снова Один.

Все клады Змея
Похитил Север.
И ветер, вея,
Качает клевер.

И кто же в мире
Лукав, как Бальдер, —
Под вскрик Валькирий
Восставший Бальдер!

3

Ковры-хоругви. Мир утраченный.
Разлив реки, что будет Сеною.
Челнок, чуть зримо обозначенный,
Бежит, жемчужной взмытый пеною.

Веков столпилась несосчитанность.
Слоны идут гороподобные.

Но в верной есть руке испытанность,
Летят к вам стрелы, звери злобные.

Еще своих Шекспиров ждущие,
Олени бродят круторогие,
Их бег — как вихри, пламень льющие,
И я — не в Дьяволе, не в Боге я.

Я сильный, быстрый, неуклончивый,
И выя тура мною скручена.
Напевы, взвейтесь, пойте звонче вы,
Душа желать — Огнем научена.

Мои прицелы заколдованы,
Мне мамонт даст клыки безмерные,
Моей рукою разрисованы
В горах дома мои пещерные.

4

Свистит проворная синица,
Что Море будто не зажгла.
Зажгла. Сожгла. Горит страница.
Сгорела. Мир кругом — зола.

И я, что знал весь пыл размаха,
И я, проникший в тайны стран,
Я, без упрека и без страха,
Я — призрак дней, а Мир — туман.

Не надо мне Индийских пагод,
Не надо больше Пирамид.
Созвездье круглых красных ягод
На остролисте мне горит.

Была весна. Сгорело лето.
И шепчут сны. Прядется тьма.
Но есть еще свирель Поэта.
Со мной жива — и Смерть сама.

ПЛАМЯ МИРА

1

Мы говорим, но мы не знаем,
Что есть воистину любовь.
Но если ты овеян раем,
Свое блаженство славословь.

И если взят ты поцелуем,
Что вот поет в твоей мечте,
Ликуй, — мы все светло ликуем,
Скользя на призрачной черте.

И та черта вдвойне прекрасна,
Затем, что тает, чуть представ.
Весна — пожар, душа — всевластна,
Красивы зори в море трав.

2

Помню я, в моей счастливой детской
Пела птичка, не синичка, канареечка.
Я простой мальчонка был; не светский,
Был зверенком, у зверенка есть лазеечка.

Я смотрел на луч на половице,
Как в окне он по-иному паутинится,
Как лампадка теплится в божнице,
Как в углу ручной мой еж лежит, щетинится.

Целый мир мне — малая кроватка,
Я зажмурюсь — свет в глазах играет красками,
Пляшут искры, все во мне загадка,
Каждый шорох шепчет тайну, манит сказками.

Там в саду жужжать не перестанут,
Точно струны, шмель тяжелый, пчелы с осами.
В кладезь вечный миги эти канут,
Месяц страсти встанет красный над утесами.

Правят миром страшные Старухи,
И давно ужь не звенит мне канареечка.
Но любил я так — как любят духи,
Ах ты, птичка солнцеличка, златофеечка!

3

Тринадцать лет! Тринадцать лет!
        Ужели это много?
Звучит напев, играет свет.
Узнать любовь в тринадцать лет!
        Скажите, ради Бога.

Тринадцать лет! Тринадцать лет!
        Ужели это мало?
Ведь вдвое — жизнь, когда — поэт,
И вдвое — мысль, и вдвое — свет,
        И пенье крови — ало.

Товарищ раз пришел хмельной,
        И не один, а с нею.
Ее оставил он со мной,
Уйдя, зажег весну весной,
        И вот я пламенею.

Но кто ж та странная была,
        Кого я обнял сладко?
Она была как мысль светла,
Хоть прямо с улицы пришла,
        Гулящая солдатка.

Но вот, хоть мной утрачен счет
        Всех дрогнувших со мною,
Все ж стих мой верный воспоет
Того, с кем первый пил я мед,
        Кто дал припасть мне к зною.

О, страх и сладость — вдруг упасть
        С горы крутой, робея!
Восторг — впервые ведать страсть,

И цельным быть, и быть как часть,
Тесней, еще теснее!

Достоин любящий — венца,
И волен соколенок.
И с нежной бледностью лица
Она шептала без конца: —
«Мой милый! Мой миленок!»

Тринадцать лет! Тринадцать лет!
Мы в это время дети.
Но вот, чтоб ведать этот свет,
Готов я встретить пытку бед
Тринадцати столетий!

4

Я узнал твой тонкий очерк в дни пленительные, —
Дни Июня, мгла расцвета нежной рощи и сердец, —
В наши Северные сумерки медлительные,
Любил тебя, был юный, обожал, и был певец.

Кем была ты, чем была ты, чаровательница?
Тонкой девушкой невинной, и блудницею ночей?
Что ты пела? Что ты смела, пламедательница?
Поцелуй в твоем был взоре, поцелуй горячий, чей?

Вешний лес, еще застывший, жив подснежниками,
Снег растает, с днища прахов пламя выбросит цветы.
Нам Судьба в любви велела быть мятежниками.
Где бы ты мне ни явилась, счастье можешь дать лишь ты.

Я издревле плавал в безднах за сокровищами,
Уплывавшими в мечтанье, в посмеянье кораблю.
Слава, смелый, путь избравший — быть с чудовищами!
Слава тайне всех созвездий! Слава той, кого люблю!

5

Лишь между скал живет орел свободный,
Он должен быть свиреп и одинок.

Но почему ревнивец благородный
Убил любовь, чтоб, сократив свой срок,
Явивши миру лик страстей и стона,
Ножом убить себя? О, Дездемона!
Пусть мне о том расскажет стебелек.

А если нет, — пускай расскажет Этна!
Падет в солому искра незаметно,
Рубином заиграет огонек,
Сгорят дома, пылает вся столица,
Что строил миллион прилежных рук,
И, в зареве, все — шабаш, рдяны лица,
Тысячелетье — лишь напрасный звук,
Строительство людей — лишь тень, зарница.
Есть в Книге книг заветная страница,
Прочти, — стрела поет, ты взял свой лук.

Убийство и любовь так близко рядом,
Хоть двое иногда десятки лет
Живут, любя, и ни единым взглядом
Не предадут — в них сторожащий — свет.
И так умрут. И где всей тайны след!

В лучисто-длинном списке тех любимых,
Которые умели целовать,
Есть Клеопатра. На ее кровать
Прилег герой, чья жизнь — в огне и в дымах
Сожженных деревень и городов.
Еще герой. Миг страсти вечно-нов.
Еще, еще. Но кто же ты — волчица?
И твой дворец — игралищный вертеп?
Кто скажет так, тот глуп, и глух, и слеп.
Коль в мире всем была когда царица,
Ей имя — Клеопатра, знак судеб,
С кем ход столетий губящих содружен.
Ей лучшая блеснула из жемчужин,
И с милым растворив ее в вине,
Она сожгла на медленном огне
Два сердца, — в дымах нежных благовоний,
Любовник лучший, был сожжен Антоний.

Но где, в каком неистовом законе
Означено, что дьявол есть во мне?
Ведь ангела люблю я при Луне,
Для ангела сплетаю маргаритки,
Для ангела стихи свиваю в свитки,
И ангела зову в моем бреду,
Когда звездой в любви пою звезду.
Но жадный я, и в жадности упорен.
Неумолим. Все хищники сердец —
Во мне, во мне. Мой лик ночной повторен,
Хотя из звезд мой царственный венец.

Где нет начала, не придет конец,
Разбег двух душ неравен и неровен,
Но там, где есть разорванность сердец,
Есть молния, и в срывах струн — Бетховен.

6

Ты видал ли дождь осенний, ты слыхал ли, как шуршит
он, как змеится без конца?
Темной ночью нам не спится, ты слыхал ли темной ночью,
как струится дождь небес?
Ты считал ли, расскажи мне, ты считал ли слезы сердца,
что не знают слез лица?
Темной ночью ты узнал ли, темной ночью, сколько в сердце
жгучих слов и тьмы завес?

7

Я был на охоте в родимом болоте,
И выследил пару я птиц.
Красивы все птицы в веселом полете,
Красивы и падая ниц.

И вот я наметил, и в жажде добычи
Красивую птицу убил.
И тотчас же вздрогнул от жалобы птичьей,
К повторности не было сил.

А быстрая птица, той птицы подруга,
Совсем не боясь палача,
И все сокращая очерченность круга,
Летала, забвенно крича.

Мне стало печально от жалобы птичьей,
И дважды я поднял ружье.
Но сердце той птицы излитое в кличе,
Сцепило все сердце мое.

И вот, не воззвавши крылатого друга,
Поняв, что убита любовь,
Красавица ветра, любимица Юга,
На кровь опрокинула кровь.

Взнесенная птица, с пронзительным криком,
Сложила два белых крыла,
И пала близ друга, — в молчаньи великом, —
Свободна, мертва, и светла.

8

Видение, похожее на сказку: —
В степях стада поспешных антилоп.
С волками вместе, позабыв опаску,
Бегут, — и мчит их бешеный галоп.

И между них проворно вьются змеи,
Но жалить — нет, не жалят никого.
Есть час, — забудешь все свои затеи,
И рядом враг, не чувствуешь его.

Превыше же зверей несутся птицы,
И тонет в дыме — Солнца красный шар.
Кто гонит эти числа, вереницы?
Вся степь гудит. В огне. В степях — пожар.

Забыв себя, утратив лик всегдашний,
Живое убегает от Огня.
Но брошу дом, прощусь с родимой пашней,
Лишь ты приди, ласкай и жги меня.

Нас гонит всех Огонь неизмеримый,
И все бегут, увидев страшный цвет.
Но я вступлю и в пламени и в дымы,
Но я люблю всемирный пересвет.

Его постичь пытаться я не стану,
Чтоб был Огонь, он должен петь и жечь.
Я верю солнцеликому обману,
В нем правда дней, в нем божеская речь.

И снова — Зло, и снова — звездность Блага,
От грома бурь до сказки ручейка.
Во мне пропела огненная влага,
Во мне поют несчетные века.

Земля с Луной, в неравном устремленьи,
Должны в мирах любиться без конца.
Влюбленный, лишь в томленьи и влюбленьи,
Певец высот узнает жизнь певца.

И я опять — у кратера вулкана,
И я опять — близ нежного цветка.
Сгорю. Сожгу. Сгорел. В душе — багряно.
Есть Феникс дней, что царствует века!

ЖУЖЖАНЬЕ СТРУН

И ты сломана будешь, Земля. — Не скорби. — Да, и ты, даже ты. — Не скорби. — О любви ли ты будешь печалиться? — Огорчаться на то, что покрыла собою поверхность Воды? — Огорчаться на длительность Времени?

Океанийская песнь

ХОЧЕШЬ ЛИ?

Свита моя — альбатросы морей,
Волны — дорога моя.
Солнце, родимого сына согрей,
Солнечный я.

Низко летит альбатрос и глядит,
Чертит могучим крылом.
Весь его четкий, захватистый вид
Резкий излом.

Это крыло — не крыло, ятаган,
Клюв его силен, как меч.
Птицу такую родил — Океан.
Хочешь с ней встреч?

Хочешь ли, хочешь ли, мир будет твой?
Грезу в себе затаи.
Крылья хотенья дружат с синевой,
Зори — твои.

ЦВЕТНАЯ РАКОВИНА

Цветная раковина, на сушу брошенная,
В песках молчит.

Но вверх приподнятая, но Ветром спрошенная,
Светясь, звучит.

И сердцу слышащему, лишь ей рассказанные,
Жужжанья струн
Сквозят глубинностями, тобой связанные
В напевы рун.

МАЛАЙСКИЕ ЗАГОВОРЫ

1. ЗАГОВОР О СТРЕЛЕ

Я спускаю стрелу, закатилась Луна,
Я спускаю стрелу, чаша Солнца темна,
Я спускаю стрелу, звезды дымно горят,
Задрожали, глядят, меж собой говорят.
Я не звезды стрелой поразил, поразил,
И не Солнце с Луной я стрелою пронзил.
Все в цветок мои стрелы вонзились, горят,
Я сердечный цветок поразил через взгляд.
Я стрелу за стрелою до сердца продлю,
Выходи же, душа, той, кого я люблю,
Приходи и приляг на подушку мою,
Я стрелою, душа, я стрелой достаю.

2. ЗАГОВОР ДЛЯ СЕРДЦА

Если ночью, при Луне,
Спишь, — как дух иди ко мне.
Птица, крылья разверни,
Дымка, стань в моей тени.
Куры сядут на насест,
Много в мире есть невест.
Столько в мире есть невест,
Сколько дней и сколько мест.
Эй, петух, скорее клюй,
Столько зерен, сколько струй.
Мир построен весь из струй,
Дай мне, радость, поцелуй.

Каждой двери слушай скрип,
Птице молви: Цып, цып, цып.
С сердцем хочешь воевать, —
К сердцу вблизь, и сердце хвать

3. ЗАГОВОР К ДУХУ ЗЕМЛИ

Мир с тобою, Дух Земли,
Мир с тобой, и мне внемли,
Дух Земли, ты с виду Бык,
Земный Демон, Дух-старик.
Бык, кем движется весь мир,
Приходи сюда на пир.
Угощение прими,
Мною разум обними.
Разум ворога смути,
Замани и обольсти.
Поселись в его крови,
Навались и задави.

4. ЗАГОВОР К ТЕНЕВОМУ

Го! Ирупи, Теневой,
Дай Царице быть со мной.
Потревожь ее во сне,
Укажи бежать ко мне.
Потряси и встать заставь,
Обрати дремоту в явь.
Душу вынув из нея,
Душу в сердце вдунь мое.
Так чтоб к левой стороне
Прилегла она ко мне.
Го! Ирупи, Теневой,
Заговор исполни мой!

5. ЗАГОВОР О СТУПНЕ

— Среди примет ты видел след?
— Ступня ее. Сомненья нет.
— Из праха вырежь ту ступню,

И дай ее обнять огню.
Ее лизнет язык огня,
И станет слушаться ступня.
— А что потом? А как потом?
Ступню куда мы поведем?
— Возьмешь ты бережно тот прах,
И в трех его яви цветах.
Оденешь в красный лоскуток,
И подожди, да минет срок.
Оденешь в черный, завяжи,
Ступню в том черном подержи.
И после в желтый лоскуток
Замкни, и выдержи зарок.
— А что потом? Горит ступня.
И пляшет, мучает меня.
— Потом цветную нить скрути,
К подушке ближе помести.
Ступню на занавесь повесь,
И в жаркой мысли медли весь.
Зеленый прутик отыщи,
Хлещи, семь раз ее хлещи.
При смене зорь, в полночный час,
Хлещи, хоть спи, хлещи семь раз.
И припевай: Любви ищу.
Не землю, сердце я хлещу.
— Смотри, дрожит, идет ступня,
Люби меня! Люби меня!

6. ЗАГОВОР ЛЮБОВНЫЙ

Черная ягода — имя твое,
Птица багряная — имя мое.
«Майя!» пропел я. Внемли,
Мысли ко мне все пошли.
Мною пребудь зажжена,
Любишь, и будь влюблена.
Будь как потеряна ночью и днем,
Будь вся затеряна в сердце моем.
Днем семикратно смутись,
В ночь семикратно проснись.

Быстро домой воротись.
Я говорю: «Ты моя!»
В Месяц ли глянь, — это я.

7. ЗАГОВОР ДЛЯ ПАМЯТИ

Я принес тебе вкрадчивый лист,
Я принес тебе пряный бетель,
Положи его в рот, насладись,
Полюбив меня, помни меня!
Солнце встанет ли, помни меня,
Солнце ляжет ли, помни меня!
Как ты помнишь отца или мать,
Как ты помнишь родимый свой дом,
Помнишь двери и лестницу в нем,
Днем ли, ночью ли, помни меня!

Если гром загремел, вспомяни,
Если ветер свистит, вспомяни,
Если в небе сверкают огни,
Вспомяни, вспомяни, вспомяни!
Если звонко петух пропоет,
Если слышишь как время идет,
Если час убегает за час,
И бежит и ведет свой рассказ,
Если Солнце идет за Луной,
Будь всей памятью вместе со мной.
Стук, стук, стук. Это я прихожу.
Стук, стук, стук. Я в окошко гляжу.
Слышишь сердце? В нем сколько огня!
Душу чувствуешь? Помни меня!

МАЛАЙСКИЙ КОСТЕР

Бросил клетку
Пламень, Апи.
Держит ветку
В красной лапе.

В изумруде
Цвет сметает.
В алом чуде
Зелень тает.

Когти красны,
Ветки смяты.
Будь, прекрасный,
Жив трикраты.

ВУАЛИ

Вы Малайки, вы Малаечки,
Любы ваши мне вуали.
Я на Русской балалаечке
Вам спою свои печали.

Ты, в вуали нежно-розовой,
Мысль вернула в утро Мая: —
С милой в роще я березовой
Был, любил, ее сжимая.

Ты, мерцаньями зелеными,
Говоришь мне о рассвете: —
Шел пастух вдали за склонами,
На свирели пел о лете.

Ты, что светами златистыми
Так сияешь мне напрасно,
Знай, что днями серо-мглистыми
Я любил другую страстно.

Ты, огнями ярко-красными
Мне горящая напевно,
Верь, что ласками согласными
Отвечала мне царевна.

Что ж вы, что вы мне, Малаечки,
 Пусть и нежны вы и юны?
Я на звонкой балалаечке
 Сосчитал давно все струны.

РОТ

Ртом, от бетеля красным,
Ртом, от любви заалевшим,
Ртом, в страстях полновластным,
Ртом, как плодом созревшим, —

Она меня напоила,
Она меня заласкала,
И весь я — горящая сила,
И весь я — «Еще! Мне мало!»

ГАМЕЛАНГ

Гамеланг — как Море — без начала,
Гамеланг — как ветер — без конца.
Стройная Яванка танцевала,
Не меняя бледного лица.

Гибкая, как эта вот лиана,
Пряная, как губы орхидей,
Нежная, как лотос средь тумана,
Что чуть-чуть раскрылся для страстей.

В пляске повторяющейся — руки,
Сеть прядет движением руки,
Гамеланга жалуются звуки,
В зыбком лете вьются светляки.

Над водой, где лотос закачался,
Обвенчался с светляком светляк,
Разошелся, снова повстречался,
Свет, и мрак, и свет, и свет, и мрак.

Ход созвездий к полночи откинут,
В полночь засвечается вулкан.
Неужели звуки эти минут?
В этой пляске сказка вещих стран.

За горой звенит металл певучий,
Срыв глухой, и тонкая струна.
Гамеланг — как Смерть сама — тягучий,
Гамеланг — колодец снов, без дна.

НЕБЕСНЫЙ МОСТ

От мужского сердца к женскому
Есть один заветный путь,
К единению вселенскому,
Чтобы счастием дохнуть.

Он небесными светилами
Предуказан навсегда: —
Меж двумя, друг другу милыми,
Две души — одна звезда.

Там за дымчатыми склонами
Верной мысль идет тропой,
И мерцаньями зелеными
Встречен отсвет голубой.

То сверканиями скорыми,
То сквозь мглу тягучих лет,
Понимающими взорами
Сердце сердцу бросит свет.

И в родной стране, единственной,
Где ласкающий язык, —
И в чужой стране, воинственной,
Где язык есть вражий крик, —

И от белого до белого,
И от белого к цветным, —

В должный час свершенья смелого
Брызжет свет и всходит дым.

Это с мыслью мысль встречается,
Замыкается звено,
Это дух с огнем венчается,
Это стали два — одно.

И различья их обманчивы
До своей дойдя черты,
И мерцанья их приманчивы,
Ты есть я, и я есть ты.

От сверкнувшего до ясного
Весть идет путем цветным,
И в огне свершенья страстного
Жертва есть, и светел дым.

ПЕСНЬ АННАМИТСКОГО СЛЕПЦА

Глаза мои — мертвые, сердце мое — живое,
Иду я в глубокой вечной ночи.
Но слышу я смех твой, и чудится Небо мне голубое,
Твой голос звучит, золотой колокольчик, от Солнца доходят лучи.
Люблю тебя, Солнце ночное.

Ты мне говоришь — Ты одна, нет супруга,
Нет никого, чтоб тебя веселить.
Иди же со мной, мне нарядная будешь подруга,
Вкруг шеи твоей жемчугов обовьется тройная тяжелая нить.
Пусть глазами тебя увидать не могу я,
Я руками коснусь, мотыльком поцелуя.

Я не слышу тебя. Ты ушла? Все ли здесь, близ певца ты?
Или тебя рассердили мои слова?
Дай мне тебя любить! Все цветы нам живые дадут ароматы.

Один человек печален, смеются, когда их два.
Дай мне любить, ты пойдешь предо мною,
Буду идти за звездой, тропинкой моею ночною.

ЗЕРКАЛО

Ширяют ласточки над зеркалом пруда.
Летят за мошками. Летают ради шутки.
Плывут от берега до берега две утки.
За ними длинная мерцает борозда.
Но вот ужь кончилась игра мгновенной зыби.
И день окончился. Горит одна звезда.
Вечерний зов к душе. В безвестное Туда.
Но подожду еще, к земной прикован глыбе.

ВЕНЕЦ

Глубокий пруд. Отлоги берега.
С вечерним ветром трепет влаги дружен.
Звезда, качаясь, нижет жемчуга.
Одна, и две, и пять, и семь жемчужин.
Тем ожерельем ум обезоружен.
И хочется, жемчужный свет дробя,
Рассыпать весь лучистый час забвенья
На зыбкие созвенные мгновенья,
Тем ожерельем увенчав тебя.

ЗА ВЗГЛЯД

Я полюбил тебя за взгляд
Звездообразной незабудки,
За радость нежную минутки
Вдвоем, — о чем не говорят.
В одних цветах есть пряный яд,
В других есть запах слабый, тонкий, —
Так в плаче флейты нежнозвонкой
Чуть внятно звезды говорят.

И в стон свирели входят звоны
Лесных вершин во мгле ночной,
Родная даль, холмы, уклоны,
И малый цветик вырезной
Чад ручейковою волной.

В САДАХ

Бегала белочка. Белые голуби
Нежно ворковали.
Ты улыбалась мне. Снежные голуби
Крыльями свет нам свевали.

Хвост пушистый распустивши,
Белочка скакнула.
«Можно ль жить не полюбивши?»
Ты, блеснув, шепнула.

«Здесь в садах, в веках далеких,
Были мы когда-то: —
В этих снах голубооких
Я узнала брата.

Мой дружочек, женишочек,
Я с тобой венчаюсь: —
Я с тобою, голубочек,
Горлицей встречаюсь».

Бегала белочка. Дерево мерила,
В ропотах зеленого гула.
В жизнь бесконечную счастие верило.
В Вечность любовь заглянула.

ЕСЛИ Б!

Если б бабочкой ночной
Я в твой терем залетела,
Был бы счастлив ты со мной,
И во сне горело б тело,

Принимая в сонный строй
Трепет жизни огневой.

Если б знойною, звеня,
        Залетела я цикадой,
Ты услышал бы меня,
        Ты во сне шепнул бы: «Падай!
И прильни. И вплоть до дня
Мучь касанием огня!»

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Язык любви есть листья, шорох листьев.
Вся шелестящая, сквозящая листва.
Как свет свевается с дрожащих спящих листьев,
Как извивается и зыбится трава!

От листьев к листьям — ласка, вспышки,
                                        всплески,
Лист ластится к листу и застит взгляд.
Смотри, смотри, как любятся березки,
Расслышь, расслышь, как листья шелестят!

КАК ЛИСТЬЯ

Журчали флейты. Рыдали скрипки.
И глухо пела виолончель.
Душа не видит своей ошибки,
Когда в ней чувства взметут метель.

Я видел пары. Кружились мерно.
И возвращались в свои круги.
«— Меня ты любишь? И это верно?»
«— Тебя люблю я». — «О, не солги».
Уста шептали слова печали.
Им отвечали слова огня.
«— Мы долго ждали». — «Мы так устали»..

«— А ты откуда?» — «Из светлой дали».
«— Ты мне желанен». — «Целуй меня».

И целовались. И забывались.
Как листья в ветре, в лучах Луны.
Как змеи, звуки, блестя, свивались.
Я знаю правду! Я видел сны!

ОСТРОВ ЧЕТВЕРГА

Свежий день с зарею новой,
Светлый остров Четверга.
Здравствуй, остров Четверговый,
Вырезные берега.

Мы проплыли, и приплыли
В островной морской венец.
Ты ли знак давнишней были?
Я с тобою наконец.

Потонувшие вершины
Выдвигаются над дном.
Меж красивых ты — единый,
И лагунный цвет кругом.

Еле зримое растенье
Синий цветик на земле.
И селенье как виденье
Там далеко, там во мгле.

Дым ползет по красной крыше,
Легкий стелется туман.
А над Морем выше-выше
Возлетает пеликан.

Он седой как привиденье,
Но скользит к иному взгляд: —
Ожерельное сплетенье,
Гуси дикие летят.

Точно это Север милый,
Точно это журавли.
Сколько жизни! Сколько силы!
Тот, кто жив — свой миг продли!

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Австралийский черный лебедь на волне
Словно в сказке на картинке виден мне.

Настоящий, проплывает предо мной,
Весь змеиный, весь узорный, вырезной.

И воистину влечет мечту в игру
Настоящими прыжками кенгуру.

И в хранимом зачарованном прудке
Светят лотосы во влажном цветнике.

Голубеет эвкалипта стройный ствол,
Куст невиданной акации расцвел.

Как колибри, медосос припал к цветку,
Птица-флейта засвирелила тоску.

И хохочут зимородки по ветвям,
Словно в сказке, что сказали в детстве нам.

Только это все лишь малый уголок,
Громче пенья птиц на фабрике гудок.

Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

Рельсы врезались во взмахи желтых гор,
Скован, сцеплен, весь расчисленный, простор.

Там, где Черные слагали стройный пляс,
Одинокий белоликий волопас.

Там, где быстрая играла кенгуру,
Овцы, овцы, поутру и ввечеру.

Миллионная толпа их здесь прошла,
В холодильники замкнуты их тела.

Замороженные трупы увезут,
Овцы новые пасутся там и тут.

И от города до города всегда
Воют, копоть рассевая, поезда.

И от улицы до улицы свисток,
Вся и музыка у Белого — гудок.

Сами выбрали такой себе удел,
Что их белый лик так грязно посерел.

Обездолили весь край своей гурьбой.
Черный лебедь, песнь прощальную пропой.

СРЕДИ МАГНОЛИЙ

Среди пышноцветных магнолий,
К аллее могучих смоковниц,
К лужайке, где ствол баобаба,
Я вышел под Новой Луной.
А грезы о счастьи и воле,
Как рой наклоненных любовниц,
Сияют и нежно и слабо,
Дрожат и плывут пеленой.

Но вот, как в мерцании слезок,
Я вышел мечтою к овражку,
И это величие тает,
И детский мне грезится день.

Хочу я родимых березок,
Влюблен в полевую ромашку,
И клевер в душе расцветает,
И в сердце звездится сирень.

ТИШЬ

Вот она, неоглядная тишь Океана, который зовется
Великим, —
И который Моаной зовут в Гавайики, в стране Маори.
Человек островов, что вулканами встали, виденьем возник
смуглоликим,
И кораллы ростут, и над синей волной — без числа
острова-алтари.

РАДУГИ

Много радуг семицветных
В Тихом океане.
Много в сердце слов ответных,
Светлых звезд в тумане.

Много в Небе, в Звездной Книге,
Божьих откровений.
Сердце, сбрось с себя вериги,
Будь в огне мгновений.

Пусть твои мгновенья малы, —
Будут в светлом стане,
Как коралловые скалы
В Тихом океане.

ВЕТЕР

Ветер доносится с гор,
Там он, и здесь, и нигде,
Мчится к земле и к звезде,

Роет простор,
Смял, наклоняя к воде,
Ивы плакучей убор.

Пляшет в древесной тени,
Рябь закрутил по реке,
Прячется там вдалеке,
Гасит огни,
Снова дохнул в тростнике,
Полем пошел... Догони!

ПРЕД НОЧЬЮ

Земля дохнула зельями
Предночными. Вдали,
Зловещими ущельями,
Туманы поползли.

Загрезившими соснами
Пронзивши бирюзу,
Вершины дышут росными
Дыханьями внизу.

Все в полночь будет сковано
В один глухой объем.
Верховность зачарована,
В верхах родится гром.

ЧЕРЕДА

Белое облако — там.
Знают цвета череду.
Медь разошлась по краям.
Жду.

Дымчатый курится свет.
Копит разгром чернота.
Гуще взростанье примет.
В ветре все свисты листа.

Раньше Вечерней звезды,
Взбрызнет, разрушивши грань,
Бешенство белой воды.
Глянь.

КАУРИ

Это домчался откуда,
Он из столетий каких,
Зов-перезвон изумруда,
Соснами сложенный стих?

Хвоями крытые горы,
Папорот-древо внизу,
Мхи словно цепкие воры,
Гибкую сжали лозу.

Справа и слева стремнины,
Стройно взлетели из мглы
Гор вековых исполины,
Каури гордой стволы.

Мхи не дерзнут к ним коснуться,
Горные сосны — цари,
Смолы с них желтые льются,
Ладан страны Маори.

ОСТРОВА

Я их видел, те взнесенья,
Из кораллов острова,
Круг и круг уединенья,
В них свершенность снов жива.

В Океане всешумящем
Бьют валы, свиваясь в жгут,
Здесь же зеркалом глядящим
Безглагольный круглый пруд.

И подобно как в металлы
Мы врезаем память дней,
Те атоллы, те кораллы
Ряд взошедших ступеней.

От великих гор незримых,
Что задернулись волной
И застыли в тихих дымах,
Знак восходит в мир девной.

В наших днях, быть может лишних,
Доживаемых во сне,
Алый знак времен давнишних,
Потонувших в глубине.

ТЫ НЕ ВИДАЛ

Ты не видал, а я увидел воздушно-алые атоллы,
И должен был пропеть красивым напев дремотной
баркароллы.

Ты не видал атолл, который взнесен в верховный воздух был
Лишь для того, чтоб я увидел намек на древний цвет и пыл.

И ты увидел, бледным взором, лишь белоцветные кораллы,
А я пришел Варягом смелым искать в морях моей Валгаллы.

И вот дохнул вулкан подводный, и был взнесен, на миг один,
Атолл багряный, чрез мгновенье ушедший в мир своих
глубин.

КОРАЛЛОВЫЕ ОСТРОВА

Море как озеро, безглагольно-лагунное,
Пальмы как стражи стоят.
Что-то отшедшее, что-то звездное-лунное,
Дни однолики подряд.

Временем облако задымится опалами,
Там, на Небесном Пути.
В Вечность заброшены, мы пребудем усталыми,
Некуда больше идти.

ЛАГУНА

Цвет живой, как стебель нежный,
Что овеян легкой мглой,
Вышел к Солнцу, в мир безбрежный,
Но взрощен он под землей.

Изумруд преображенный,
Словно видимый во сне,
Круглых рифов мир затонный,
В ворожащей тишине.

Здесь не встанет вал, в качаньи
Пенно взвихренных минут,
Он в молитвенном молчаньи,
Просветленный изумруд.

Эта зелень покрывала
Влажно-призрачно светла,
И в него лазурь опала,
Изнутри светясь, вошла.

КРУГЛОЕ ЗЕРКАЛО

Лагунный атолл это луг заливной,
Он проснулся над синей волной,
За столетьями снов о луче золотом,
И о пальмах, возросших кругом.

Лагунный атолл — озерная страна
В Океане, где пляшет волна,
Это — круглое зеркало Звезд и Луны,
Чтоб взглянуть в глубину с вышины.

РИФ

Днем и ночью шумит неустанный бурун,
Ударяясь о риф.
И приходит прилив, и не может прилив
Забежать на пространство лагун.

Тот глухой перебой океанской волны
Вековечный псалом,
Он и ночью и днем нарастает кругом,
Как гуденье гигантской струны.

ОСТРОВ

Отроги потонувших гор
Взнеслись из мощной глубины,
Но не достигли до волны, —
Кораллы им сплели узор,
И в вышний воздух вышли сны
Подводной сказочной страны.

Атолл возник. Атолл хотел
Растений, звуков, стройных тел.
Свершилось. Кто-то повелел,
Чтоб был восполнен весь удел.

За много тысяч миль кокос
Упал и плыл.
Ковчег, он жизнь в себе донес,
Зачаток сил.

Его качала и несла
Волна морей,
Чтоб островная глушь была
Еще светлей.

В свой должный день, в свой должный час,
Есть миг чудес.

И пальма стройная взнеслась,
И вырос лес.

И к жизни жизнь, через моря,
Послала весть,
Отважным людям говоря,
Что остров есть.

ТОНГА-ТАБУ

Отъединенный остров,
Цветущие деревья,
Лучисто-сонный остров,
Застывшее кочевье.

Здесь зори светят зорям,
Передвигая время,
Над этим синим Морем
Улыбчивое племя.

В одном недвижном чуде,
Забывши счет столетий,
Здесь счастливы все люди,
Здесь все они как дети.

Но странная здесь чара: —
Когда все спят, ночами,
Как будто клубы пара
Несутся над ветвями.

Как дьявольские клиры,
Скользят, спешат во мраке
Могучие вампиры,
Летучия собаки.

И носятся над садом,
Кружат над огородом,
Своим полночным взглядом
Приносят порчу всходам.

И кажется, что каждый
Здесь сон людской подслушан,
И, в жаре лютой жажды,
Неспелый плод закушен.

Но эти люди-дети
Собак ночных жалеют,
И ни за что на свете
Убить их не посмеют.

И снова день для смеха,
И снова ночью темной
Грабителей потеха,
И пир теней заемный.

ЗАВОРОЖЕННЫЕ

Тонга-Табу, Юг Священный, Край Завороженный,
Я люблю тебя за то, что ты лучисто-сонный.

Я люблю тебя за то, что все Тонганки рады
Пить душой напиток счастья, смехи и услады.

Я люблю тебя за то, что все Тонганцы — дети,
Всех блаженней, простодушней, всех светлей на свете.

Я люблю тебя за то, что вот тебя люблю я,
Потому что Тонга-Табу — счастье поцелуя.

РАССВЕТ

Рассветный свет по пламеням идет,
По облачным он разбросался кручам,
Пылает факел дня, вон тот и тот,
Багряный день велит зажечься тучам.
Повелевает пеньем звонких птиц,
Велит ручью смеяться в звонкой пляске,
Касается загрезивших ресниц,
И манит их раскрыться к новой сказке.

ПАЛЬМА

Пальма кокоа, прямая колонна,
В небе лазурном застыла взнесенно.

Листья, забывшие трепет усилья,
Словно гигантского коршуна крылья.

Очерк изваянный, пальма кокоа,
Лик твой есть остров, чье имя Самоа.

САМОА

Многозвездная ночь на Самоа,
Смуглоликие люди проходят,
И одни восклицают: — «Талёфа!»
И другие примолвят: — «Тофа!»
Это значит: — «Люблю тебя! Здравствуй!»
Также значит: — «Прощай! Ты желанный!»
Смуглоликие люди исчезли,
Их тела потонули в ночи.

Заливаются в ветках цикады,
Южный Крест на высотах сияет,
У коралловых рифов повторность
Многопевной гремучей волны.
Я далеко-далеко-далеко,
Разве мысль приведет меня к дому,
И не знаю, далеко ли дом мой,
Или здесь он на Млечном Пути.

САМОАНКЕ

Ты красива, Самоанка,
    Ты смугла.
Но Севильская Испанка
    Тоже капля, что пришла
Из кипящего котла.

Все вы, все островитяне —
        Красота.
Все же я во вражьем стане.
        Там в России, там в тумане —
Сердце, воля, широта.

САМОАНЕЦ

Вот высокий Самоанец,
Факел левой взяв рукою,
Правой сжал копье.
И по взморью так проходит,
И в воде наметив рыбу,
Он ее гвоздит.

Он проходит в мелководьи,
А немного там подальше,
Где волна грозней,
Неумолчные буруны,
И акула, волком Моря,
Сторожит, следит.

Но не смеет эта ведьма,
Эта дьявольская кошка,
И живой топор,
Подойти к красавцу Моря,
Что направо и налево
Факел свой стремит.

ПАМЯТНИК

Базальтовые горы
        В мерцаньи черноты,
Зеленые узоры
        И красные цветы.

Поля застывшей лавы,
        Колонны прошлых лет,

Замкнувшийся в октавы
Перекипевший бред.

Здесь кратеры шутили
Над синею волной,
Здесь памятник их силе,
Когда-то столь шальной.

Потухшие вулканы,
И в них озера спят,
По ним ползут лианы,
И пляшет водопад.

В ГОСТЯХ

Я сижу скрестивши ноги, я в гостях.
Мысль окончила на время свой размах.
Самоанский дом прохладный, весь сквозной.
Самоанский мой хозяин предо мной.

Он сидит, скрестивши ноги, на полу.
Так зазывчиво ленивит в сердце мглу.
На цыновках мы недвижные сидим.
Миг спокойствия обычаем храним.

Свет безтрепетный, идет за часом час.
Греза шепчет зачарованный рассказ.
Убедительный рассказ в дремотной игле,
Что воистину есть счастье на земле.

ЛЕЛЕИ

Я зашел к Самоанцу испить.
Я не знал, что в единой минуте
Кто-то скрутит цветистую нить,
Чтобы сердце свирелилось в путе,

Научившись внезапно любить.
Я вступил словно в сказочный край.
Уронив свои косы, как змеи,
Самоанка шепнула: «Сияй.
Ты застигнут: Самоа — лелеи».
Это значит: «Самоа есть рай».

ПЛЯСКА

Говорят, что пляска есть молитва,
Говорят, что просто есть круженье,
Может быть, ловитва или битва,
Разных чувств — движеньем — отраженье.
Говорят... Сказал когда-то кто-то, —
Пляшешь, так окончена забота.
Говорят...

Но говорят,
Что дурман есть тонкий яд.
И коль пляшут мне Испанки,
Счастлив я,
И коль пляшут богоданки,
Девы, жены — Самоанки,
Тут — змея.

Вся хотение. Вперед.
Вся томленье. Воздух бьет.
Убегает. Улетает.
Отдается. Упадает.
Вся движением поет,
Птицы раненой полет.
Ближе, ближе. Вот смеется.
Ниже, ниже. Отдается.
Убеганьям кончен счет.
Я — змея.
Чет и нечет. Нечет, чет.
Я — твоя.

ТЕНЬ

Скользят вампиры, роняя тень,
Их тень чернее, чем тени пальм.
Бронею воли свой дух одень,
Закляты чары под тенью пальм.

Когда приплыл ты через моря,
Тебя охватит морская тишь,
Лелея душу, и говоря,
Что жизнь прекрасна, когда ты спишь.

И раз приплыл ты через моря,
На этот остров морских лагун,
Ты будешь таять, свечой горя,
Внимая пенью далеких струн.

Воспоминанье поет хорал,
Сомкнулись тени высоких пальм.
Ты привиденье, ты задремал,
Ты тень на тени взнесенных пальм.

МЕРЕЖА

Сонный дрозд, моим разбужен шагом,
Просвирелил птичий зов-вопрос.
Я мечтой склонился к старым сагам.

Дух ушел на сказочный откос.
Тихий гул промчался по оврагам,
Вихрь пришел, и весть душе принес.

ЛУННЫЙ КОВЕР

Она спросила прихотливо: —
«Зачем ты любишь так Луну?»
Я отвечал: — «Она красива.
И так бывало в старину,

Что все влюбленные — влюблялись
И в ту, чьим сердцем расцвечались,
И вместе с ней еще в Луну».
Она сказала: — «Я ревную».
Я отвечал ей: — «Что ж, ревнуй.
Я ж занавеску расписную
Тебе сотку, — и поцелуй
Любовь нам расцветит двойную».
Еще какой-то мне укор
Она измыслить захотела.
Но я сказал: — «Пустое дело».
И, прекративши с нею спор,
Ей лунный стал я ткать ковер.

КОГДА-ТО

Ветви зеленые брошены в воду,
К мирному ты прибываешь народу.
— Отдых дай кораблю. —

Хочешь объятий, ты хочешь лобзаний?
Женщины — вот. Притаились в тумане.
— Шепчут тебе «Люблю». —

Чаща зеленая. Смуглые жены.
С белым и белым. Забыты препоны.
— Все ж возвращаться час. —

В час возвращения, ссора минутки.
Выстрелы. Камни. Уж тут не до шутки
— Всех истребим мы вас! —

Пули спугнуть не могли смуглоликих.
Радость сражения в сердце у диких.
— Пляшут в руках пращи. —

Скрылись безумцы, что ждали добычи.
Вслед кораблю словно клекот был птичий: —
— Остров иной ищи! —

ЖЕМЧУГА

Тонга-Табу и Самоа — две жемчужины морей.
Тонга-Табу — круглый жемчуг в просветленьи изумруда,
А Самоа — жемчуг длинный в осияньи янтарей.
Но и Тонга и Самоа — только сказка, только чудо.

И не знаешь, где блаженство ты, плывя, найдешь скорей,
То пленяет Тонга-Табу, то влечет к себе Самоа.
Так от острова на остров я стремлюсь среди морей,
И пловучею змеею по волне скользит каноа.

ДРЕВО ГРУСТИ

На прибрежьи, в ярком свете,
Подошла ко мне она,
Прямо, близко, как Весна,
Как подходят к детям дети,
Как скользит к волне волна,
Как проходит в нежном свете
Новолунняя Луна.

Подошла, и не спросила,
Не сказала ничего,
Но внушающая сила, —
Луч до сердца моего, —
Приходила, уходила,
И меня оповестила,
Что, слиянные огнем,
Вот мы оба вместе в нем.

«Как зовут тебя, скажи мне?»
Я доверчиво спросил.
И, горя во вспевном гимне,
Вал прибрежье оросил.
Как просыпанное просо,
Бисер, нитка жемчугов, —
Смех, смешинки, смех без слов,
И ответ на всклик вопроса,

Слово нежной, юной: «Тосо!»
Самоанское: «Вернись!»

Имя — облик, имя — жало.
Звезды много раз зажглись,
Все ж, как сердце задрожало,
Слыша имя юной, той,
По-июньски золотой,
Так дрожит оно доныне,
В этой срывчатой пустыне
Некончающихся дней,
И поет, грустя о ней.

В волосах у юной ветка
С голубым была огнем,
Цветик с цветиком, как сетка
Синих пчел, сплетенных сном.
Тосо ветку отдала мне,
Я колечко ей надел.
Шел прилив, играл на камне,
Стаи рыб, как стаи стрел,
Уносились в свой предел.

Эта ветка голубая, —
Древо Грусти имя ей,
Там, где грусть лишь гостья дней,
Там, где Солнце, засыпая,
Не роняет на утес
Бледных рос, и в душу слез,
Там, где Бездна голубая
Золотым велела быть,
Чтобы солнечно любить.

ФИДЖИ

Последний оплот потонувшей страны,
Что в синих глубинах на дне.
Как крепость, излучины гор сплетены
В начальном узорчатом сне.

Утес за утесом — изваянный взрыв,
Застывший навек водомет,
Базальта и лавы взнесенный извив,
Века здесь утратили счет.

Гигантов была здесь когда-то игра,
Вулканы метали огонь.
Но витязь Небесный промолвил — «Пора»,
И белый означился конь.

Он медленно шел от ущербной Луны
По скатам лазурных высот,
И дрогнули башни великой страны,
Спускаясь в глубинности вод.

Сомкнулась над алой мечтой синева,
Лишь Фиджи осталось как весть,
Что сказка была здесь когда-то жива,
И в грезе по-прежнему есть.

И черные лица Фиджийцев немых,
И странный блестящий их взор —
О прошлом безгласно-тоскующий стих,
Легенда сомкнувшихся гор.

ПРАЗДНИК МИГА

В Новой сказочной Гвинее
У мужчин глаза блестящи,
И у женщин, умудренных
Пеньем крови, жарок взор.
Быстры девушки, как змеи,
Помню рощи, помню чащи,
Тишь лагун отъединенных,
С милой срывный разговор.

О, восторг согласной сказки,
Зыбь зажженной Солнцем дали,
Мысль, которой нет предела,
Пирамиды диких гор.

Грудки нежной Папуаски
Под рукой моей дрожали,
Тело смуглое горело,
Подошла любовь в упор.

Мы давно молились счастью,
И бежав от глаз блестящих,
От очей бежав станицы,
Слили вольные сердца.
Так друг к другу жаркой страстью
Были кинуты мы в чащах,
Как летят друг к другу птицы,
Все изведать до конца.

Вот он, трепет настоящий,
Пенье крови, всем родное,
На высотах небосклона
Мысли Божьего лица.
Солнца глаз, огнем глядящий,
И в крылатой ласке двое,
Два парящих фаэтона,
Два горячие гонца.

НОВОЛУНЬЕ

Пальмы змеино мерцают в ночи,
Новая светит победно Луна,
Белые тянутся с неба лучи,
В сердце размерно поет тишина.

Тихо качаю златую мечту.
Нежность далекая, любишь меня?
Тонкия струны из света плету,
Сердце поет, все тобою звеня.

Я отдалился за крайность морей,
Смело доверился я кораблю.
Слышишь ли, счастье, душою своей,
Как я тебя бесконечно люблю!

УПЛЫВАЕТ КОРАБЛЬ

Уплывает корабль, уплывает, восставая на дальней черте,
И прощально печаль мне свевает, оставляя меня в темноте.
В полутьме, озаренной по скатам и ростущей из впадин
холмов,
Он уплыл, осиянный закатом, уходя до иных берегов.

Вот он срезан водой вполовину. Вот уж мачты содвинулись
вниз.
Вот уж мачты маячат чуть зримо. С воскуреньями дыма
слились.
Он уплыл. Он ушел. Не вернется. Над вспененной я стыну
волной.
Чем же сердце полночно зажжется? Или мертвой ущербной
Луной?

«ТОФА́!»

Прощальный марш играют в бесконечности,
Ты слышишь ли его?
Я слышу. Да. Прости, мои беспечности.
Погасло торжество.

Ушел от нас в ликующей багряности,
Нам радостный пожар.
Он скрылся там, без нас, в безвестной пьяности
Влюбленно-алый шар.

И мы следим в седеющей туманности,
Где сладко так «Люблю»,
Чтоб в верный путь не впуталось нежданности
И нам, и кораблю.

ДУХ ТРЕВОЖНЫЙ

Мной владеет жар тревоги,
Он ведет мою мечту.

Люди медлят на пороге,
Я сверкаю на лету.

Мной владеет дух тревожный,
Ранит, жалит, гонит прочь.
Миг касанья — праздник ложный,
Тут нельзя душе помочь.

Манит берег неизвестный,
Восхотевший досягнул: —
Мир широк был — стал он тесный.
Замер Моря дальний гул.

В путь, моряк. В иные страны.
Стань, глядящий, у руля.
Сказку ткут в морях туманы.
Свежесть в скрипах корабля.

Это я водил круженья
Финикийских кораблей,
И людския достиженья
Разбросал среди морей.

Скандинавские драконы,
Бороздившие моря,
Я, презревший все законы,
Вел, как день ведет заря.

Мной живут в Океании
Вырезные острова,
Мной живут пути морские,
Только мною жизнь жива.

ПРАЗДНИК ВОСХОДА СОЛНЦА

Семь островов их, кроме Мангайи,
    Чтó означает Покой,
Семь разноцветных светятся Солнцу,
    В синей лагуне морской.

В сине-зеленой, в нежно-воздушной,
Семь поднялось островов.
Взрывом вулканов, грезой кораллов,
Тихим решеньем веков.
Строят кораллы столько мгновений,
Сколько найдешь их в мечте,
Мыслят вулканы, сколько желают,
Копят огонь в темноте.
Строят кораллы, как строятся мысли,
Смутной дружиной в уме.
В глубях пророчут, тихо хохочут,
Медлят вулканы во тьме.
О, как ветвисты, молча речисты,
Вьются кораллы в мечте.
О, как хохочут, жгут и грохочут
Брызги огней в высоте.
Малые сонмы сделали дело,
Жерла разрушили темь.
Силой содружной выстроен остров,
Целый венец их, — их семь.
Семь островов их, кроме Мангайи,
Что означает Покой.
Самый могучий из них — Раротонга,
Западно-Южный Прибой.
Рядом — Уступчатый Сон, Ауау,
Ставший Мангайей потом,
Сказкой Огня он отмечен особо,
Строил здесь Пламень свой дом.
Аитутаки есть Богом ведомый,
Атиу — Старший из всех.
Мауки — Край Первожителя Мира,
Край, где родился наш смех.
Лик Океана еще, Митиаро,
Мануай — Сборище птиц.
Семь в полнопевных напевах прилива
Нежно-зеленых станиц.
Каждый тот остров — двойной, потому что
Двое построили их,
Две их замыслили разные силы,
В рифме сдвояется стих.

Тело у каждого острова зримо,
Словно пропетое вслух,
С телом содружный, и с телом раздельный,
Каждого острова дух.
Тело на зыбях, и Солнцем согрето,
Духу колдует Луна,
В Крае живут Теневой привиденья,
Скрытая это страна.
Тело означено именем здешним,
Духам — свои имена,
Каждое имя чарует как Солнце,
И ворожит как Луна.
Первый в Краю Привидений есть Эхо,
И Равновесный — второй.
Третий — Гирлянда для пляски с цветами,
Нежно-пахучий извой.
Птичий затон — так зовется четвертый,
Пятый — Игра в барабан,
Дух же шестой есть Обширное войско,
К бою раскинутый стан.
Самый причудливый в действии тайном,
Самый богатый — седьмой,
С именем — Лес попугаев багряных,
В жизни он самый живой.

Семь этих духов, семь привидений,
Бодрствуя, входят в семь тел.
Море покличет, откликнется Эхо,
Запад и Юг загудел.
Все же уступчатый остров Мангайя,
Слыша, как шепчет волна,
Светы качает в немом равновесьи;
Мудрая в нем тишина.
Эхо проносится дальше, тревожа
Нежно-пахучий извой,
Юные лики оделись цветами,
В пляске живут круговой.
Пляска, ведомая богом красивым,
Рушится в Птичий Затон,

Смехи, купанье, и всклики, и пенье,
        Клекот, и ласки, и стон.
В Море буруны, угрозные струны,
        Волны как вражеский стан.
Войско на войско, два войска обширных,
        Громко поет барабан.
Только в Лесу Попугаев Багряных
        Клик, переклик, пересмех.
Эхо на эхо, все стонет от смеха,
        Радость повторна для всех.
Только Мангайя в дремоте безгласной
        Сказке Огня предана.
Радостно свиты в ней таинством Утра
        Духов и тел имена.

2

Ключ и Море это — двое,
        Хор и голос это — два.
Звук — один, но все слова
        В Море льются хоровое.

Хор запевает,
Голос молчит.

    «Как Небеса распростертые,
    Крылья раскинуты птиц
    Предупреждающих.
    В них воплощение бога.
    Глянь: уж вторые ряды, уж четвертые.
    Сколько летит верениц,
    Грозно-блистающих.
    Полчище птиц.
    Кровью горит их дорога.
    Каждый от страха дрожит, заглянув,
    Длинный увидя их клюв».

Хор замолкает,
Голос поет.

«Клюв, этот клюв! Он изогнутый!
Я птица из дальней страны,
Избранница.
Предупредить прихожу,
Углем гляжу,
Вещие сны
Мной зажжены,
Длинный мой клюв и изогнутый.
Остерегись. Это — странница».

Хор запевает,
Голос молчит.

«Все мы избранники
Все мы избранницы,
Солнца мы данники,
Лунные странницы.
Клюв, он опасен у всех.
Волны грызут берега.
Счастье бежит в жемчуга.
Радость жемчужится в смех.
Лунный светильник, ты светишь Мангайе,
Утро с Звездой, ты ответишь Мангайе
Солнцем на каждый вопрос».

Хор замолкает,
Голос поет.

«Ветер по небу румяность пронес,
Встаньте все прямо,
Тайна ушла!
Черная яма
Ночи светла!
Лик обратите
К рождению дня!
Люди, глядите
На сказку Огня!»

Хор запевает,
Голос молчит.

«Шорохи крыл все сильней.
Птица, лети на Восток.
Птица, к Закату лети.
Воздух широк.
Все на пути.
Много путей.
Все собирайтесь сюда».

Хор замолкает,
Голос поет.

«Звезды летят. Я лечу. Я звезда.
Сердце вскипает.
Мысль не молчит».

Хор запевает,
Голос звучит.

«Светлые нити лучей все длиннее,
Гор крутоверхих стена все яснее.
Вот Небосклон
Солнцем пронзен.
В звездах еще вышина,
Нежен, хоть четок
Утренний вздох.
Медлит укрыться Луна.
Он еще кроток,
Яростный бог.
Солнце еще — точно край
Уж уходящего сна.
Сумрак, прощай.
Мчит глубина.
Спавший, проснись.
Мы улетаем, горя.
Глянь на высоты и вниз.
Солнце — как огненный шар.
Солнце — как страшный пожар.
Это — Заря».

АТОЛЛЫ

Атоллы зеленые,
Омытая утром росистым гора,
В сне сказочном.

Атоллы-оазисы,
В лазурной — и нет — в изумрудной воде,
Взнесенные.

Кораллы лазурные,
И белые-белые диво-леса,
Подводные.

Кораллы пурпурные,
Строители храмов безвестных глубин,
Скрепители.

Атоллы-вещатели,
Связавшие тайность и явность Земли,
В их разности.

Из бездны изведшие
Потонувших в глубинах на вольную высь,
Для счастия.

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

> Корми — как Земля кормит, учи — как Земля учит, люби — как Земля любит.
>
> *Русская поговорка*

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

Из золотого яйца,
Чуть разобьются скорлупы,
Солнце выходит в наш мир.

Жизнь молода без конца,
Вовсе не мертвые — трупы,
В травах готовится пир.

Свадебно вспыхнут цветы,
Взорам открыты расцветы,
Сердце — горячий цветок.

Милая, слышишь ли ты?
Всем есть вопросам ответы,
Стебли зажгли нам намек.

ЧЕТВЕРО СВЕТЛЫХ

Полдень и Полночь, Заря и Закат,
Было их, светлых, четыре.
Утром Заря поднимала набат,
Счастью звонила быть в мире.

В мантии огненной Западный брат
Ей откликался вечерней.

Кровь проливать для желанной был рад,
Вил он гирлянды из терний.

Полдень всегда устремлялся на Юг,
Нежил зеленые стебли.
Быстрым потоком прорезавши луг,
Был там он в радости гребли.

Полночь ковала серебряный круг
Из непослушных светлянок.
И, набросав звездоогненных дуг,
К Пламенным шла спозаранок.

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕРЕМ

На самом крае света,
Где красный пламень, Солнце,
Из синей Бездны всходит,
Как утренний цветок, —
Есть терем златоверхий,
На нем четыре башни,
На башне по оконцу,
У каждой есть глазок.

Одно оконце красно,
Как красная калина,
Другое голубое,
Как утром небеса,
И третье белоснежно,
Как самый белый бархат,
Четвертое златое,
Как осенью леса.

И под оконцем белым
Есть пташка первозимья,
Снегирь там красногрудый,
Он оттепель зовет.
И над оконцем синим
Там жаворонок звонкий,

Пред золотым — синица,
А в красном — кровь течет.

В том красном — все чудное,
Петух поет про утро,
Огонь поет про счастье,
Придет, мол, в должный срок.
И из того оконца
Пожаром рвутся птицы,
И Солнце, пламень красный,
Возносит свой цветок.

ДЕНЬ И НОЧЬ

День кольцом и Ночь колечком
Покатились в мир,
К этим малым человечкам,
На раздольный пир.
Ночь — колечко с камнем лунным,
День — весь золотой.
И по гуслям сладкострунным
Звон пошел литой.
Льется, льется День златистый,
И смеется Ночь.
От людей огонь лучистый
Не уходит прочь.
День и Ночь, смеясь, сказали: —
«Вот покажем им».
В светлом пиршественном зале
Коромыслом дым.
Месяц в Небе, в Небе Солнце,
Светы пить так пить.
На заветном веретенце
Все длиннее нить.
Месяц тут, — но не приходит
С круторогим Ночь.
Солнце тут, — и не уходит
День стоокий прочь.

Два кольца играют в свайку,
Год без перемен.
Ходит луч, пускает зайку,
Зайчика вдоль стен.
Зайчик солнечный сорвется
К полу с потолка,
Вкось стрельнет и улыбнется,
Жизнь ему легка.
Взор слепит он... «Злой ты зайчик,
Убирайся прочь.
В детский спрячься ты сарайчик,
И зови к нам Ночь».
Ночь катается колечком,
День бежит кольцом.
Пир не в радость человечкам,
Все у них — с концом.
А по гуслям, словно в чуде,
Звонкая игра.
И в слезах взмолились люди: —
«Будет. Спать пора».

Если люди даже в чуде
Видят боль сердец,
Пусть и в звоне-самогуде
Будет им конец.
День и Ночь сейчас плясали
Вместе возле нас, —
Вот уж Ночь в высокой дали,
Вот уж День погас.
Перстень злат стал весь чугунным, —
Тут уж как помочь.
И колечко с камнем лунным
Укатилось прочь.

НАД РАЗЛИВНОЙ РЕКОЙ

Я видел всю Волгу, от капель до Каспия,
Я видел разлившийся Нил,

Что грезит доднесь — и навек — Фараонами,
Синея меж царских могил.

Я видел в Америке реки кровавые,
И черные токи воды,
Я знаю, что в Майе есть реки подземные,
Которым не нужно звезды.

Оку полюбил я, с Ильею тем Муромцем,
Когда я влюблен был и юн,
И завтра на Ганге увижу я лотосы,
Там гряну всезвонностью струн,

Но странно Судьбою прикованный к Франции,
Я серую Сену люблю,
И духом идя до отчизны покинутой,
Я там — засыпаю — я сплю.

Я сплю лунатически, сном ясновидящим,
И вижу разрывы плотин,
И слышу журчание волн нерасчисленных,
И звон преломления льдин.

ОТ ПОКОЯ ДО ПОКОЯ

Я тебе построю терем далеко от мглы людской,
Из павлиньих перьев домик на равнине на морской,
И от Моря до покоев будет лестниц там игра,
Днем ступени золотые, по ночам из серебра.

Много будет полукруглых изумрудных там окон,
И опаловый над Морем высоко взойдет балкон.
И еще там будет башня из гранатовых камней,
Чтоб на этот мак взнесенный Зори глянули ясней.

От покоя до покоя мы с неспешностью пойдем,
Будут радуги светить нам, воздвигаясь над дождем.
И на всем безбрежном Море засветлеет бирюза,
Увидав, что сердце любит, и глаза глядят в глаза.

А КРОВЬ?

А кровь? А кровь? Она течет повсюду.
И это есть разлитие Зари?
Душа, терзаясь, хочет верить чуду,
Но нежных слов сейчас не говори.

Я чувствую жестокую обиду.
Я слышу вопль голодных матерей.
И как же я в свое блаженство вниду,
Когда есть боль вкруг радости моей?

Все ж ведаю, что радость неизбежна.
Но от лучей да поделюсь огнем.
Склоняюсь к темным. Горько мне и нежно.
О, боль души! Замолкнем и уснем.

ПОГОРЕЛИ

Голодали. Погорели.
В бледном теле крови нет.
Завертелись мы в метели,
В вое взвихренных примет,

Мы остывшие блуждали
Вдоль замерзших деревень.
Видишь вьюгу в снежной дали?
Это наш посмертный день.

Голодая, мы заснули,
Был напрасен крик: «Горим!»
Дым и пламень, в диком гуле,
Пеплом кончились седым.

Голодать ли? Погореть ли?
Лучше ль? Хуже ль? Все равно.
Из чего ни свей ты петли,
Жалким гибнуть суждено.

Отгорела гарь недуга.
Пламень гибнущих пожрал.
Вот, нам вольно. Вьюга! Вьюга!
Пляшет снежно стар и мал.

Час и твой придет последний.
Дай богатый. Сыпь хоть медь.
Не откупишься обедней.
Нужно будет умереть.

БЕЗ ПРЕДЕЛА

Снежная равнина без предела.
По краям все лес и лес и лес.
Почему так стынет это тело?
Отчего напрасно ждешь чудес?

Черные и серые деревни.
Зябкое, голодное лицо.
Отчего тот голод, страшный, древний?
Кто сковал железное кольцо?

Белая равнина без предела.
Льнет мятель, снежинками шурша.
Отчего так сердце онемело?
Как же в плен попала ты, душа?

ГИЕРОГЛИФЫ

Удел мой начертил гиероглифы мысли,
Такой узорчатой, что целый мир в ней слил.
Россию вижу я. Туманы там нависли.
И тени мстительно там бродят вкруг могил.

Но странно-радостно мне в горечи сердечной.
Я мыслью — в золотом: Там, в юности моей.
Как я страдал тогда. Был в пытке бесконечной.
Я Смерть к себе призвал, и вел беседу с ней.

Но Смерть сказала мне, что жить еще мне нужно,
Что в испытаниях — высокий путь сердец.
И светел я с тех пор. Мечта моя жемчужна.
Я знаю — Ночь долга, но Зори вьют венец.

ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

Каждый день, по утрам, по опушке лесной,
Я один прохожу, лишь поля предо мной.

Каждый день, ввечеру, близ плакучих берез,
Я в душе проношу закипания слез.

Неоглядная ширь. Неностижная тишь.
Я горел. Я пришел. Почему ж ты молчишь?

Ты моя, не моя. Ты родимая мать.
Но с тобой не могу я медлительно ждать.

Но с тобой не могу быть в бесславных боях,
Потому что в крылах есть могучий размах.

Все твои сыновья это братья мои.
Все! И вор, и злодей! Всех кажи! Не таи!

Но, родимая мать, как палач палачу,
Буду брату в борьбе! Палача — не хочу!

И убить не хочу. Но и быть не хочу
Там, где вольно нельзя быть дневному лучу.

Я крылатый твой сын, я певучий певец,
Я восторгом обжег много быстрых сердец.

Ну и вот наконец... Вижу долю мою...
Я один средь полей... И как нищий стою...

Помоги же мне, мать! О, родимая мать!
Научи же меня, с кем войну воевать.

А не хочешь войны, — а довольна собой, —
Отпусти же меня на простор голубой.

НОЧЬЮ

Для каждого есть возжеланье быть в тихом покое.
Для каждого змеем ползущим приходит черед.
Уж скоро я буду светиться как Солнце Ночное,
Как Месяц багряный, когда он на убыль идет.

Уж скоро туманы сплетут мне седые покровы,
И стебли согбенно холодную примут росу.
За лесом заснувшим скликаются зоркие совы,
Над темной трясиной я факел полночный несу.

ТЕ ЖЕ

Те же дряхлые деревни,
Серый пахарь, тощий конь.
Этот сон уныло-древний
Легким говором не тронь.

Лучше спой здесь заклинанье,
Или молви заговор,
Чтоб окончилось стенанье,
Чтоб смягчился давний спор.

Эта тяжба человека
С неуступчивой землей,
Где рабочий, как калека,
Мает силу день-деньской.

Год из года здесь невзгода,
И беда из века в век.
Здесь жестокая природа,
Здесь обижен человек.

Этим людям злое снится,
Разум их затянут мхом,
Спит, и разве озарится,
Ночью, красным петухом.

НА ОПУШКЕ

Луг, золотой от весенних цветов.
Томные зовы печальной кукушки.
Скорую смерть повстречать ты готов?
Трижды «Ку-ку» пронеслось по опушке.
Три мне еще обещает весны
Эта кудесница гулкого леса.
Полно. Не нужно. Я видел все сны.
Пусть поскорее сгустится завеса.

ТОСКА

По углам шуршат кикиморы в дому,
По лесам глядят шишиморы во тьму.
В тех — опара невзошедшая густа,
Эти — белые, туманнее холста.

Клеть встревожена, чудит там домовой,
Уж доложено: Мол, будешь сам не свой.
Не уважили, нехватка овсеца,
И попляшет ваш коняга без конца.

Челку знатно закручу ему винтом,
И над гривой пошучу, и над хвостом.
Утром глянете, и как беде помочь,
Лошадь в мыле, точно ездила всю ночь.

В поле выйдешь, так бы вот и не глядел.
Словно на смех. И надел как не надел.
На околице два беса подрались,
Две гадюки подколодные сплелись.

А придет еще от лешего тоска,
Хватишь водки на четыре пятака.
Ну, шишиморы, пойду теперь в избу.
Ну, кикиморы, в избе как есть в гробу.

БЕЛЫЕ БЕРЕЗЫ

Эти белые березы
        Хороши.
                Хороши.
Где ж мой милый? В сердце слезы
        Утиши.
                Поспеши.
Или больше он не хочет?
        И алмаз
                Мой погас?
Вот кукушка мне пророчит
        Близкий час.
                Смертный час.
Или нет мне поцелуя?
        Милый мой!
                Милый мой!
Если из лесу пойду я, —
        Не домой.
                Не домой.
Быть с тобою, или в землю.
        Там, в сырой,
                Пламень скрой.
Там, в могиле, тайну скрою,
        Милый мой!
                Милый мой!

ВОДОВЕРТЬ

В водокрути, в водоверти,
Пляшут ведьмы, скачут черти.
        Расступись-ка, водокруть,
        Дай в тебя мне заглянуть.

Я среди людей бывала,
Знаю разных лиц немало.
Истомилась там, смотря,
Что ж мне медлить в мире зря.

Вот, я здесь еще девица,
Но иные вижу лица.
Покрутитесь предо мной,
Буду Дьяволу женой.

Мне наскучило людское,
Предо мной пляшите вдвое.
Закрутись, моя душа,
Пляска в полночь хороша.

Мчитесь в пропасть, лица, лица,
Я венчанная царица.
От людей хоть прямо в Смерть,
Замыкайся водоверть.

СЛОВО

От Моря до Моря другого,
От воды до великой воды,
Смутьянило мертвое слово,
Не песню рождало, а льды.

Бродило как будто благое,
Ходило как вольная весть.
«Пребудьте в могильном покое.
Молчите. Вам нечего есть.

Молчите. За вас в говорильне
К словам громоздятся слова.
Могильнее. Тише. Могильней.
Стелитесь, как в ветре трава».

Так тешится мертвое слово,
Не чуя грядущей беды.
От Моря до Моря другого,
От воды до великой воды.

СКИФ

Мерю степь единой мерою,
Бегом быстрого коня.
Прах взмету, как тучу серую.
Где мой враг? Лови меня.

Степь — моя. И если встретится
Скифу житель чуждых стран,
Кровью грудь его отметится.
Пал — и строй себе курган.

У меня — броня старинная,
Меч прямой и два копья,
Тетива на луке длинная,
Стрел довольно. Степь — моя.

Лик коня, прикрытый бляхами,
Блеском грифов, птиц, и змей,
Ослепит огнем и страхами
Всех врагов меты моей.

А мета моя — высокая,
Византийская княжна,
Черноокая, далекая,
Будет мне мечом дана.

Полетим как два мы сокола.
Звон бубенчиков, трезвонь.
Кто вдали там? Кто здесь около?
Прочь с пути! Огонь не тронь!

ДВА СОКОЛА

Белый сокол, светлый сокол, он отец,
Серый сокол, соколица, — это мать.
Светлый сокол, клюв и когти — в глубь сердец,
Он когтями так умеет обнимать.

Белый сокол, сильный сокол, солнцеок,
Серый сокол, темный сокол — в глубь гнезда.
Светлый сокол, твой полет в лучах высок,
Темный сокол, над тобой во тьме звезда.

СТЕПЬ

Я иду, иду. Всюду степь и степь.
Небо шлет звезду. Упадет за степь.
Небо шлет еще. Свет умрет в пути.
Этот звездный счет мне ль умом пройти!

Я пою себе: Дух смутьян, свирель.
Говорю себе: Да порви же цепь.
День уходит в тень. Всюду степь и степь.
Ночь уходит прочь. Не проходит степь.

В СТЕПЯХ

Здесь мы бродим на степи. Говорим себе: Терпи.
Говорим себе мы: Спи. Сон — спасение в степи.

Здесь мы веселы тогда, — лишь тогда, когда мы пьяны.
Разрушаем ровность дней, — лишь как строим мы курганы.

Здесь напрасно смотрит глаз. Ищет, ищет, — гаснут силы.
Ровность степи давит нас. Здесь высоки лишь могилы.

Так и бродим по степям. Телом здесь, а сердцем там.
Кто в степях поможет нам? Так и бродим по степям.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Я один на воле,
Перекати-поле.
Пляшет, скачет шар-клубок.
Корни дуба крепки,

Мне ни в чем зацепки.
Путь свободен, мир широк.

У иного сила
Вся ушла в стропила,
Как гробницу строит дом.
Мне иная доля —
Перекати-поля: —
Хочешь воли, так уйдем.

КОГДА ЖЕ?

Когда же он, тот безымянный кто-то,
Кто в наши незапамятные дни
Лес победил и выкорчевал пни, —
Кому земля отрада и забота,
Кто был кормильцем темным искони, —
Когда же он, кто ведал гнет без счета,
И сам, другим кормилец, голодал, —
Когда же он узнает дни иные?
Я жду. Молюсь. И пусть я слаб и мал,
Моя молитва в выси неземные
Идет как крик. Я Небу говорю: —
Пошли же темным яркую зарю.

ПОСЛЕ БУРИ

Зеленовато-желтый мох
На чуть мерцающей бересте.
Паденье малых влажных крох,
Дождей отшедших слабый вздох,
Как будто слезы на погосте.
О, этих пиршественных бурь
В ветрах сметаемые крохи!
Кривой плетень. Чертополохи.
Вся в этом Русь! И, в кротком вздохе,
Сам говорю себе: Не хмурь
Свой тайный лик. Молчит лазурь.

Но будет: Вновь мы кликнем громы,
И, в небе рушась, водоемы,
Дождями ниву шевеля,
Вспоят обильные поля.

ИГЛЫ-ИГОЛЬЧИКИ

Стебель овса,
Это — краса
Наших безбрежных полей.
Иглы-игольчики,
Звон-колокольчики.
Небо, пошли нам дождей!

В колосе ржи,
Возле межи,
Шелест и шепот расслышь.
Нива зеленая,
Словно с амвона я
Слышу молитвы и тишь.

Хлеб мой ржаной
Весь предо мной.
Солнце, пошли нам огня!
Свет-колокольчики,
Иглы-игольчики,
Тешат, не колют меня.

Тихо звеня,
Корм для коня
Вызлатил ровность пустынь.
С желтыми нивами
Быть нам счастливыми.
Колос да спеет! Аминь!

КОЛОС

Колос полный, колос спелый, золотой,
Ты, возросший из единого зерна,

Ты, узорный, ты, резной, и ты, литой,
Ты, дремотный, колос к колосу — волна.

Зерна в числах, звезды в небе, нити сна,
Пряжа грезы, всходы радуг, Млечный Путь,
Как красива перекатная волна.
Веруй в даль. Беги вперед. Себя забудь.

РУСЬ

Русь — русло реки всемирной,
Что дробится вновь, — и вновь
Единится в возглас пирный: —
«Миг вселенский приготовь!»

Русь — русло реки свободной,
Что, встречая много стран,
Тихо грезит зыбью водной: —
«Где окружный Океан?»

КАПЛЯ

Семьюдесятью горлами,
В то море, во Хвалынское,
Втекает Волга водная,
Что с капли зачалась.
Семьюдесятью ветками,
Древа в лесу могучия
До неба умудряются,
Да небо не про нас.

По небу только молнии
Прорвутся и сокроются,
По небу только с тучами
Проносятся орлы.
А мы с землею связаны
Семьюдесятью связами,
И лишь слезой любовною
Как дым взойдем из мглы,

ЮРОДИВЫЙ

Есть глубинное юродство
Голубиной чистоты,
Человека с зверем сходство,
Слитье в цельность я и ты.
Все со мною, все со мною,
Солнце, Звезды, и Луна,
Мир я в Церковь перестрою,
Где душе всегда слышна
Псалмопевчества струна.

Был один такой прохожий
Схвачен. — «Кто ты?» — «Божий сын».
«— Песий сын?» — «И песий тоже».
В этом крае Господин
Порешил, что он — безумный.
Отпустили. И во всех,
Средь толпы бездушно-шумной,
Вызывал слепой он смех.

Вот мужик над жалкой клячей
Измывается кнутом.
Тот к нему: — «А ты б иначе.
Подобрей бы со скотом».
«— Ты подальше, сын собачий»,
Рассердившийся сказал.
Тот, лицом припавши к кляче,
Вдруг одну оглоблю взял,
И промолвил: — «Кнут не страшен,
Что ж, хлещи уж и меня.
Для телег мы и для пашен.
А тебе-то ждать огня».
И хлеставший, удивленный,
Лошадь больше не хлестал.
Юродивый же, как сонный,
Что-то смутное шептал.
«— Если Бог — Отец превышний,
Все мы — дети у Отца.

В Доме — все, никто — не лишний.
Черви сгложут мертвеца.
Без червей нам быть неможно,
Смерть придет, и жизнь придет.
В мире шествуй осторожно,
Потому что пламень ждет.
Хоть червя здесь кто обидит,
Побывать тому в Аду.
Кто же мир как правду видит,
В сердце примет он звезду.
Он с огнем в душе здесь в мире,
Согревая всех других,
Смотрит зорче, видит шире,
И поет как птица стих.
Если спросят: — Кто вам предки? —
Молвим: — Волны предки нам,
Камни, звери, птицы, ветки.
Ходит ветер по струнам,
Дождь скопляется на камне,
Птице есть испить чего.
Сила виденья дана мне,
Всюду вижу — Божество».

Так ходил тот юродивый
По базарам меж слепых,
В сером рубище — красивый,
Вечно добрый — между злых.
Шла за ним везде собака,
С нею жил он в конуре.
И вещал: — «Вкусивши мрака,
Все проснемся мы в Заре».

КАЛИКА ПЕРЕХОЖИЙ

Я калика перехожий,
Я убогий богатырь.
Только с нищим я несхожий,
Как и камень алатырь —

Не булыжник сероцветный,
И не гость песков, голыш,
Я пою мой стих заветный,
Я не крыса, я не мышь.

Крыса в мире — лик заразы,
Мышь дырявит пол в избе.
А мои слова — алмазы,
Мой удел — зарок Судьбе.

Если девушке пригожей
Вдруг под сердце подошло, —
Я, калика перехожий,
Поколдую ей светло.

Если духом никнет юный, —
Он воспрянет предо мной,
Увидав, как звонки струны,
Как горит струна струной.

Если старая и старый
Смотрят все на жизнь свою, —
Я им мудрость полной чарой
Словно пьяный мед пролью.

Если чья судьба бездольна,
Я, калика, возвещу: —
Полно, брат, и мне ведь больно,
Жду весны — и не ропщу.

Я могучий, я увечный,
Ноги — скованы с землей,
Дух летит в простор свой вечный,
Здравствуй, добрый! Здравствуй, злой!

НА ЯРМАРКЕ

По проволоке зыбкой
Идет мой белый брат,

Смычок владеет скрипкой,
Быть на земле я рад.

Так жутко, что прекрасный
Проходит в высоте.
Владея скрипкой страстной,
Веду скольженья те.

Мелькает блеск алмазный
Подвижного кольца.
Владея сказкой связной,
Играю без конца.

И если на земле я,
А брат мой в вышине,
Так это скрипка, млея,
Двоим поет во сне.

И если на земле я,
А брат мой вышний дух,
Так это сердце, рдея,
Ему диктует вслух.

Скрестив кривые ноги,
Струю напевный звон.
В воздушные чертоги
Уводит взоры он.

Я выгнулся волною,
Спиною горбуна.
О, брат, иди за мною
О, брат, нежна струна!

То вправо тень, то влево,
То слева вправо свет.
Поверь в слова напева,
Желанней счастья нет.

Одно нам было детство,
Различность снов потом.

Раздельное наследство
В единый сон сведем.

То влево свет, то вправо,
То справа влево тень.
Нас ждет вовеки слава,
Собой меня одень.

Вот самый звук блестящий.
Мой брат, любимый брат!
Пляшите, ноги, чаще,
Быть на земле я рад.

Он завершил взнесенье,
Исчерпал пляску сил.
И взлет внеся в паденье,
Убился и убил.

КОЛЬЦО

Она, умирая, закрыла лицо,
    И стала, как вьюга, бела,
И с левой руки золотое кольцо
    С живым изумрудом сняла,
И с белой руки роковое кольцо
    Она мне, вздохнув, отдала.

«Возьми», мне сказала, «и если когда
    Другую возьмешь ты жену,
Смотри, чтоб была хороша, молода,
    Чтоб в дом с ней впустил ты весну,
Оттуда я счастье увижу тогда,
    Проснусь, улыбнусь, и засну.

И будешь ты счастлив. Но помни одно: —
    Чтоб впору кольцо было ей.
Так нужно, так должно, и так суждено.
    Ищи от морей до морей.

Хоть в Море спустись ты на самое дно.
Прощай... Ухожу... Не жалей...»

Она умерла, холодна и бледна,
Как будто закутана в снег,
Как будто волна, что бежала, ясна,
О жесткий разбилася брег,
И вот вся застыла, зиме предана,
Средь льдяных серебряных нег.

Бывает, что вдовый останется вдов,
Бывает — зачахнет вдовец,
Иль просто пребудет один и суров,
Да придет — в час должный — конец,
Но я был рожден для любви и цветов,
Я весь — в расцветаньи сердец.

И вот, хоть мечтой я любил и ласкал
Увядшее в Прошлом лицо,
Я все же по миру ходил и искал,
Кому бы отдать мне кольцо,
Входил я в лачуги и в царственный зал,
Узнал не одно я крыльцо.

И видел я много чарующих
С лилейностью тонких перстов,
И лютня любви свой серебряный звук
Роняла мне в звоны часов,
Но верной стрелой не отметил мне лук,
Где свадебный новый покров.

Цветочные стрелы вонзались в сердца,
И губы как розы цвели,
Но пальца не мог я найти для кольца,
Хоть многия сердце прожгли,
И я уходил от любви без конца,
И близкое было вдали.

И близкое болью горело вдали.
И где же бряцанье кадил?

Уж сроки мне в сердце золу принесли,
Уж много я знаю могил.
Иль бросить кольцо мне? Да будет в пыли.
И вот я кольцо уронил.

И только упал золотой изумруд,
Ушло все томление прочь,
И вижу, желанная близко, вот тут,
Нас в звезды окутала ночь,
И я не узнал меж медвяных минут,
Что это родимая дочь.

Когда же, с зарею, Жар-Птица, светла,
Снесла золотое яйцо,
Земля в изумруды одета была,
Но глянуло мертвым лицо
Той новой, которая ночью нашла,
Что впору пришлось ей кольцо,

ШИШИМОРА

1

Шел я в лес.
Ты послушай: Шел я — в лес.
В лесе — Леший.
Был я пеший.
Закрутился старый Бес.
Там и тут,
Прямо шут.
Весь зеленый и седой,
С распушною бородой.
Покривлялся, покачался, засмеялся, и исчез.
Бес так Бес,
Знаю — лес,
Куст и куст, сосна с сосною.
«Ну», — подумал я, — «со мною
Не пошутишь, шалый плут».

Чуть сказал, он тут как тут.
Ширит шею, пучит очи,
То длинней он, то короче,
То прокатится как шар.
В лесе мглистом,
С шипом, с свистом,
Вдруг шарахнется по веткам, под листами как
пожар.
Смотрит в чаще, шарит, шарит,
В шапку метит, к шапке шасть,
Шапке надобно пропасть.
Где-то печка, что-то жарит,
Уж поест он, верно, всласть.

Словно шершень, весь шершавый,
Скалит зубы, Бес лукавый.
Ты, шайтан,
Верно, пьян?
Он хохочет, он щекочет,
Он со мной кружиться хочет,
Брызнул вспышкою огня,
Щип за щиколку меня.
Он, юродствуя, пророчит.
Взял старушечий салоп,
Человека бабьим — в лоб.
Убегаю, — настигает. Поспешаю, — яма, стоп.

Я стою в грязи по пояс.
Это — я?
Предо мною, в яме роясь,
Супоросая свинья.
В стороне — шалаш убогий,
Сверху — Месяц круторогий.
Сучья старые шуршат,
Мыши в щели шебаршат.
Старый Шут с зеленой рожей,
Весь ни на что не похожий,
Убежал.
И в лесу затрепетавшем

Он, конем, узду порвавшим,
За опушкой там заржал.

2

Тихонько, как змея,
Из ямы вышел я.
И в лес опять спешу,
Едва-едва дышу.
А там в стволах
Скребется страх.
А там в стеблях
Встает: «Ах! Ах!»
А там в кустах: «Шу! Шу!»
«Пожалуйте! Прошу!»

Шишимора раскосая
Смеется, развалясь.
Пришла сюда, мол, с плёса я.
Любиться? В добрый час!
«Шишимора истомная
И с рыбьим я хвостом.
Мой полог — ночка темная,
Где лягу, там и дом.
Шишимора — охочая,
Раскинуть ноги — сласть.
Являюсь в темной ночи я,
Чтоб в ночи и пропасть».
Шишимора — раскосая:
Прими-ка, мол, жену.
«Полюбимся, а с плёса я
В последний раз плесну».
Шишимору — с развалочкой
Уважил сам шуяк,
Зовет любезной галочкой,
Вертит ей так и сяк.
Шишимора шушукает:
«А где моя душа?»
Шуяк ее баюкает,
Шуяк, шульгач, левша.

3

Я — бежать, — нет силушки,
И некуда идти.
Все кругом могилушки,
Стебель на пути.
Желтый шильник, стрелица,
Совиная стрела.
Вкруг нея — метелица,
Ведьмовская мгла.
«Совки, совки, совушки,
Кого теперь клевать?
Дьявольския вдовушки
Лягут на кровать.
Расцветает стрелица.
Мой милый, поспешай.
Целый мир — безделица,
Лишь со мною — рай.
Совки, совки, совушки,
Сюда, сюда, сюда!
Кровь жарка у вдовушки,
Слезы же — вода!»

4

Я бежал, простоволосый,
А в лесу был гик за мной: —
То с шишиморой раскосой
Хохотал шуяк шальной.
Шерсть какая-то летела,
Шелушилася кора.
Где шагнешь, повсюду — тело,
Где ни стань, в земле — дыра.
Ветер веял, щупал щеки,
Паутинил волоса,
В уши мне шептал намеки,
В далях зыбилась роса.
Я бежал до смутных склонов,
До высокого холма.

Добегу, — но в гуле звонов
Ночь препятствует сама.
Вот уж, вот уж склоны встали,
Вот уж, вот окончен лес, —
Снова холм — в далекой дали,
Цепкий лес — как строй завес.
Упадаю. Слышны вскрики,
Клекот хищницы: «Шабаш!
Закрутитесь, павилики!
Вейся, вьюн! Теперь он наш!»

5

И лежу.
И гляжу.
Что я вижу, что я знаю, никому не расскажу.
Знает лес и тишина,
Знают звезды и Луна,
Знаю — я, кого здесь Рыбарь ввел, играя,
в мережу.

Из норы,
Из-под горы,
Зверь какой-то выметается.
Глянет в небо, — и сюда
С неба вниз летит звезда,
Кто-то в мире здесь рождается.

В мире бродит волк всегда.

Где-то шепчутся старухи,
С голодухи повитухи.

Зверь сейчас же до норы
Шорк с горы,
Вспыхнет порохом.
Сухолистьем прошмыгнул,
По вершинам шепчет гул,
Шатким шорохом.

ЖАЛОБА КИКИМОРЫ

Я кикимора похвальный,
Не шатун, шишига злой.
Пробегу я, ночью, спальной,
Прошмыгну к стене стрелой,
И сижу в углу печальный, —
Что ж мне дали лик такой?

Ведь шишига — соглядатай,
Он нечистый, сатана,
Он в пыли дорог оратай,
Вспашет прахи, грусть одна,
Скажет бесу: «Бес, сосватай», —
Скок бесовская жена,

Свадьбу чортову играет,
Подожжет чужой овин,
Задирает, навирает,
Точно важный господин,
Подойди к нему, облает,
Я же смирный, да один.

Вот туг угол, вот тут печка,
Я сижу, и я пряду.
С малым ликом человечка,
Не таю во лбу звезду.
Полюбил кого, — осечка,
И страдаю я, и жду.

Захотел я раз пройтиться,
Вышел ночью, прямо в лес.
И пришлось же насладиться,
Не забуду тех чудес.
Уж теперь, когда не спится,
Прямо — к курам, под навес.

Только в лес я, — ухнул филин,
Рухнул камень, бухнул вниз.

На болоте дьявол силен,
Все чертяки собрались.
Я дрожу, учтив, умилен, —
Что уж тут! Зашел, — держись!

Круглоглазый бес на кручу
Сел и хлопает хвостом.
Прошипел: «А вот те взбучу!»
По воде пошел содом.
Рад, навозную я кучу
Увидал: в нее — как в дом.

Поднялось в болоте вдвое,
Всех чертей спустила глыбь.
С ними бухало ночное,
Остроглазый ворог, выпь,
Водный бык, шипенье злое, —
И пошла в деревьях зыбь.

Буря, сбившись, бушевала,
В уши с хохотом свистя.
Воет, ноет, все ей мало,
Вдруг провизгнет, как дитя,
Крикнет кошкой: «Дайте сала!»
Дунет в хворост, шелестя.

А совсем тут рядом с кучей,
Где я спрятался, как в дом,
Малый чертик, червь ползучий,
Мне подмигивал глазком
И, хлеща крапивой жгучей,
Тренькал тонким голоском.

Если выпь, — бугай, — вопила
И гудела, словно медь,
Выпь и буря, это — сила,
Впору им взломать и клеть,

А чтоб малое страшило
Сечь меня, — не мог стерпеть!

Я схватил чертенка-злюку,
Он в ладонь мне зуб вонзил.
Буду помнить я науку,
Прочь с прогулки, что есть сил.
И сосу за печкой руку,
Грустный, сам себе немил.

От сидячей этой жизни
Стал я толст, и стал я бел.
Я непризнанный в отчизне,
Оттого что я несмел.
Саван я пряду на тризне,
Я запечный холстодел.

УРОДЦЫ

Два глазастые уродца
Из прогорклого болотца,
    Укрепившись в силе,
    К Фее приходили.

И один был Лягушонок,
Еле-еле из пеленок,
    Квакалка-квакушка,
    В будущем лягушка.

А другой — Упырь глазастый,
Перевертыш головастый,
    Кровосос упорный,
    И со шкуркой черной.

Перевертыш, перекидыш,
Он в болотце был подкидыш:
    Согрешил с Ягою
    Бес порой ночною.

Лягушонок же зеленый,
Презиравший все законы,
Прыгал через мостик,
Задирая хвостик.

Два глазастые уродца
Из-под кочки, из болотца,
Искупавшись в иле,
К Фее приходили.

«Ты», сказали, «иностранка,
Сладкозвонка и обманка,
Мы же нутряные,
Водные, земные».

Стали оба, руки в боки.
«Ты», твердят, «без подоплёки.
Пазуха-то есть ли?
Все сидеть бы в кресле».

Не понравился вопросик.
Фея вздернула свой носик,
Призывает свиту,
Упырю быть биту.

Впрочем, нет. Дерутся волки,
Или глупые две телки,
Фея же воздушна,
И великодушна.

Фея пчелкам приказала,
Показали только жало, —
И Упырь от страха
Прыг в бадью с размаха.

Лягушонок — мух глотатель,
Пчел он тоже не искатель,
И, как пойман в краже,
«Квак», и прыг туда же.

Два глазастые уродца
Пали вниз на дно колодца,
И скорбят речисто: —
«Очень уж тут чисто».

Фея ж пчелкам усмехнулась,
На качалке покачнулась,
И с Шмелем, дворецким,
В путь, к князьям Немецким.

МЫШЬ И ВОРОБЕЙ

Жили мышь с воробьем ровно тридцать лет,
Никакие их ссоры не ссорили.
Да вот в маковом зернышке путного нет,
Из-за зернышка оба повздорили.
Всякий, что ни найдет, все с другим пополам,
Да нашел воробей это зернышко.
«Что вдвоем», он сказал, «тут делить будет нам!»
И склевал он один это зернышко.
«Ну», сказала тогда черноглазая мышь,
Сероспинная мышь, серохвостая,
«Если так, воробей, ты со мной угоришь,
И с тобой расплачусь очень просто я».
«Писк!» тут пискнула мышь. «Писк!» пропела она.
И зверье набежало зубастое.
«Писк!» пропел воробей. «Писк! Война так война!»
Войско птиц прилетело глазастое.
Воевалась война ровно тридцать лет
Из-за макова зернышка черного, —
Пусть и мало оно, извиненья в том нет
Для того преступленья позорного.
Тридцать лет отошло, и сказало зверье:
«Источили напрасно здесь зубы мы».
Перемирье пришло. «Что мое, то твое».
Так решили. «Не будем же грубыми!»
Воробью протянула безгневная мышь
Свою правую ручку в смирении.
Клюнул он поцелуй. И глядишь-поглядишь,
Так вот людям бы жить в единении!

ШАТКОСТЬ

В безглазой серой мгле безмерность, безызмерность.
Безотносительность, пустыня дней без вех,
Бескрайность скатная, бродячих снов неверность,
Отсутствие путей, хотя б ведущих в Грех.

Нет линии прямой, куда ни глянет око,
Нет радуги-дуги с делением цветов,
Одна пространственность, зияние широко,
И вдоль и поперек — поток без берегов.

Поток ли, Море ли, кто точно установит?
Что ни волна, то тень, и что ни лик, то нуль.
Нет точных единиц. И слух напрасно ловит
Хотя б намек какой в пузыристом буль-буль.

Бунт буйствует боев без цели и закона.
Все тает. Плыть — куда? Вперед или назад?
О, пусть бы четко встал хотя челнок Харона!
Нет перевозчика — ни даже в верный Ад.

В ТЮРЬМЕ

Все время, все время, скорблю и грущу.
        Все время, все время.
В саду я посеял заветное семя,
Расцветов напрасно ищу,
        Все время, все время.

Так падают капли на темя, на темя,
Холодною влагой, жестокой, как лед,
Пытают, и холод терзает и жжет,
        Все время, все время.

Быть может, на воле уж новое племя
Возникло, смеется, не помнит меня.
        Я дал им огня.
Им солнце зажег я, сам темный, стеня
        Все время, все время.

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

Когда я прихожу в глубокий темный лес,
И долго слушаю молчанье веток спящих, —
В душе расходится густая мгла завес,
И чую тайну чар, что вечно дышет в чащах.

Вот только что я был всем сердцем возмущен,
Обидел ли своих, иль был обижен ими, —
Вся жизнь откинулась в один зеркальный сон,
И все тяжелое в далеком скрылось дыме.

Встает дыхание согревшихся болот,
Чуть прошуршал камыш свирельной сказкой детства,
И слышу я в веках созвездий мерный ход,
И папорот сулит заветное наследство.

Я руку протянул, касаюсь до сосны,
Не колет зелень игл, и нет в тех иглах жала, —
От сердца до небес один напев струны,
Иди в глубокий лес, коль сердце задрожало.

УСПОКОЕНИЕ

Благоухание,
Кажденье ладана,
Души страдание
Тобой угадано.

Бряцанье мерное,
Восторг горения,
В тебе есть верное
Успокоение.

Забыв укорности,
Растаяв дымами,
Молюсь в покорности,
Душой с родимыми.

Душой я с предками,
Вовеки сущими,
Чтоб снова ветками
Ожить цветущими.

ПРОСТИ

Прости меня, прости. Цветы дышали пряно.
Я позабыл совсем, что где-то бьется боль,
Что где-то сумерки и саваны тумана.
Меня, счастливого, быть грустным не неволь.

Я с детства был всегда среди цветов душистых.
Впервые вышел я на утренний балкон,
Была акация в расцветах золотистых,
От пчел и от шмелей стоял веселый звон.

Сирень лазурная светила мне направо,
Сирени белой мне сиял налево куст.
Как хороши цветы! В них райская есть слава!
И запах ландышей — медвян, певуч, и густ.

В нем ум, безумствуя, живет одним виденьем.
И ветер в камышах мне звонкой пел струной.
Жукам, и мотылькам, и птицам, и растеньям
Я предал детский дух, был кроток мир со мной.

Каким я в детстве был, так буду в дни седые.
Фиалка — мой рассвет, мой полдень — пламя роз,
Послеполуденье — нарциссы золотые,
Мой вечер, ночь моя, сверкайте в играх гроз.

Пусть все мои цветы, — о, Мать моя Святая,
Россия скорбная, — горят мне на пути.
Я с детства их люблю. И их в венок сплетая,
Их отдаю тебе. А ты меня прости!

КРУГЛЫЙ ГОД

Круглый год, как колобок,
Покатился на Восток,
А пришел он на Закат,
В то же место, говорят.

Круглый год пошел на Юг,
Совершил он полный круг,
И на Севере опять,
Где же путь теперь начать?

Круглый год пошел с Луной,
Серп подвесил вырезной,
А узнав ущерб, тропа
Завершилась у серпа.

С Солнцем вышел круглый год,
Очертил круговорот,
И, принявши тот же вид,
«С новым счастьем!» говорит.

КУЗОВ

Я в дремучем лесу,
Где и днем полутьма,
Кузов полный несу,
В нем заснула Зима.
        Как я шел ввечеру,
        Проходил я холмом,
        Там на самом юру
        Вижу снежный я ком.
От Зимы ото всей
Он один не хотел
Под пригревом лучей
Свой исчерпать предел.
        И смотрел он врагом,
        И дышал как мороз.
        Тут я взял этот ком,
        В лес дремучий понес.

И из полной сумы, —
В разум смысла набрав, —
Я кусочки Зимы
Разбросал между трав.
И куда ни падет
Этот снежный комок, —
Тотчас нежно цветет
Белоснежный цветок.
Так я ландыш взрастил,
Так подснежник раскрыл, —
И из мертвых могил
Ангел встал шестикрыл.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

На околице — домок,
Невеликий теремок.
В нем Старик, и в нем Старуха,
В гости к ним жужжится муха.

Проворчал Старик седой,
С ледяною бородой: —
«Кто за дверью там жужжится?
На полатях мне не спится».

Тут Старуха снежный плат
Отодвинула назад.
Говорит: «На это ухо
Туговата я, Старуха».

Позевала: «Встань-ка вот».
Покрестила старый рот.
В полинялом сарафане
Закачалась как в тумане.

Дверь открыла. — «Кто в избу?»
Муха к ней, сидит на лбу.
И у Старой все-то тело,
От весенней, разомлело.

Разомлело так, что вдруг
Хоть плясать на вольный луг,
Старика с палатей тащит,
Тот, крестясь, глаза таращит.

А уж муха и на нем,
Обожгла его огнем.
Хоть крестись, хоть не крестись ты,
Сказки Солнца пламенисты.

Старый дед, что был так бел,
Разрумянясь, разомлел.
Хоть крестись, хоть не крестись ты,
Расцвели цветы душисты.

Двое Старых, от Весны,
Стали цветом бузины.
И крестись, и не крестись ты,
Птицы в роще голосисты.

ПОДСНЕЖНИК

В зеленом перелеске
Подснежный колокольчик,
Раскрывшись ранним утром,
Тихонько позвонил.
Сказал: «Молитесь, травки!»
Шепнул: «Молитесь, звери!»
Пропел: «Молитесь, птицы!
Господь дает нам сил».

И белая березка
Курилась благовонно;
И заячья капустка
Молилась в тишине.
И серый можжевельник,
Упавши на коленки,

Шептал благоговейно: —
«Дай ягод, в срок, и мне!»

А белочка, желтея,
С брюшком пушисто-белым,
Скакнув от ветки к ветке,
Искала, что поесть.
И протрубел комарик,
Свои расправив крылья,
В предлинную свирельку: —
«В лесу богатств не счесть!»

ДРЕМА

Смолянка-сон дремучая,
Болотная дрема.
Мечта в уме тягучая,
В руках, в ногах, тома.
Дрема кошачья сонная,
Курение болот,
Вся цепкая, вся звонная,
Вся в душу зелье льет.
И хочется не хочется,
Как топь, взяла постель,
И сердцу все пророчится,
Что жизнь — одна метель.
Все кружится, скружается,
Свивается в извой,
Недужится, зевается,
Дремлю я сам не свой.
И будто в лихорадке я,
И будто я в бреду,
То вижу ласки сладкия,
То снова боли жду.
И мучая, вся жгучая,
Вся липкая, как мед,
Дрожит дрема зыбучая,
И кошкой к сердцу льнет.

КУКУШКИН ЛЕН

Что в саду белеет звездно? Яблонь цвет, и в цвете вишни.
Все цветет, поет, и дышет. Счастлив нежный. Горек лишний.

Кто в саду забыл дневное? Чьи уста горят в беседке?
Вешний ветер любит шалость. Он склоняет ветку к ветке.

Тихо в детской. Свет лампады. Истов темный лик иконы.
Ах, весна ведь беззаконность. Кто же сердцу дал законы?

Спит ребенок. Спит и видит. Лунный лес. Цветы как море.
Разметались, всколыхались, в голубом дрожат просторе.

А другие смотрят чинно. Так стоят, как встали — прямо.
И не шепчут, словно губы, а горят, как свечи храма.

И еще цветы есть третьи: Хоть цветут расцветно сами,
Но враждебны к задрожавшим, наполняют их слезами.

И глядят шероховато, протянули к ним колючки,
Вьется сердце, шепчут губы, светят свечи, жалят жгучки.

Спит ребенок. Спит и видит. Вон кукушкины сапожки.
Вон кукушка там трилистник. Лен кукушкин на дорожке.

Вон ночная там фиалка. Встала лилия красива.
И репейник угрожает. И спесивится крапива.

Кто-то злой трясет осину. Побелели все березки.
И во сне ребенок плачет, и кукушкины с ним слезки.

Кто-то молит, кто-то просит, кто-то с кем-то, там в тумане.
Свет лампады. Плач ребенка. Воркотня вздохнувшей няни.

«— Спи, родной, Христос нам светит через всю стезю
земную!»
«— Няня, няня, спой мне песню про кукушечку лесную...»

ЗА ГАЕМ ЗЕЛЕНЫМ

За гаем зеленым,
По срывам и склонам,
Певуче вела ты, тоска.
Но видно, что дважды
Для жалящей жажды
Не дышет прохладой река.

Здесь некогда юным
Я был Гамаюном,
В свирельности ласковых слов.
Но юность лишь эхо
Далекого смеха,
Лишь отзвук далеких шагов.

Зеленого гая
Листва молодая
Роняет с зарею росу.
И юность — лишь лодка,
Уплывшая ходко,
Ведя по воде полосу.

За гаем зеленым,
Со смехом и звоном,
Промчались в ночи бубенцы.
Горячая тройка
Уносится бойко
Во все мировые концы.

ВЕСНА

Молодая Весна в пояске из цветков,
Что готов соскользнуть перед входом в альков,
Наклонилась над светлым затоном,
Под навесом деревьев зеленым.

Уже Солнце зашло. Но весною светло
В вечеру и в ночи. И пол ночи прошло.

А Весна все заснуть не хотела,
И румянилось юное тело.

Соловьиная песнь и пришла и ушла,
А Весна все ждала, над затоном светла.
И мечты возжелавшей Весталки
Расцветали в лесах как фиалки.

И спала не спала, но в глазах у Весны
Были тени теней, были дальние сны.
И хотенья застывшей Вакханки
Расцветали в росе как горчанки.

Так спала не спала от зари до зари
Огневая Весна, две недели и три.
И растаяла в брызгах рассвета,
Когда глянуло в очи ей Лето.

ПЕСЕНКА СВЕТЛЯКА

Взяв с собой медвяный жбанчик,
Сплел из мятлика я лесенку,
И полез на одуванчик,
И пою при этом песенку: —

Не комар я, не жучок,
Я веселый светлячок,
Между трав мальчонка,
Фея же девчонка,

Фее я пою: Приди.
Целый месяц впереди.
Месяц наш медовый,
Каждый день нам новый.

Ты, девчонка, торопись,
Прямо в пору дни сошлись.
Одуванчик глянет,
Дунет и завянет.

Вот, как в жбанчике есть мед,
Золотистым он цветет, —
Глянь, на тонкой вые
Волосы седые.

Золотой погас пожар,
Глянул снегом белый шар, —
Здравствуй, одуванчик,
Я бросаю жбанчик.

Фея слышала заклятье, —
Песня пела убедительно, —
В голубом предстала платье,
С нею счастлив был я длительно.

В ИЮЛЕ

Сухой короткий треск кузнечика.
Июля предпоследний зной.
Бежит мой конь. Звенит уздечка.
Еще не кончен весь рассказ.

Я припаду к тебе на плечико.
Ты будешь счастлива со мной.
Спешу. Еще не сохнет речка.
Обедня Солнца. Вышний час.

ВЕРХУШКА ЛЕТА

Тебе конец венчанный лета,
Ты овладела моей мечтой.
Заре — зарницей песня спета,
Войди же смело в чертог златой.

О, да, из пурпура и злата,
Он безгреховный, наш храм-альков.
Иди с Востока до Заката
В венке из маков и васильков.

Стихом червонного излома
Ночное небо сверкнет в бреду.
Костер, зажженный взрывом грома,
Осветит свадьбу двух душ в саду.

ЛЕТО

Я великое жаркое Лето,
Огneликое чудо в дыму,
Я тепло огневого ответа,
Вопроси, — все поймешь, как сожму.

Я велю обозначиться зною, —
Многозыбкий, он виден глазам,
Я вселенскую пляску устрою,
На усладу раскрытым сердцам.

Заалеется мной земляника,
Покраснеет, потупится ниц,
Переброшусь я в радостность вскрика,
В загорелые лица девиц.

Все побеги и ржи и пшеницы
В золотой я одену наряд,
Я скажу, — заиграют зарницы,
Кое-где и деревни сгорят.

Я горячее алое Лето,
Я высокий предел всех живых,
Набирайтесь великого света,
Запевайте свой свадебный стих.

ПРОСИНЬ

Листья, расцвета червленого,
С беглыми нитями просини,
В воздухе — запахи жженого,
Верные вестники Осени.

Там, торфяными болотами,
Ходит огонь завершающий,
Птицы кружат перед слетами,
Снег скоро выпадет тающий.

Звездочки снега в плясании
Будут лишь предупреждением,
В том гробовом расцветании
Есть упоение тлением.

Ветер, как быстрыми копьями,
Тканями двигнет багряными,
С белыми крупными хлопьями
Вихри придут за туманами.

БАГРЯНОЕ СОЛНЦЕ

Багряное Солнце всходило
Над застывшей за летом землей.
Зачем ты меня не спросила,
В те дни как бродил я с тобой?

Все в белый окуталось иней,
Ото льдинок хрустит под ногой.
Желтой лесною пустыней
Проносится шорох сухой.

Какая дрожащая сила
В этом сердце, в тюрьме огневой!
Зачем ты меня не спросила?
Я тебе бы ответил: — «Я твой».

ВЕСЬ ВОЗДУХ

Весь воздух летом нас защищает шатром горячим.
А в осень жутко. Весь воздух жмется. С дождем мы плачем.

Все небо летом сияет светом. Все небо — сине.
А глянут тучи, — они могучи. Огонь в твердыне.

Все небо в осень молочно-бледно, белесовато.
А глянет просинь, — шепнет нам осень, что нет возврата.

ОСЕННЯЯ СКАЗОЧКА

Белая мышь пробежала,
Черная мышь проползла..
Жило осиное жало,
Осень и ос убрала.

Белая мышь забегает,
Только запляшет, — глядишь,
Черное что-то мелькает,
Черная шествует мышь.

Пчелы запрятались в улей,
Малые свечи зажгли,
Ждут там июней, июлей,
Спят в золотистой пыли.

Только пчелиная матка
Целую зиму не спит,
К меду припала, ей сладко,
Ключница, злая на вид.

Все же ей белая мышка,
Или ей черная мышь
Пискнет: «В сластях — без излишка,
Или, смотри, угоришь».

И засыпает обжорка.
Глянь, уж подходит весна,
Чья-то светлеется норка,
Белая мышка видна.

Солнце сейчас же за дело,
Вниз, головнею тряся.

Белая мышь посмелела,
Черная — тощая вся.

ЛЕСУНКА

Люди добрые, вы большущие,
Сапоги у вас все с подошвами.
Ах, дожди, дожди, сверху льющие,
Чтоб ушли огни, стали прошлые!

Посудите же! Я Лесуночка.
Инструментик мой — балалаечка.
У меня своя в мыслях луночка,
Я в густом лесу многознаечка.

Знаю цвет любви и разрыв-траву,
Знаю смехами литься звонкими,
Землянику жду, костянику рву,
Убираю лес я опенками.

Сею гнездами я вам рыжики,
Крашу листья я желто-красные.
Ноют зяблики, плачут чижики,
Мне в глаза взглянув распрекрасные.

Но Зима грозит, снаряжается,
Словно волк идет к нам от Севера,
Так вот в разуме все мешается.
Где поля мои с духом клевера!

Из конца в конец лишь атавами
Ветер тешится вслед за косами.
И крикливыми вдаль оравами
Журавли летят долгоносые.

Утром — зимники, росы сильные,
И во все Мороз дунул стороны.
Где вы, цветики? Спят, умильные.
Только каркают сверху вороны!

КАПРИЗНИЦА

Пела, пела пеночка,
Звенела конопляночка.
Маленькая девочка
Скучала о зиме.
Не ведала капризница,
Что зима уж близится,
Хлопьями сбирается
В недалекой тьме.

Вот и пламя вечера
В пепле дней развеялось,
Затопили печи мы,
Холодно в дому.
И мечтала девочка
Как певала пеночка,
И тихонько плакала,
Не зная почему.

БРОДЯГА

Бродяга я. До холодов, с грозой,
Плясал огнем, и реял стрекозой.
И вот, бездомный, признаюсь я, грешник,
Что с завистью смотрю я на скворешник.

Когда б в такой забраться теремок,
И там в тепле замкнуться на замок.
Ах, рада белка малому орешку.
Подайте пятачок мне на ночлежку.

СОЛНЦЕ, ВЕТЕР, И ВОРОН

Взял Старик в амбар мешок,
Мышь в мешок проворно скок,
И прогрызла там дыру,
И ушла сама в нору.

Крупка сыплется в мешок,
Крупка в норку на утек,
Крупка высыпалась вся,
Пляшет мышь, хвостом тряся.

Тужит Старый: «Как тут быть?
Как тут горю пособить?»
Зерна скрылись, — где и след.
Разве Солнце даст совет.

Солнце слышит свысока,
Обогрело Старика,
Месяц белый посветил,
Вышли зерна из могил.

И летел из дальних стран
Ворон Воронович Вран,
Помахал своим крылом, —
Крупкой полон весь закром.

КОЛОБОК

— Толокняный колобок,
Ты куда бежишь, дружок?
— А бегу я к волку в пасть.
— Верно, там тебе пропасть.
— Нет, я волка покормлю,
Но катиться я люблю.
Только волк меня поест, —
Я качусь до новых мест.
— Как же это, колобок?
Ты из пасти — прямо скок?
В брюхе волка — темноты
Не боишься, верно, ты?
— А в моих полях — овес,
Много зерен он принес.
Намесили толокна,
И в квашне не видно дна.
Волк от ночи до утра

Ест, — а молвлю я: «Пора!» —
И обглоданный — в квашню,
И круглюсь во славу дню.
— Ишь, а мне и невдомек,
Ты прехитрый колобок.
И кружить тебе не лень?
— Нет, я свежий каждый день.

СЕМЯ-ЗЕРНО

1

Мечтанья девушек красивы,
Полузакрытые цветы,
Но есть мучительные срывы,
И цепкий зов из темноты.

Меня страшит мое ночное,
В ночах слепое, существо,
Но нашим миром правят двое,
Разрыв — начало для всего.

Цветы каштана в Марте свежем
Горят как свечи под Луной,
Но если взор мы светом нежим,
Зерно растет из тьмы ночной.

2

Вот оно брошено, семя-зерно,
В рыхлую землю, во что-то чужое.
В небе проносятся духи, — их двое, —
Шепчут, щебечут, поют.

Спрячься в уют.

В тьму углубляется семя-зерно,
Вечно одно.

Было на воздухе цветом красивым,
Колосом с колосом жило приливом,
Было кустом,
Малой былинкою, древом могучим,
Снова упало в могильный свой дом.

Духи из пламени мчатся по тучам,
Духи поют: «Улетим! Отойдем!»

Сердце, куда же ты мчишь, безоглядное?

Вот оно, вот оно,
В землю зарытое, малое, жадное,
В смертном живое, семя-зерно.
В подпольи запрятано, прелое,
Упрямо хотящее дня,
Собой угорелое,
Порвалось, и силам подземным кричит:
«Отпустите меня!»

Вся тяга земная
Ничто для него.
Есть празднества Мая
Для сна моего,
Апреля и Мая
Для сна моего.
Кто хочет уйти, отпустите его.

Вся тяга земная
Прядет для меня золотое руно,
И ласка от Солнца есть ласка родная,
И тьма обнимает — для дня сохраняя: —
В глазах ведь бывает от счастья темно.
Душа человека есть в Вечность окно,
И в Вечность цветное оконце — разъятое
семя-зерно.
Серое, тлеет, упрямо уверено,
Что зажжется восторг изумруда,
Что из темного терема
Вырвется к Солнцу зеленое чудо.

Духи порвали огромности туч,
Голос потоков, как пляска, певуч,
Весть золотая с заоблачных круч,
Из голубого Оттуда.

3

Я вас кроплю водою
Из чистых родников,
Цветы мои, горите
Огнем живых зрачков.

Я вас кроплю слезою
Мгновений и годов,
Цветы мои, светите
Лампадой лепестков.

Я вас кроплю мечтою,
Из крови сплел покров,
Я умер, вы живите,
Наш мир лишь вами нов.

Ушел в века с зарею,
Вернусь из тьмы веков,
Цветы мои, вы нити
Бессмертных жемчугов.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

No quema, sino da luz, este fuego del santo amor. Oh diremos que quema y no quema!

Fray Diego de Estelta

Не сжигает, а дает свет, этот огонь святой любви. О, скажем, что сжигает и не сжигает!

Фраи Диэго де Эстелья

ЖЕРТВЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Белорунный, вребролунный, из пещеры вышел зверь.
Тонкоструйный, златовейный, зажигай огонь теперь.

В старый хворост брызнул шорох, вспышек быстрых перебег.
Зверь пещерный, беспримерный, весь сияет, словно снег.

Златорогий, стройный, строгий, смерти ждет он не страшась.
Струйки-змейки, чародейки, вейтесь, пойте, стройте час.

Струнным строем час построен, час и миг и волшебство.
Снег разъялся, кровь красива, хворост ожил, жги его.

В старых ветках смерть устала спать и ждать, не бойся жечь.
Все, что пламень метко схватит, встанет, словно стяг и меч.

Златорунный, огневейный, красный, желтый бог Костер,
Жги нас, жги нас, как несчетных жег и сжег твой жаркий взор.

ЗАПОВЕДЬ

Не убивай. Не отнимай. Не соблазняй — несоблазненный.
Не завлекай в веселый гай, коль сам не взят тоской
бессонной.

Но если ты взлюбил мечты, как любим сердцем близость
Бога,
Иди, куда зовет звезда, и пусть ведет тебя дорога.

И пусть убьешь: Быть может, ложь, что ты убийца — убивая.
Ведь в битве есть восторг и честь, и есть призыв Родного
края.

И если взят чрез быстрый взгляд весь мир другой — души
плененной,
Возьми меня рукой огня, — блаженным буду я сожженный.

У РУЛЯ

Морским свеченьем горит волна,
Направо волны, налево вал,
Довеял ветер обрывок сна,
В котором разум давно дремал.

Тот сон — безвестность путей иных,
То сновиденье — о берегах,
Еще не спетый дрожащий стих,
Тот клад заветный, что в пеленах.

Я уплываю, так суждено,
Мгновенья пали, их не вернуть,
Увижу ль берег, увижу ль дно, —
На Ориона я правлю путь.

ОРИОН

Ориона, Ориона, Ориона три звезды
Я зову тройным зазывом над стремнинами воды.
Яркий пояс вышний Витязь, чуя с мраком бой, надел,
С троекратным упованьем расширяю свой предел.

Правя к Югу, веря Югу, бледный Север я люблю,
Но, лелея в сердце призрак, волю дал я кораблю.

Ориону, Ориону, Ориону, в битве с тьмой,
Отдаю первоначальность, первый гимн весенний мой.

Витязь встанет, Витязь глянет, и еще за ночью ночь.
Сердце, слушай зовы света, и Судьбу свою пророчь.
Бури страшны — лишь для страха. Веря в звезды — дышет
грудь.
Орионом, Орионом, Орионом явлен путь.

СОЧЕТАНИЯ

Дальний Сириус дрожью объят, колыбелится, тянется свет.
Это — сказ, это — звук, это — сон, перекатная зыбь перезвона.
И как ровно горит перед ним, начертанье высоких побед,
Троезвездный размеренный звон, ослепительный систр
Ориона.

СВЕТОЧ ЮГА

С каждой ночью все направо содвигался Орион,
Каждой ночью был к иному звездным пеньем дух взнесен,
И в нежданный час однажды, над разбегом корабля,
Расцветился знак желанный, чьим огнем жива Земля.

Он земным владеет кругом, четырем велит ветрам,
В первый миг он нас встречает, в смертный час он светит
нам,
В разных ликах засвечаясь, был надеждой разных мест,
В Южном море он взнесенно воссиял как Южный Крест.

КОВЧЕГ ВЕЧЕРНИЙ

Луна взошла за Океаном
И светом нежит нас медвяным.
Корабль дрожит над мглой валов,
Ковчег вечерний, улей снов.

По вскипам зыбкого агата
Скользит мерцающее злато.
И я лечу, мечтой ночной,
Пчела-виденье, в Край родной.

ТАЙНОПИСЬ

Когда б тебя, с кем слит я в тайной цельности,
Мог каждый миг я — взор во взор — встречать,
Сверкали б мы в лазурной беспредельности,
Скрепив судьбу, как звездная печать.

И были б мы в причастии горения,
Вгнезденные в созвездие одно,
Дабы светить всем тем, чей путь — борение,
В ночных степях, где глухо и темно.

Когда б с тобой, с кем часто я в разлучности,
Мой рок меня светло сковал навек,
Звучали б мы псалмом вселенской звучности,
И пили б все от светловодных рек.

Все ж мнится мне, что, если здесь в мгновении
Так часто мы с тобой разлучены,
Двойной звездой, в грядущем вознесении,
Мы бросим в мир немеркнущие сны.

ТОЛЬКО ТЫ

Только ты меня можешь вести по путям,
Где горячая молния — там.
Только ты мне отрада, и правый мой суд,
Если обруч я выкую — тут.

Лишь одна есть рука, и в ночи, и средь дня,
Для горячего в беге коня.
Лишь один есть стрелец, что умеет в мету
Без ошибки попасть на лету.

Лишь с тобой мой полет — чрез простор темноты.
Хоть за край, если в пропасти — ты.
И с хоругвью в ветрах, за тобой я лечу,
Гром готовится встретить нас — чу!

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Я раскрыл лебединые крылья,
И коснулся крылами зари,
И легко, высоко, без усилья,
Возлетел. Мой размах повтори.

Если хочешь лететь легковольно,
Там, где звезды подобны ручью,
Ты пойми и почувствуй безбольно
Лебединую песню мою.

Улети от родного затона,
От знакомых родных ступеней,
Убаюкай дрожание стона,
Будет песня полней и звучней.

Искупаешься в Солнце безвестном,
Обвенчаешься с Новой Луной,
И к пределам желанным, хоть тесным,
Прилетишь с полнопевной весной.

Из пустынь, что лазурно-высоки,
Упадешь белоснежно к гнезду,
И качнешь ты родные осоки,
Закачаешь на влаге звезду.

С МОЛНИЕЙ

К тебе я в грозах прилетал,
Тебя дождями я кропил,
С тобою светлый пил бокал,

И слушал тихий звон кадил,
Тебя я в лунный ввел опал,
И быстрой молнией светил.

И если будет мне дано
Продлить земную череду,
И если в яркое звено
Я вброшу вновь и вновь звезду,
Томись и жди, раскрыв окно,
Я снова с молнией приду.

В НОЧАХ МИРОВ

Я вброшен в мир неведомой Судьбою,
И с вихрями зиждительными свит,
Я должен мчаться бездной голубою,
Одетою ночами в аксамит.

Я должен быть светильником летящим,
Прорезать мрак алмазною слезой,
Быть светляком глубинностям и чашам,
Игрой зарниц загрезить за грозой.

Струною петь о таинстве стремленья,
Зачать, качать протяжный перезвон,
В зеркальность дней пролить волну продленья,
Создав напев, лелеять зыбкий сон.

Но был бы я безмерно одиноким,
Когда б в ночах, с их мглою голубой,
Я не был слит с виденьем звездооким,
И не горел тебе, в себе, тобой.

НАПЕВЫ РУН

Напевы рун звучат — но лишь для взора,
В узорах звезд, в которых высота

Сложила гимны огненного хора
Под верховенством Южного Креста.

Напевы рун дрожат — их слышит ухо
Во вскипах волн, в безмерности морей.
Дорогой глаз, или тропинкой слуха
В их смысл войди — все смыслы в них светлей.

СКАЗ О ЗВЕЗДАХ

При начале наших дней
Люди Бога огорчили,
Он ушел от нас во тьму.
Скучно было там ему.
Вечно с тьмою, всюду с ней.
Зачерпнул в своей он силе
Так с пригоршни две огней,
Радость сердцу своему.
И унес подальше их.
Но они, горя, сквозили
Через Божию суму.
И в своем он терему.
Но идя средь звезд златых,
Весь сияя в звездной силе,
Растерял не мало их,
И горят еще сквозь тьму.

НЕ ИСКУШАЙ

Мать Матерей, родимая Земля,
Отец Земли, лазурный Океан.
Покой сознанью синим Небом дан,
И нежат мысль зеленые поля.

Я был как все. Во мне горел Огонь.
Я жил во всем. Касался до всего.
Устало сердце. Мир, не мучь его.
Я тихо сплю. Не искушай. Не тронь.

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

Капля неведенья в море незнания,
Искра мгновенная в хлещущей мгле,
Ты, маловерное чадо терзания,
Ты, беспримерная вспышка во зле.

Все твое деланье в тающем времени,
Все твои сны, и верхи Пирамид,
Лишь прорастание малого семени,
Факел твой пляшущий быстро горит.

Вспыхнут Рамзесами, иль Ахиллесами,
Меткозахватными, яркие дни,
Тотчас задернется праздник завесами,
Сгрудятся гномики, тушат огни.

Все созидания Эллина гордого,
Первого воина нашего я,
Суть лишь вскипания мрамора твердого,
Камень, возжаждавший быть как струя.

Струи кончаются. Струи свежительны,
Все же не вечно им можно сверкать.
Только страдания в цепкости длительны,
В том поручится вам каждая мать.

Расчетвертованность. Свастика вечная.
Крест во вращении. — Где же наш Дом?
Где же есть верное? Скучно конечное.
Жизнь наша — в полночи, с Южным Крестом.

ПОСЛУШАНИЕ

Вся Природа послушанье
И таинственный устав.
Рьяных смерчей рокотанье,
И шуршанье светлых трав.

Смерти бледное явленье,
Ярких радуг семицвет.
Взрыв подземного горенья
Вулканических побед.

От созвездий ожерельных
До сбирающей пчелы,
Звук закона в числах цельных,
Цепь ячеек в глубях мглы.

Быстрый заяц, лист капусты,
Завлеченный в сказку волк.
Дрожжи замысла здесь густы,
Шелковичный тонок шелк.

Вся Природа послушанье,
В токе творческой любви.
В безднах знанья и незнанья
Верь звезде и нить не рви.

ТРОЕСТРОЧИЕ БОГАМ

Болезнь, седины, труп,
Три вечные пятна
Для видящего Муни.

Яд в меде нежных губ,
С расщелиной Весна,
Декабрь — уже в Июне.

Но мне болезнь и боль
Есть огненный исход,
Кремнистый путь познанья.

Неволишь, так неволь,
Крылатым есть полет,
Лечу, мне нет изгнанья.

И седина есть снег,
И старость — замок дней,
Где пол и стены льдяны.

Минут там ровен бег,
Там радуга огней,
Там радости румяны.

И труп, чужой, родной —
Тоска, но лишь на миг,
И снова — до свиданья.

А если это мой,
Свободу я постиг,
Вновь — светлое скитанье.

И трем богам молясь,
Я засветил огонь
Пред Брамой, Вишну, Сивой.

И мраку каждый час
Пою: «Меня не тронь.
Я вольный и красивый».

ЦАРСТВО

Себя завоюй,
Собою владей,
Над жизнию всей
Зажги поцелуй.

И сердцем будь прям,
И сердцем будь чист,
Как утренний лист,
Как дым-фимиам.

Будь легким как сон,
Будь добрым с зверьми,
Будь тихим с людьми, —
Ты к Богу причтен.

ЩИТ

Бывший круглым, Лунный Щит
Глянул вырезным.
В легкой мгле ночной разлит
Дней сожженных дым.

Над колодцем мировым
Миг журчит-журчит,
Нас ведя к немым, к родным,
К сну замкнутых плит.

БОРО-БУДУР

(Храм Будды. — Ява)

В камне тлеющем хмуро
Лики — тысячи — хоры.
Еще смотрят их взоры.
Возле Боро-Будура
Серо-бурые горы.

Вон оттуда досюда
Протянулись вершины,
Как огромные спины
Исполина-верблюда,
Горбуна-чуда-юда.

Но в выси распаленной
Над Природой и Храмом,
Над ликующим гамом,
Многократно-взнесенный,
Жив навек — Просветленный.

БУДДА

Как безгласность рождения снега,
Серебристых пушинок паденье, —

Как ладья, что от чуждого брега
Оттолкнулась, бежа заблужденья, —

Как вулкан, что, уставши от зноя,
Воссиял многоснежною чашей, —
Как лазурь, что упором покоя
Вознеслась над пустынею нашей, —

Как медлительный звон колокольни,
Что уходит густыми волнами, —
Как цветок, что над долею дольней
Фимиамными курится снами, —

Как привет «Отдохни» иноверцу,
Как горящая тихо лампада, —
Он дает утомленному сердцу
Все, что сердцу взметенному надо.

СОЛНЦЕ ВСТАЛО

Бог везде, куда ни глянь,
Всюду видит, всюду слышит,
Богу все приносит дань,
Слон, пчела, и лев, и лань,
Богом все живет и дышет.
Разрывая ночи грань,
Солнце встало. Верный, встань.
И молись. И верь. И глянь,
Как волна волну колышет.

К ЗВЕЗДАМ

Престолы душ, которые когда-то
Прошли пути страданий и надежд,
И отошли отсюда без возврата,
И там глядят в огне златистых вежд, —

Печати душ, которые созвенно
Являют взорам грамату Небес,
И говорят, как все, что было тленно,
Живет вовек, и кто был мертв — воскрес, —

Несчетность душ, горенье изумруда,
Мерцание Небесных жемчугов, —
Да буду я меж вас, уйдя отсюда,
Звездой меж звезд, над сонмами веков, —

И пусть тот храм, все больше возрастая,
Обнимет всех, многовершинный лес,
И всех и все та Истина святая, —
Всезвездность душ, — взнесет в простор Небес.

ЧАС ПРИШЕЛ

Час пришел. Совершились пророчества.
Воплотились веленья времен.
Ты в железных морях одиночества,
В вознесеньи на горный уклон.

Далеко, за громадами влажными,
Улыбаются пажити дней.
Но роптаньями сумрачно-важными
Ты отброшен на ряд ступеней.

Для познавшего — нет заблуждения,
Для взошедших — все видно внизу.
Будь в морях, на горах, как видение,
Как маяк, победивший грозу.

МЕЖДУ ЗВЕЗД

Чего искать? Куда идти?
Корабль стремится по волне,
Морские звезды — вдоль пути,
Иные звезды — в вышине.

Морские звезды чуть блеснут —
И тотчас гаснут близ меня,
Дрожа, скользя, вот тут, вот тут,
Лишь дразнят вспышками огня.

А те, в далекой высоте,
Узорно-свитые огни,
До них идти — одной мечте,
Увы, так было искони.

Кипит вода. Встает земля.
Дымится дней немая нить.
Я в быстром беге корабля.
Куда мне плыть? Куда мне плыть?

ИНЕЙ

Иней белый, иней чистый,
Где мерцаешь ты сейчас?
Я иду пустыней мглистой,
Весь мой свет — сиянье глаз.

Иней чистый, иней белый,
Поколдуй и погадай,
Дай прийти в твои пределы, —
Снега хочет горностай.

Белый призрак, белый иней,
Дай мне, чарою своей,
Быть звездой в пустыне синей
Над родной страной моей.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Я на краю Земли. Я далеко на Юге.
Не юге разных стран, — на юге всей Земли.
Моя заря горит на предполярном круге.
В моих морях встают не часто корабли.

Мой светоч — Южный Крест. Мой светоч —
отблеск льдины.
Здесь горы льдяные — один пловучий храм.
Но за чертой мечты — мой помысел единый
Ведет мой дух назад, к моим родным полям.

И сколько бы пространств — какая бы стихия,
Не развернула мне, в огне или в воде, —
Плывя, я возглашу единый клич: «Россия!»
Горя, я пропою: «Люблю тебя — везде!»

СТРАНА, КОТОРАЯ МОЛЧИТ

Страна, которая молчит, вся в белом-белом,
Как новобрачная, одетая в покров, —
Что будет тронут им, любующимся, смелым,
Несущим солнечность горячих лепестков.

Страна, которая всех дольше знает зиму,
И гулкую тюрьму сцепляющего льда, —
Где нет конца огням и тающему дыму,
Где долгий разговор ведет с звездой звезда.

Страна, которая за празднествами Мая,
Чуть лето глянет ей, спешит сказать: «Я сплю»,
Страна великая, несчастная, родная,
Которую, как мать, жалею и люблю.

УЗОРОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Узорочной звездою
Сквози попеременно.
Не льстясь игрою злою,
Не никни в то, что тленно.

Не захоти, в тумане,
Богатства волопаса,

В твоей душе есть грани,
Дай каждой яркость часа.

Не захоти, вздыхая,
Чтоб вечно было Солнце,
Мы — храмина большая,
В ней не одно оконце.

И истинно сказанье,
Что у отца у Бога
Для всякого дыханья
Обителей есть много.

Он Сам сказал: — Устрою.
Скорей сплетайте нити.
И за своей звездою
Одетые идите.

ИКОНОСТАС

«Что есть царствие? — Радованье в Духе».

Слово Духоборов

Иконостас живой, иконостас церковный —
Лик Вечного меж лиц, что видимы окрест.
Бог Сын — в лице людском, сквозь плоть просвет духовный,
Взнесенный радостно, как лик созвездья, крест.

Вот день. Ты не сердись. И целый день, блистая,
Тянуться будет вверх незримая свеча.
Гнев — Ад, сердитость — Ад, а кротость — рощи Рая,
Лишь ведай бой один — духовного меча,

И что есть Царствие? То радованье в Духе.
И что есть Небеса? То — пение души.
Все громы, песни все — в твоем сокрыты слухе,
Весь свет в твоих глазах. Гори же. Поспеши.

МИРОЗДАНИЕ ДУХОБОРЧЕСКОЕ

В стезях, когда Вселенная,
Повсюду безызменная,
Была в себе, одна,
Одна как тишина, —
Без лунного течения,
Дневного украшения,
И Бог был в Божестве,
В том умном Существе, —
Возникло в нем сверкание,
То — первое желание,
И в брызгах светлых рек
Родился человек.
Да будем же торжественны,
Зане мы все Божественны,
С превыспренних высот
Чрез нас огонь идет.
Весь мир в себя вмещающий,
Вещающий, сверкающий,
Да будет сын отца
Вселенским без конца.

ДУХ

В Духе мы рождаемся,
В Духе утверждаемся,
Бодрствует в нас Дух,
Он нам глаз и слух.

В Духе — вознесение,
Сладостность пронзения,
В Духе свежесть струй,
Сим мечом воюй.

БОГ ЖИВОЙ

Бог живой, пророк нелживый он,
Камень крепкий, терпеливый он,

Он нам лестница высокая,
Он звезда нам златоокая,
Он кадило благовонное,
С тихим звоном вознесенное,
Он нам риза златотканная,
Сила сердца, Духом данная,
Церковь он нерукотворная,
Высота, от звезд узорная,
Луч от Неба, кем ликуем мы,
Меч от Духа, кем воюем мы.

ГОЛОС ОТТУДА

«Я не один, потому что Отец
со Мною».

Ев. от Иоанна, 16:32

Был древле зов. Ему я внемлю.
Слеза слагается в кристалл.
Христос, дабы сойти на Землю,
Среди людей Евреем стал.
Я это ведаю, приемлю,
Без этого я скудно-мал.

Зачем лачугу Иудея
Он выбрал на земле как дом?
Тот возглас, в сердце тяготея,
Для сердца разрешен Христом.
Его святою кровью рдея,
Мы светлым цветом расцветем.

Самозакланный, во спасенье
Всех, кто приидет ко Христу,
Он на Земле Свое служенье
Вметнул как светоч в темноту,
Средь обреченных на мученье,
Что верны на своем посту.

В решеньи выспреннем и строгом
В Египте он ребенком был,

И по Халдейским Он дорогам
Свой путь — незнаемый — пробил,
И, Бог, пришел в Израиль Богом,
И Человека возлюбил.

В суровом царстве Иеговы
Возник воздушнейший цветок,
Разбиты древние оковы,
Лилейно пенье кротких строк,
Не тщетны в мире были зовы,
Здесь дан рядам веков намек.

Кто скажет «Нет», в том хитрость змея,
Возжаждет поздно — молвит «Да»,
Пребудем — сердцем не скудея,
Мы — здесь, нас призовут — туда,
Несть Эллина, ни Иудея,
Есть Вифлеемская звезда!

ЛАЗАРЬ

Лазарь в своих пеленах,
Страх в изумленных глазах.
Тайна дрожит там, сквозя,
То, что промолвить нельзя.

Будет он снова живым,
Тленье исчезло как дым.
Только до смерти, в зрачках,
Будет за радостью — страх.

ВОИСТИНУ

Пройдя чрез ужас тления,
Безмерность усыпления,
Смущенные, сожженные,
Из Ада изведенные,
Еще понять бессильные

Свое освобождение,
Стоят могильно-пыльные,
Но чуют воскресение,
И словно шепчет лес: —
«Воистину воскрес!»

СМЕРТНЫЕ ГУМНА

Смертные гумна убиты цепами.
Смилуйся, Господи жатвы, над нами.

Колос и колос, колосья без счета,
Жили мы, тешила нас позолота.

Мы золотились от луга до луга.
Нивой шептались, касались друг друга.

Пели, шуршали, взрастали мы в силе.
Лето прошло, и луга покосили.

Серп зазвенел, приходя за косою.
Словно здесь град пробежал полосою.

Пали безгласными — жившие шумно.
Пали колосья на страшные гумна.

Колос и колос связали снопами.
Взяли возами. И били цепами.

Веять придут. Замелькает лопата.
Верные зерна сберутся богато.

Колос, себя сохранявший упорно,
Будет отмечен, как взвесивший зерна.

Колос, качавший пустой головою,
Лишь как мякина послужит собою.

Зерна же верные, сгрудясь богато,
Будут сиять как отменное злато.

Дай же, о, Боже, нам жизни счастливой,
Быть нам разливистой светлою нивой.

Дай же нам, Боже, пожив многошумно,
Пасть золотыми на смертные гумна.

ЧЕТЫРЕ УГЛА

Четыре в здании угла,
Четыре истины на свете.
Быть в красоте. Не делать зла.
Любить весь мир. И быть как дети.

Быть в послушаньи красоты,
Самозаконной, самоценной.
Любить как я любое ты,
Пронзать лучом свой сумрак пленный.

Остерегайся сделать зло.
Исправь, что здесь исправить можно.
Алмазно-чистое стекло
Храни. И шествуй осторожно.

А если ты его разбил,
Припомни: — В страшной силе жара,
Всем напряженьем тайных сил,
Ты явишь новью то, что старо.

БЛАГОВЕСТ

Я всем пою мое благословение.
Нет никого, кто был бы мне врагом.
Я был в Огне. Но в кузнице мгновения
Я претворил металла тяжкий ком.

Он темным был. Я дал ему пылание.
Его вметнул я в огненную печь.
Был звон и дым. И диво-изваяние
Я молотом сумел из тьмы извлечь.

И вот иду. Я разлучен с горнилами.
Я с каждым здесь. От всех я ухожу.
Все существа мне стали близко-милыми.
Я показал им светлую межу.

ОГНЕДЫМЫ

Был в огнедымах я, был в водоверти я,
Пересоздания пытку прошел.
И возвещаю вам радость бессмертия,
Беден и счастлив на зыбях всех зол.

Гол, и одет солнцебыстрыми крыльями,
Гордая птица, смиренно живу.
Не утомлюсь никакими усильями,
Лишь бы мне снилось опять наяву.

Вижу Египет я. Тайну загробную.
Взмахами крыльев я дымку пряду,
Светлую, жаркую, солнцеподобную,
В сердце незримую слышу звезду.

Помню, как вольный запутался в сети я.
В храме я. Бог я. Меняется сон,
Дымные тают, как горы, столетия.
Тысячелетия. Я Фараон.

Рядом со мною, — что мною возлюблена,
Втянута Солнцем в блестящий узор,
Мною отмечена, мною погублена,
Вестница Солнца, земная Гатор.

Тают туманами тысячелетия.
Солнце и странам велит засыпать.

Чисел сплетение в пламенной смете я.
Ветер, а завтра я водная гладь.

Я мое — все мое, свитки свершенностей.
Огненный суд, чтоб проверить любовь.
Верить и в царство ввести многозвонностей.
Песнь моя, светлый конец приготовь!

Я ЗНАЮ

Песчинки дождя золотого, который излился однажды,
Пылинки великого смерча, что взвихрил грозу бытия,
Высокие царские звезды, источник негаснущей жажды,
Сквозь пламень и дым мирозданий идет к вам молитва моя.

Когда-то, когда еще цельным дрожало, горя, ожерелье,
Я был в нем как утренний жемчуг, и был в нем как лунный
опал.
Теперь я в земном изумруде. Но будет опять новоселье.
Я знаю. Я звездною цепью свой разум с Безбрежным сковал.

ПСАЛОМ ЗВЕЗДЫ

Звезда звезде всегда поет псалом,
На небесах не молкнет Литургия.
И не одним тот скреплен гимн узлом,
Чуть замолчит звезда, горят другия.

Напевный грозд ты различишь и днем,
Лишь опустись — не в пропасти морския —
В колодец темный, в тот подземный дом,
Где жажды утоляются людския.

От вышины, доступной для очей,
До глубины, куда рука людская
Вонзает заступ, дух свой продвигай, —

В глушащий день, и в гулкой мгле ночей,
Внимай псалмам, сплетенным из лучей,
В душе души звезду оберегая.

ПЯТЬ ЗВЕЗД

Я предавался чувствам в их игре,
Я знаю пятеричность увлеченья.
Заря в июне светится заре,
Река с рекою рада слить теченье.

Пять наших чувств есть путь предназначенья.
И древний лист, застывший в янтаре,
Есть тайный знак высокого ученья,
Как быть бессмертным в жизненной поре.

Всей ощупью своей он жил на древе,
Дышал, светил для близкого листа,
Впивал росу, и с ветром был в напеве.

Ниспал в смолу. Застыл как красота.
Другой нам вещий знак — от Духа к Деве:
Пять звезд блестящих Южного Креста.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Пять звезд блестящих Южного Креста
Горит над зыбью вторящего гула.
Семь звезд полярных, наших льдов мечта,
За краем Океана потонуло.

Проворный хищник, зоркая акула
Плывет, в ея утробе пустота.
Ладя Луны полнеба обогнула,
И метеоров брызжет суета.

Откуда Крест во взвихренной мятели
Планет и лун и этих вышних льдин?
Пять алых капель в крайний час зардели, —

Когда в прозреньи снов был распят Сын,
И, оснежась, оне похолодели.
И Южный Крест на небе — властелин.

БЕЛЫЙ ПУТЬ

Уходит Солнце с Запада к Востоку,
Через двенадцать Солнечных Домов,
Верь зримому, хоть мнимому, намеку,
Верь золотой и высшей из Основ.

Двенадцать звездосолнечных чертогов,
Чрез Южный Крест, туда, где Скорпион,
Двенадцать озвездившихся порогов,
И Арго держит путь на Орион.

На Арго реет веером сиянье, —
И угольная дышет чернота,
Вознесшая высокий знак Страданья,
Как Змий под стягом Южного Креста.

СТРАДА

Не страданье, а страда,
Сноп сверкания — звезда,
Трав небесных крепкий стог,
Духом созданный чертог.

Дремлют в ярких снах Косцы,
Дух и тело — Близнецы,
И стрела-алмаз Стрельца
В безднах мчится без конца.

Ворон, Волк, Дракон, и Лев
Взяты в огненный напев,
Бег их — пламенный псалом,
Яркий узел за узлом.

В звездной Там все наше Здесь,
С Небом ум уравновесь,
И свершай, как лик Звезды,
Геркулесовы труды.

Круг свершений очертив,
Смело кинешься за срыв,
И тебя, сверкнув, возьмет
Огневой водоворот.

СКАЗ О КАМНЯХ

Кто алмазы расцветил?
Кто цветы дал? — Звездный Гений,
В час рождения светил,
Горсть сверканий ухватил,
И обжегся от горений,
От живых воспламенений,
Исходивших из горнил.
Он обжегся, усмехнулся,
Все ж, сверкая, содрогнулся,
Пламень взятый уронил.
Капли пламени летели,
Охлаждаясь в темноте,
Все ж храня в небесном теле,
В малом теле, в круглоте,
Взрыв, и дрожь, и зов к мечте,
Брызги радуг — Красоте.

Из горячих водоемов
Закипающих светил,
Звездный Гений, в гуле громов,
В блеске молний и кадил,
Много чувств поработил,
В тело вольными вместил,
И замкнув их в разном теле,
Повелел, чтоб вспевно рдели,

Чтобы пели песнь побед,
А в иных, как в колыбели,

Чтоб дремотный грезил свет,
Словно ночью от планет.
И чтоб ярче было чудо,
В ямы горной тесноты
Бросил стебли и цветы,
Вспыхнул пламень изумруда,
И тая огней раскат,
Был рубин и жил гранат.
Камни чувство задержали,
Целы разные скрижали,
Как различен цвет лица.
Лунный холод есть в опале,
И кровавятся сердца
В сердолике без конца.

И чтоб искристого пира
Был в мирах протяжней гул,
Звездный Гений, с кровли мира,
Синей влаги зачерпнул, —
Капли нежного сапфира,
Голубея, полились
С Моря сверху — в Море вниз, —
Камни были там слепые,
Камни стали голубые,
Синью молнии зажглись,
Мчась высокого твердыней,
И в очах агат зрачков
Окружился сказкой — синей,
Словно Небо над пустыней,
Или вспышки васильков.

Звездный Гений, с грезой дружен,
Возжелав свою печать
В нашей жизни отмечать,
Бросил нам еще жемчужин,
Уронил он капли слез,

Ветер с Неба их донес.
Но с волной морей гуторя,
Дух свой к Морю наклоня,
Уронил он в бездну Моря
Слезы вышняго огня.
Бездна встала с кликом гула,
Был тот рокот говорлив,
Бездна жадная сверкнула,
Сонмы раковин раскрыв.
И отпрянула к хоромам
Темным, вниз, как от врага,
Закрывая синим громом
Неземные жемчуга.

Там и будет эта ясность,
Та немая полногласность
Слез, упавших с высоты, —
Чтобы тешила опасность,
Тех, кто жаждет Красоты.
И земным бросаться нужно
В пропасть Моря с берегов,
Чтоб сверкнула им содружно
Нитка круглых жемчугов.

МЕСТЬ СОЛНЦА

Египетское Сказание

Некогда солнечный Ра,
Из золотого чертога,
Праведно правил людьми.

Но остудилась игра
Крови горячего бога, —
Это сказанье пойми.

В лете стихает перо,
Море синеет в покое,
Ра утомился от бурь.

Кости его — серебро,
Тело его — золотое,
Волосы — камень лазурь.

Люди узнали про то,
Люди его поносили,
В мыслях погасла свеча.

Только не ведал никто,
Как и в притихнувшей силе
Хватка огней горяча.

Ра созывает богов,
К богу воззвал Океана,
В бездне откликнулся Нун.

Старший, основа основ,
Знал он, как утро румяно,
Ра в Океане был гон.

Солнце, когда-то дитя,
В Нуне качалось туманном,
Солнце возникло из вод.

Море, волной шелестя,
Гулом гудя необманным,
Слышит, коль кто позовет.

«Старший, Владыка морей,
Боги, окружные ныне,
Вот моя жалоба к вам.

Люди суть слезы очей,
Люди — песчинки пустыни,
Люди — прибавка к мирам.

Создал их оком моим,
Люди на Солнце возстали,
Что же мне сделать с людьми?»

Нун, он всегда нелюдим,
В пенной воскликнул печали:
«Солнце, совет мой прими!

Сын мой, ты выше Отца,
Жаркий пребудь на престоле,
Людям же око пошли!»

Сделалось! Зной — без конца.
Люди от жара и боли,
Вьются как черви в пыли.

Из городов, деревень,
Люди бежали в пустыни,
Око догонит везде.

Где хоть малейшая тень?
Зной не смягчается ныне
И при Вечерней звезде.

Око, покинувши Ра,
Стало горячей богиней,
Стадо красивой Гатор.

Ждать ли сожженным добра,
Тронутым молнией синей,
Знающим пламенный взор?

Чувствует Ра в полумгле,
Солнцу Гатор — благовестье,
Око вернулось назад.

«Я — Красота на Земле,
Огненный суд для бесчестья,
Я — сожигающий взгляд!»

Солнце увидело месть,
Целый Египет — как жатва,
Люди кругом сожжены.

Жертв обгоревших не счесть.
Мыслит: «Да кончится клятва,
Жатва красивой жены!»

Пьянственный сок ячменя
Выжать велел изобильно,
В сок тот прибавить гранат.

К утру горячего дня,
Всюду, где было так пыльно,
Красный забил водопад.

Всюду, — на вид, — на полях
Кровь на четыре сажени,
Новый Египту убор.

С жаждой в зажженных очах,
В жажде живых наслаждений
Пьет и пьянеет Гатор.

Так напилась красота
Этого призрака крови,
Что позабыла людей.

Спит. И светла высота.
В сердце есть дали и нови.
В мире есть свежесть дождей.

Все же ушел от Земли,
И навсегда — в отдаленьи,
Жгущий и греющий Ра.

Повести Солнца внемли.
Солнцу молись в песнопеньи.
Помни, что было вчера.

СТРОИТЕЛЬ

...Но будет час, и светлый Зодчий,
Раскрыв любовь,
Мое чело рукою отчей
Поднимет вновь.

Ю. Балтрушайтис

1

Атлантида потонула,
Тайна спрятала концы.
Только рыбы в час разгула
Заплывут в ея дворцы.

Проплывают изумленно
В залах призрачных палат.
Рыбий шабаш водят сонно,
И спешат к себе назад.

Лишь светящееся чудо,
Рыба черный солнцестрел,
От сестер своих оттуда
В вышний ринется предел.

Это странное созданье
Хочет с дна морей донесть
Сокровенное преданье,
Об Атлантах спящих весть.

Но, как только в зыби внидет,
В чуде — чуда больше нет,
Чуть верховный мир увидит,
Гаснет водный самоцвет.

Выплывает диво-рыба,
В ней мертвеет бирюза,
Тело — странного изгиба,
Тусклы мертвые глаза.

И когда такое чудо
В Море выловит рыбак,
Он в руке горенье зуда
Будет знать как вещий знак.

И до смерти будет сказку
Малым детям возвещать,
Чтобы ведали опаску,
Видя красную печать.

Детям — смех, ему — обида.
Так в сто лет бывает раз.
Ибо хочет Атлантида
Быть сокрытою от нас.

2

Я долго строил башню Вавилона.
Воздвиг ее, как бы маяк морской.
Один, в ночах, по свиткам Небосклона,
Прочел строку за светлою строкой.

Мне Зодиак явил сплетенье смысла,
Что скрыт от спящих, там внизу, людей.
Алмазные внеся в таблицы числа,
Я магом был, звезда меж звезд, Халдей.

Упился тайной, властвуя царями,
Народы на народы посылал.
И были царства мне в ночах кострами,
И выпил я пурпуровый фиал.

Когда же царь один хотел быть выше,
Чем я, кем все держалися цари,
Почаровал с высот я в лунной нише,
И царь надменный умер до зари.

Другой же, не поняв, что перемена
Властей — в уме того, кто звездочет,

Возмнил себя скотом, и ел он сено,
А я смотрел, как Млечный Путь течет.

Но вот, но вот, хоть всех я был сильнее,
И тайну-тайн качал в моих ночах,
Не полюбила вещего Халдея
Истар Земли с Вселенною в очах.

И как горит блестящая Денница
Не Солнцу, а себе или Луне,
Как к белой птице белая льнет птица,
Лишь труп ея был чарой предан мне.

Под Месяцем ущербно-наклоненным,
И заостривших в смертный бой рога,
С отчаяньем, с восторгом исступленным,
Я внял, что Вечность бьется в берега.

Но я-то был бездонный и безбрежный,
Лишь Я ночное было мой закон, —
И я ласкал тот труп немой и нежный,
И, взяв свое, я проклял Вавилон.

Я произвел смешение языков,
Людей внизу в зверей я превратил,
И пала башня в слитном гуле кликов,
И падал в вышнем Небе дождь светил.

Мой Вавилон, с висячими садами,
Мой Вавилон, в венце блестящих звезд,
Несытый, хоть пресыщенный, страстями, —
Ты пал, — река бежит, — но сорван мост.

3

Я красивее проснулся, выйдя снова из могил,
По желанью Озириса, там, где свежий дышит Нил.
Я в веселые охоты устремил свой юный дух,
Мне служили бегемоты, чада творческих Старух.

Полюбив, как бога, Солнце, жизнь приняв, как все — мое,
Я метал в вождей враждебных меткострельное копье.
И от Севера до Юга, от морей до жарких стран,
Улыбалась мне подруга, изгибая стройный стан.

Строя пышные гробницы, так я пляску полюбил,
Что и в смерти мне плясуньи говорят о пляске сил.
От земного скарабея я узнал, как строить дом,
Я от сокола разведал, мне идти каким путем.

Я искусству жаркой схватки научился у быка,
И в любви ли, или в битве, жизнь казалась мне легка.
И пред тем как снизойду я вместе с милой в верный гроб,
Я помчусь за быстрым стадом легконогих антилоп.

Так сказал я, — так и сделал. Верен в слове Фараон.
Сыну Солнца светит Солнце. Тот, кто любит, счастлив он.
Чары мумий служат миру. Смерть — до Жизни свет стремит.
В вещей думе спит Пустыня. Весть идет от Пирамид.

4

Ибис верный улетел к истокам рек,
Изменен пожаром мыслей человек,
Но повсюду, где он бродит без конца,
В самой смерти сын находит лик Отца.

И смиренный, с умилением припав
К черным глыбам, что дают нам зелень трав,
Ты услышишь — слышьте, братья, мой завет, —
Все услышат весть Земли, что Смерти нет.

Лишь любите, полюбите сказку дня,
Полюбите, хоть случайность, хоть меня,
В глуби глянув, я вам правду говорю,
Ночь всегда ведет румяную зарю.

До Египта наши ласточки летят,
А весной опять их встретит ждущий взгляд,
Наши жизни это игры в честь Творца,
Сыну Солнца светит Солнце без конца.

СРЕДЬ ЛИКОВ

Средь ликов тех, чьи имена, как звезды,
Горят векам и миллионам глаз,
И чей огонь еще в тысячелетьях
Не перестанет радугу являть,
А может быть, зажжется новым небом,
Иль будет жить как песнь, как всплеск волны,
Я полюбил, уже давно, два лика,
Что кажутся всех совершенней мне.

Один — спокойный, мудрый, просветленный,
Со взглядом, устремленным внутрь души,
Провидец, но с закрытыми глазами,
Или полузакрытыми, как цвет
Тех лотосов, что утром были пышны,
Но, чуя свежесть, сжались в красоте,
И лотосов иных еще, что только
В дремотной грезе видят свой расцвет.

Царевич, отказавшийся от царства,
И возлюбивший нищенский удел,
Любимый, разлучившийся с женою,
Бежавший из родной семьи своей,
Прошедший все вершины созерцанья,
И знавший истязания всех мук,
Но наконец достигший лет преклонных,
Как мощный дуб среди лесных пустынь.

Спокойствию он учит и уменью,
Сковав себя, не чувствовать цепей,
Поработив безумящия страсти
Смотреть на мир как на виденьи сна,
В величии безгласного затона
Молчать и быть в безветрии души,
Он был красив, и в час его кончины
Цветочный дождь низлился на него.

Другой — своей недовершенной жизнью —
Взрывает в сердце скрытые ключи,
Звенящий стон любви и состраданья,

Любви, но не спокойной, а как крик,
В ночи ведущий к зареву пожара,
Велящий быть в борьбе и бить в набат,
И боль любить, ее благословляя,
Гвоздями прибивать себя к кресту.

Но только что предстал он как распятый,
Он вдруг проходит с малыми детьми,
И с ними шутит, птица в стае птичек,
И он сидит пируя на пиру,
В хмельной напиток воду превращает,
Блуднице отпустил ея грехи,
Разбойнику сказал: «Ты будешь в Царстве».
И нас ведет как духов по воде.

Угадчивый, смутительно-утайный,
Который, говоря, не говорит,
А только намекает, обещая,
Узывчивый, как дальняя свирель,
Его покинешь, вдруг он вновь с тобою,
И веришь, и опять идешь за ним,
И вдруг умеет он промолвить слово,
Что хочешь ты услышать в крайний миг.

Но тот другой, безгласным чарованьем,
Не меркнет он, светясь в своих веках,
Бросая белый свет, поет безмолвно,
Глядит в себя, весь отрицая мир,
И подойдя к такому изваянью,
Глядишь в себя и видишь в первый раз,
Что мир не мир, а только привиденье,
А ты есть мир, и верно все в тебе.

К тому я приближаюсь и к другому,
И от обоих молча ухожу
Светлей себя, сильнее, и красивей,
Но слышу — жажду я не погасил.
И сильным, что смиренье возлюбили,
Слагаю я бесхитростную песнь,
Не облекая чувство в звон созвучий,
Не замыкая стих свой острием.

Я говорю: И красота покоя,
И чары отреченья чужды мне,
Я знаю их в моей размерной доле,
Но чувствую, что третий есть исход,
И в нем я как пчела в цветке и в улье,
И в нем я птица в лете и в гнезде,
И в нем я стебель пьющий и дающий,
И Солнце мой учитель в небесах.

Я выхожу весною ранней в поле,
И он со мной, помощник верный, конь,
И я, соху ведя, пронзаю глыбы,
А жаворонок сверху мне поет.
О, вейся, вейся, жаворонок выше,
И пой псалмы звучнее, чем в церквах,
И свей из тонких травок для подруги
И для птенцов заветное гнездо.

Я слушаю тебя, крылатый вестник,
Благословляю каждый миг земли —
Так с Богом говорит вся эта бедность,
Так в каждом миге чувствую я смысл,
Что с жаворонком мне не нужно мира,
И с пашнею не нужно мне креста, —
Всем, что во мне, служу обедню Солнцу,
И отойду, когда оно велит.

КАМЕНЬ ЧЕТЫРЕХ ГРАНЕЙ

Агни — в речи моей, Вайю — в духе моем,
Солнце — в оке моем, в мыслях сердца —
Луна.

Браманское Слово

1

Я — точка. Больше в безднах мне не нужно.
Два атома скрепляются в одно.
И миллион. И в смене зорь, жемчужно,
Жужжит, поет, журчит веретено.

Я — нить. Ресничка. Та черта дрожанья,
Чей первый танец влагу закрутил.
И вот глядит. Как глаз. Миров стяжанье.
Зверей и птиц, героев и светил.

Я — острие. Пронзается им чувство
Любого, кто приблизится ко мне.
На высях самоценного Искусства
Я дух зову качнуться к вышине.

Я — искра. Я горю одно мгновенье.
Но мной, в заветном труте, подожжен
Такой костер, что океан Забвенья
Не затемнит мой звездный Небосклон.

2

«Я — Земля, Земля!»
Мой звучит напев.
«Ты — Вода, Вода!»
Говорю, вскипев.

«Я — луга, поля,
В глыбе скрытый сев.
Ты — рудник, звезда,
Образ жен и дев!»

3

Эта песня — песнь священная,
Но поймут ее немногие.
Помнишь, вольная и пленная,
Наши луны круторогия?

Грудь твоя была лишь очерком,
Не достигшим полногроздности,
Лишь рисунком, детским почерком,
С нею взор мой был в созвездности.

Ты волнами златокудрыми
Скрыла зори, в нежной шалости.

Нам река словами мудрыми
Навевала кротость жалости.

Лепетала: «Утоплю ли я!»
Ворковала: «Забаюкаю!»
О, Елена! Ева! Юлия!
Всклики с звездною наукою!

Еще ранее, как гротами
Мы утешились, счастливые,
За слоновыми охотами
Рисовал быков и нивы я.

Мы играли обелисками,
Заслонялись пирамидами,
И в богов бросая дисками,
С ними мерялись обидами.

Мы для нищенства грядущего
Трою гордую встревожили,
И былое, в силу сущего,
Жгли, и трижды сон умножили.

Вот, летят тысячелетия,
Четверня неукротимая,
И сияю в лунном свете я,
И гляжу с тобой из дыма я.

Мы друг другом зажигаемся,
То веселыми, то грозными,
Вместе в пропасть мы свергаемся,
Если Рок велел быть розными.

И пространства черноземные
Превратив с тобою в житницы,
Мы вгляделись в ночи темные,
В дом Сибиллы, вещей скрытницы.

Возлюбив светила дальния,
Стали тихи, стали кротки мы,

Жизнь блеснула нам печальнее,
Взяли посохи и четки мы.

Плащ надев, с Крестом как знаменем,
Я пошел на бой с неверными,
Ты ж осталась — тихим пламенем
Быть над днями равномерными.

И на все четыре стороны,
В даль, где светит греза жгучая,
Век летят на битву вороны,
Ткется сказка, сердце мучая.

4

Пламя — в речи моей,
Вихри — в духе моем.
Ты — рудник. Ты мне — злато и цепь.

Солнце — вестник всех дней,
Лунной грезой живем.
Полетим, полетим через степь!

БЕЛЫЙ ЗОДЧИЙ

Когда великий Зодчий мира
Скрепил размеченность орбит,
И в дымах огненного пира
Был водопад планет излит, —

Когда сторожевые луны
Поставил он в слепых ночах,
И звезды, взятые в буруны,
Остановил, в них вдунув страх, —

Была в свеченьях восхищенья
Его высокая душа,
Узрев, что эта песнь творенья
В огнистых свитках хороша.

Но так был долог час созданья,
Что пламень сердца в нем застыл,
И снегом стал полет пыланья,
Как иней стал созвездный пыл.

Тот снежный миг навек нам явлен
В выси, где спит восторг и жуть.
Он будет некогда расплавлен,
Как двигнет Бог все звезды в путь.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕЛЕНЫЙ ВЕРТОГРАД

Слова поцелуйные

Книга VIII

ПТИЦЫ В ВОЗДУХЕ

Строки напевные

Книга IX

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ

РУНЫ НОЧИ

МОРАНА

МАЙЯ

ХОРОВОД ВРЕМЕНИ
Всегласность
Книга X

БЕЛЫЙ ЗОДЧИЙ
Стихи

ЗЛАТЫЕ ВЕДРА

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

Константин Дмитриевич
Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах
ТОМ ТРЕТИЙ

Редактор *А. Полбенникова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Корректор *Н. Иванова*
Компьютерная верстка *А. Павлов*

Подписано в печать 12.01.10 г.
Формат 84 × 108 $^1/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 22,29.
Заказ № 0925290.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Литературное
приложение

www.terra.su

ISBN 978-5-904656-85-0

